

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Харизма и популизм как формы политического лидерства в современном мире

Читайте в номере:

Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа

Российский либерал начала XX столетия в политике

Русский политический консерватизм XIX – начала XX вв. в действии

Политическое лидерство в современной Франции

Монархия и переход к демократии в Испании

Брекзит: причины, политический фон, последствия

Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле

Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика

Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией

Взгляд польских и российских средств массовой информации на Евро 2012: общее и особенное

ТОМ 10 • НОМЕР 6 • 2017

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 10 • NUMBER 6 • 2017

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право

Том 10 • Номер 6 • 2017

Цели и задачи

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Главный редактор

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ИСАКОВ Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ЛЕКСИН Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВЕРШИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВИЛИСОВ Максим Владимирович – кандидат политических наук, генеральный директор Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ЖЕБИТ Александр — профессор, Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

КАЧИНС Эндрю — директор программы по России и Евразии, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ЛУКИН Александр Владимирович — доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич — доктор политических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

МИГРАНЯН Аза Ашотовна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МИРОНЮК Михаил Григорьевич — кандидат политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук, Москва, Российская Федерация

ОРЛОВ Игорь Борисович — доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ПАБСТ Адриан — Ph.D (философия религии), лектор факультета политологии и международных отношений, Кентский университет, Кент, Великобритания

СИЛЬВЕСТРОВ Сергей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационному развитию Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

ТЕЛИН Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

УННИКРИШНАН Нандан — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», вице-президент индийского исследовательского центра Observer Research Foundation, Нью-Дели, Индия

ЭПШТЕЙН Алек Д. — доктор социологических наук (Иерусалимский университет), эксперт Института Ближнего Востока (Москва), Иерусалим, Израиль

Председатель редакционного совета

ЯКУНИН Владимир Иванович — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич – академик Российской академии наук, доктор юридических наук, Москва, Российская Федерация

МАКАРОВ Валерий Леонидович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич – академик Российской академии наук, доктор экономических наук, исполняющий обязанности директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич – академик Российской академии наук, доктор политических наук, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) России, Москва, Российская Федерация

ШУТОВ Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Секретарь

МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич – магистр юриспруденции, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

Журнал «**Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право**» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации 05.10.2016, регистрационное свидетельство: ПИ №ФС77-67382

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 80247

Периодичность: 6 раз в год

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», г. Москва, Российская Федерация

Сайт: <http://centero.elpub.ru>

Адрес: 107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев переулок, дом 4, 2-й этаж

E-mail: molchakov@centero.ru

Тел.: +79035563419

Подписка и распространение: Журнал распространяется бесплатно

Тираж: 1000 экземпляров

© «Контуры глобальных трансформаций», 2017

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law

Volume 10 • Number 6 • 2017

About OGT

The *Outlines of Global Transformations* Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editor-in-chief

Alexey V. Kuznetsov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Deputy editors-in-chief

Vladimir B. Isakov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vladimir N. Leksin – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Scientist at the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander I. Solovyev – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Political Analysis at the School of Public Administrations of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial board

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of History, Professor of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alek D. Epstein – Ph.D. (Department of Sociology, The Hebrew University of Jerusalem), Expert, Institute of Middle Eastern Studies (Moscow), Jerusalem, Israel

Andrew C. Kuchins – Senior Associate of the CSIS Russia and Eurasia Program, Washington, USA

Aleksey A. Krivopalov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Alexander V. Lukin – Doctor of History, Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Aza A. Migranyan – Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrei Y. Melville – Doctor of Politics, Professor, Dean of Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Michail G. Mironyuk – Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Adrian Pabst – Ph.D (philosophy of religion), Lecturer, School of Politics and International, University of Kent, Kent, United Kingdom

Sergey N. Silvestrov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Kirill O. Telin – Cand. Sci. (Pol.), Research Assistant, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nandan Unnikrishnan – Vice-president of the Observer Research Foundation, New Delhi, India

Alexander A. Vershinin – Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of Russia XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Maksim V. Vilisov – Cand. Sci. (Pol.), General Director of the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia
Sergey V. Volodenkov – Doctor of Politics, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Alexander Zhebit – Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya – Doctor of History, Professor, Department of East Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Editorial Council

Oksana V. Gaman-Golutvina – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
Ruslan S. Grinberg – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor of the Institute for International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Science, Professor, Moscow, Russia
Valeriy L. Makarov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Director of the Central Economics and Mathematics Institute at the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Boris N. Porfiriev – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Acting Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
Viktor A. Sadovnichiy – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Rector of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Anatoly V. Torkunov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Politics, Rector of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
Andrei Y. Shutov – Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Head of the Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Executive Secretary

Nikita Y. Molchakov – Master of Jurisprudence, Research Assistant at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

The Journal “**Outlines of Global Transformations: politics, economics, law**” was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 5th of October, 2016. Registration certificate: ПИ №ФЦ77-67382 I

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

The Journal is included into the Higher Attestation Commission (HAC) list of periodicals (the list of leading peer-reviewed scientific journals recommended of publishing the basic research results of doctor and candidate theses).

Publication Frequency: Bi-monthly

Founder: Association for independent experts “Center for Crisis Society Studies”, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://centero.elpub.ru>

Postal address: 4 Dockuchaev per., Moscow, 107078, Russian Federation

E-mail: molchakov@centero.ru

Tel.: +79035563419

Subscription: The journal content is free distributed

Circulation: 1000 copies

Содержание

Представляя номер	9
-------------------------	---

США: новые реалии

Борис Вадимович МЕЖУЕВ. Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа	13
--	----

Страницы истории

Федор Александрович ГАЙДА. Российский либерал начала XX столетия в политике	28
---	----

Максим Михайлович ШЕВЧЕНКО. Русский политический консерватизм XIX – начала XX вв. в действии	44
--	----

Проблемы Старого света

Наталья Юрьевна ЛАПИНА. Политическое лидерство в современной Франции	65
--	----

Сергей Маркович ХЕНКИН. Монархия и переход к демократии в Испании	82
---	----

Елена Владимировна АНАНЬЕВА. Брекзит: причины, политический фон, последствия	98
--	----

В национальном разрезе

Александр Владимирович КОРОЛЬКОВ, Татьяна Юрьевна РУСАКОВА. Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле	120
---	-----

Виктор Анатольевич НАДЕИН-РАЕВСКИЙ. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика	138
--	-----

Точка зрения

Петр Викторович ОСКОЛКОВ, Егор Александрович СЕРГЕЕВ. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией	155
---	-----

Любовь Александровна ЦЫГАНОВА, Лукаш БИШКЕ. Взгляд польских и российских средств массовой информации на Евро 2012: общее и особенное	170
---	-----

Contents

Introduction	11
--------------------	----

USA: New Realities

Boris V. MEZHUEV. Charismic Legitimacy in the Era of Donald Trump	14
--	----

Pages of History

Fyodor A. GAYDA. Russian Liberal of the Beginning of the 20th Century in Politics	29
---	----

Maksim M. SHEVCHENKO. The Practice of Russian Conservatism of the Nineteenth and early Twentieth Centuries	49
--	----

Problems of the Old World

Natalia Y. LAPINA. Political Leadership in Modern France	66
---	----

Sergey M. KHENKIN. The Monarchy and the Transition to Democracy in Spain	83
--	----

Elena V. ANANIEVA. Brexit: Reasons, Political Background, Implications	99
--	----

National Peculiarities

Alexander V. KOROLKOV, Tatiana Yu. RUSAKOVA. Charismatic Leadership as a Factor of Power in Venezuela	121
---	-----

Victor A. NADEIN-RAEVSKIY. R.T. Erdogan as an Example of a Charismatic Politician	139
---	-----

Point of View

Petr V. OSKOLKOV, Egor A. SERGEEV. Party System of the Netherlands: between Pillarization and European Integration	156
--	-----

Lyubov A. TSYGANOVA, Łukasz BIESZKE. View of Polish and Russian Media on Euro 2012: Comparing and Contrasting	169
---	-----

Представляя номер

Очередной номер журнала «*Контуры глобальных трансформаций*» затрагивает извечную тему власти. Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой попытку обобщения некоторых явлений в политической культуре. В центре внимания большинства авторов находится феномен политической харизмы, к изучению которого они подошли с учётом максимально широкого исторического и социокультурного контекста.

Очевидно, во внутриполитическом устройстве западных государств стремление к консенсусу и поиску компромисса плохо уживается с харизматическим началом. В результате там всё более отчётливо наблюдается дефицит вожakov, воспринимающих политику «как призвание». Фигура профессионального партийного политика практически повсеместно низводится до уровня заурядного бюрократического функционера.

«Брекзит» и победа Д. Трампа, казалось бы, предвещали рост волны популизма и дальнейшую утрату традиционными политическими элитами их преобладающего положения. Эти опасения, в значительной степени, оказались преувеличенными. Экцентричный президент, как следует из статьи Б.В. Межуева, по сути, не имел реальных шансов подорвать господство опирающейся на институты политической машины Вашингтона. На примере европейских стран проблема популизма и лидерства харизматического типа рассматривается в статьях Е.В. Ана-

ньевой, Н.Ю. Лапиной, П.В. Осколкова и С.М. Хенкина.

Отсутствие подлинной идейно-политической борьбы вынуждает подменять её симулякрами. Важнейшим в их ряду остаётся профессиональный спорт. Этому сюжету посвящена статья Л.А. Цыгановой и Л. Бишке.

Образ народного трибуна и харизматического вождя народных масс не раз встречался на страницах истории. Хотя политический класс на Западе по-прежнему сохраняет контроль над курсом государственного корабля, харизматический тип власти в его веберовском понимании даже в наше время не исчез бесследно. О живучести этой формы свидетельствует происходящий на наших глазах ренессанс политического популизма в развивающихся странах. Статья А.В. Королькова и Т.Ю. Русаковой посвящена наследию У. Чавеса для политической культуры Венесуэлы и Латинской Америки. Материал В.А. Надеина-Раевского рассказывает о восхождении к вершинам единоличной власти нынешнего турецкого президента Р.Т. Эрдогана.

Много поучительного есть и в опыте нашей страны. О том, как видела свою миссию русская либеральная интеллигенция до 1917 г., рассказывает статья Ф.А. Гайдю. Свойственное русской интеллектуальной оппозиции непонимание самой природы государственной власти как принуждения, основанного на принципе легитимного насилия, оказало фатальное влияние на исход революционного кризиса. Материал

М.М. Шевченко посвящён противоположном флангу. Он описывает эволюцию идей русского политического консерватизма на протяжении большей части XIX и в начале XX века.

Двадцатый век с его страшными потрясениями, тотальными мобилизациями, большими надеждами и мессианскими идеологиями остался в прошлом. Современное государство на Западе лишилось идеологического стержня. Глобальные интеграционные проекты размывают некогда столь важный принцип государственного суверенитета. Государство более не готовит себя к ответу на экзистенциальные вызовы и не видит смысла в том, чтобы, преодолевая внутреннее сопротивление общества, обеспечивать желез-

ную идейно-политическую консолидацию своих граждан. Государственный интерес теперь практически открыто провозглашается производной величиной от суммы частных интересов. Последствия этих новых тенденций могут быть разноплановыми, а потому российскому научно-экспертному сообществу следует быть готовым к любому сценарию развития событий.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
ЯКУНИН В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
КУЗНЕЦОВ А.В.

Introduction

This issue of the «*Outlines of Global Transformations*» addresses an age-old topic of power in an attempt to generalize some of the political culture developments. Most of the authors focus on the phenomenon of political charisma which they study with maximum possible consideration of historical and sociocultural background.

Obviously, when it comes to internal political structure of the western countries consensus-building and search for a compromise does not go along too well with charismatic self. As a result, leaders who regard politics as «vocation» fall into ever shorter supply there. A professional party politician is almost ubiquitously reduced to a mediocre bureaucratic functionary.

Brexit and D. Trump's victory seemed to herald the rise of populism and further marginalization of traditional political elites. Those concerns have proved to be exaggerated to a large extent. As follows from B. Mezhuiev's article, the eccentric president in fact stood no real chance to undermine the masterdom of Washington's political machine that relies on institutions. Through the example of European countries the problem of populism and charismatic leadership is examined in articles by E. Ananieva, N. Lapina, P. Oskolkov and S. Khenkin.

The lack of true ideological and political opposition necessitates the need for simulacra, the most important of them being professional sports. This topic is

discussed in the article by L. Tsyganova and L. Bieszke.

The figure of people's tribune and charismatic leader of the masses has re-occurred in history more than once. And though the Western political establishment maintains control over the course of the national ship, charismatic type of authority as interpreted by Weber lingers even today. The revival of political populism as witnessed in the developing countries attests the persistence of this type. The article by A. Korolkov and T. Ruskova is devoted to H. Chavez's legacy in the political culture of Venezuela and Latin America. The article by V. Nadein-Raevsky describes the current Turkish president R.T. Erdogan's rise to become an individual ruler.

Our country's own experience is highly educational as well. The article by F. Gaida describes the way Russian liberal intellectuals envisioned their mission before 1917. The failure to understand the very nature of state power as compulsion based upon the principle of legitimate violence that was common to Russian intellectual opposition proved to be fatal for the outcome to a revolutionary crisis. The study by M. Shevchenko is devoted to the opposite wing. He describes the evolution of the ideas of Russian political conservatism during the most part of the 19th and the beginning of the 20th century.

The 20th century with its terrible turmoil, total mobilizations, great expectations and messianic ideologies has be-

come history. The modern Western state has lost its ideological core. Global integration projects dissolve the state sovereignty principle, once so important. The state is no more prepared to face the existential challenges and doesn't see any point in maintaining cast-iron ideological and political consolidation of its citizens against the internal resistance of the society. Public interest is now almost explicitly proclaimed derivative of the sum of private interests. Consequences of those new

trends may be different, and that is why Russian scientific and expert community should be ready for any scenario.

Head of Editorial Council,
Doctor of Political Sciences
Yakunin V.I.

Editor-in-Chief,
Corresponding Member of RAS
Kuznetsov A.V.

США: новые реалии

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Борис Вадимович МЕЖУЕВ

Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
borismezhuev@yandex.ru

Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа

АННОТАЦИЯ. *Рассуждения о «харизматических чертах» нового президента США представляют собой прямое обвинение американского лидера в потенциально авторитарном характере его правления. Между тем Дональд Трамп не демонстрирует никакого стремления изменить Конституцию и нарушить принцип «разделения властей». Да и Макс Вебер отнюдь не отождествлял «харизматичность» и «авторитарность». Та объективная реальность, которая скрывается за этими обвинениями, – это стремление американского политического истеблишмента гарантировать себя от случайностей, связанных с исходом любых демократических выборов. По существу, это иная форма проявления противоречия между глобальным характером экономики, коллективным характером системы безопасности и национальным характером демократической политики, которое, скорее всего, будет разрешено не в пользу последней.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Межуев Б.В. (2017). Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 13-27. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: харизма, авторитарное правление, Дональд Трамп, лидерство, американский блок, политическая система

USA: New Realities

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Boris V. MEZHUEV

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
borismezhuev@yandex.ru

Charismatic Legitimacy In The Era Of Donald Trump

ABSTRACT. *Thoughts on the «charismatic features» of the new US president are a direct accusation of the American leader in the potentially authoritarian nature of his government. Meanwhile, Donald Trump does not show any desire to change the Constitution and violate the principle of «separation of powers». ax Weber by no means identified «charismatic» and «authoritarian». Moreover, Max Weber by no means identified «charismatic» and «authoritarian». The objective reality that lies behind these accusations is the desire of the American political establishment to guarantee itself against accidents connected with the outcome of any democratic elections. In essence, this is another form of manifestation of the contradiction between the global nature of the economy, the collective nature of the security system and the national character of democratic politics which is most likely to be resolved not in favor of the latter.*

KEYWORDS: *charisma, authoritarian rule, Donald Trump, leadership, American bloc, political system*

FOR CITATION: Mezhuev B.V. (2017). Charismatic Legitimacy in the Era of

Donald Trump. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 13-27. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Язык политической науки при описании явлений современной жизни, к сожалению, не свободен от чрезмерной ангажированности. Мы читаем как будто совершенно объективную, претендующую на академическую отстраненность работу, посвященную анализу таких феноменов, как Трамп, популизм, «Брекзит», и очень быстро обнаруживаем в ней строки, выдающие явную ценностную предрасположенность автора и его личное отношение к описываемым феноменам. Одним из таких не имеющих никакого отношения к науке расхожих клише является переходящее из статьи в статью утверждение: «Трамп – враг демократии, авторитарный лидер». Российский социолог Татьяна Ворожейкина в статье «Демократические институты в эпоху Дональда Трампа» пишет: «Таким образом, не будет преувеличением сказать, что одно из важнейших институциональных оснований американской демократии серьезно ослаблено в результате как предшествующих процессов поляриза-

ции американской политической системы, так, и особенно, в результате прихода к власти Дональда Трампа, который стремится править поверх и помимо партий, обращаясь непосредственно к своим сторонникам. За прошедшие месяцы американская партийная система не смогла оказать сопротивления авторитарным тенденциям в политике Трампа, его претензиям на верховенство президентской власти над остальными ее ветвями» (Ворожейкина, 2017, с. 73).

Увы, автор даже не поясняет, на чем основываются ее выводы. В чем проявляется стремление Трампа «править поверх и помимо партий, обращаясь непосредственно к своим сторонникам»? Неужели в нескольких публичных выступлениях перед избирателями в разных штатах? Но в этом отношении Трамп не слишком отличается от младшего Буша и явно уступает Рейгану – вождю консервативного движения Америки, которое действительно серьезно потеснило истеблишмент Республиканской партии, приведя в Вашингтон новых людей. В чем конкретно проявляются «авторитарные тенденции Трампа», которым следовало бы на партийном или на уровне законодательной власти оказать сопротивление?

Безусловно, президент США с помощью своего отпущенного на волю хлеба политтехнолога Стивена Бэннона пытается на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2018 года провести своих людей в Сенат и Палату представителей, тем самым противодействуя влиянию тех кругов Республиканской партии, кто не принимает его политику. Но в этом нет ничего антидемократического и тем более ан-

тиконституционного: начать хотя бы с того, что сама Демократическая партия была сформирована в 1828 году в результате борьбы с истеблишментом Восточного берега, до этого времени контролировавшего власть в Соединенных Штатах¹. Казалось бы, российский исследователь при описании политической борьбы в США мог бы не вставать на одну сторону и не использовать пропагандистские клише политических оппонентов американского президента, а сохранять объективную, независимую позицию, но тем не менее сделать это оказывается очень сложно. Не только по причине ангажированности и непрофессионализма исследователей, но и в силу, как мы покажем впоследствии, неоднозначности самого объекта исследования.

С другой стороны океана, в СМИ, выражающих мнение истеблишмента Демократической партии и либеральных элит, пишется фактически то же самое: о подспудном антидемократизме нынешнего обитателя Белого дома и его готовности разрушить существующие политические институты. Вот бывший республиканец, который в период предвыборной кампании Барака Обамы перешел на сторону демократов, Эндрю Сэлливан в недавнем выпуске «Нью-Йорк-Мэгэзин» прямо обвиняет действующего президента в нарушении Конституции; при этом, надо признать, в отличие от отечественного социолога он понимает контрфактичность своих обвинений: «Да, положения Конституции остаются по большей части не нарушенными после девяти месяцев <президентства Трампа>. Однако нормы, которые позволяют Конституции работать, пошатнулись. Структура остается той же

1 Isenberg N., Burstein A. The Democratic Autocrat. Democracy. A Journal of Ideas. 2017. URL: <https://democracyjournal.org/magazine/46/the-democratic-autocrat/> (Accessed: 18.11.2017).

самой. Но Трамп непрерывно атакует ее основания. Не смотрите за тем, что совершается на поверхности. Прислушайтесь к тому, что происходит в основании»². Здесь мы сталкиваемся с еще более запутанным ходом мыслей, чем в статье российского социолога: по мнению влиятельного американского эксперта, форма американской конституции Трампом не нарушена, но искажен сам ее дух. В чем это конкретно заключается, автор предоставляет судить читателю, которому следует напрячь свой слух, чтобы ощутить, что свершается в самой глубине политической жизни Америки и всей западной цивилизации.

Безусловно, значительная часть всех этих инвектив обусловлена разочарованием и ужасом либералов перед наступлением консервативного популизма. И в Америке, и в России либералы утратили народную поддержку. В обеих странах это обстоятельство имеет очень разные причины и неодинаковые последствия, но само переживание либеральными интеллектуалами своей неизбежной электоральной обреченности имеет схожие симптомы.

Республиканская партия давно не имела такого преобладания в политической системе, какое она приобрела после 2016 года, когда по итогам ноябрьских выборов утвердилось большинство республиканцев в обеих палатах Конгресса. При этом после утверждения в Сенате 21 марта 2017 года кандидатуры Нила Горсача на вакантное место члена Верховного суда образовалось консервативное большинство и в главном органе третьей ветви власти Соединенных Штатов.

Республиканцы начали теснить демократов и на губернаторских выборах. Стало происходить нечто невозможное, с демографической и в целом исторической точки зрения. Все социологические тренды, много раз отмеченные исследователями, предсказывали растущий успех либеральных ценностей: к этому вели и прилив постепенно натурализирующихся мигрантов, и неизбежная секуляризация, и сосредоточение основных СМИ в руках либерально ориентированного бизнес-класса, и растущая роль женщин в обществе. Весь этот набор факторов якобы должен был способствовать укреплению либеральной и заката консервативной идеологии в обществе. Итог избирательной кампании 2016 года в этом смысле явился шоком для наблюдателей, прогнозировавших неизбежную победу кандидата от демократов: Дональда Трампа поддержало большее число цветных избирателей, чем какого-либо другого республиканского кандидата за последнее время, 52% «белых» женщин предпочли Трампа Хиллари Клинтон³. И иммигранты во втором поколении, и женский электорат Америки, несмотря на все усилия либеральных СМИ, оказались гораздо более консервативными по своим убеждениям, чем это предсказывали расхожие социологические теории.

В России, разумеется, кризис либеральной идеологии имел совершенно иные основания: либерализм здесь получил устойчивую ассоциацию с упадком государства и обнищанием населения в 1990-е годы. Казалось бы, в США дело обстояло иначе, и для Аме-

2 Sullivan A. This Is What the Trump Abyss Looks Like. New York magazine. 27.10.2017. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/10/this-is-what-the-trump-abyss-looks-like.html> (Accessed: 18.11.2017).

3 Sims A., Buncombe A. Who voted for Donald Trump? Mostly white men and women, voting data reveals. Independent. 09.11.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-elections/who-voted-for-donald-trump-white-men-and-women-most-responsible-for-new-president-elect-voting-data-a7407996.html> (Accessed: 18.11.2017).

рики те же 1990-е было временем экономического подъема, государственного величия и необозримых жизненных перспектив. Между тем, для очень и очень многих жителей США эпоха 1990-х оказалась периодом расцвета той самой глобализации, которая в конечном итоге отняла у них работу и шанс на достойное существование. Любопытнейшим образом и победившая, и проигравшая стороны в Холодной войне испытывают схожие проблемы и сталкиваются с аналогичными трудностями.

Но вернемся к политической науке. Большая часть ее представителей и в России, и на Западе так или иначе связывают себя с либеральной идеологией и с распространением либеральных ценностей в обществе. В США представители социальных наук в подавляющем большинстве сочувствуют Демократической партии и настроены враждебно по отношению к партии Республиканской, поэтому доминирование республиканцев во всех органах власти они воспринимают как угрозу демократии. Проблема социальная – временное или же долгосрочное отступление либерализма – выдается ими за проблему политическую: победившие консерваторы, или же популисты, самой своей оглушительной победой якобы нарушают принцип разделения властей. Объективное доминирование оппонентов в институтах власти подается как угроза демократии. Между тем, если посмотреть на всё происходящее с академической точки зрения, можно прийти к выводу, что господство республиканцев, на самом деле, очень неустойчиво: их кандидат в Белом доме имеет весьма сложные отношения с собствен-

ной партией, и его с большой натяжкой можно назвать последовательным республиканцем. Трамп с трудом выиграл республиканские праймериз, он, можно сказать, вырвал победу у других, более системных кандидатов; и уже находясь в Белом доме, лидер страны не может заручиться твердой поддержкой республиканского большинства как в Палате представителей, так и в Сенате⁴. Лидеры этого большинства постоянно проваливают его законодательные инициативы, как это, например, случилось при попытках законодательной отмены Obamacare.

Вот это реальное напряжение в отношениях Трампа и его собственной партии – оно и дает основание говорить о новом президенте США как о якобы «харизматическом лидере». Разговоры на эту тему начались в американской прессе примерно весной 2016 года, когда стало ясно, что Трамп одолевает всех других претендентов от Республиканской партии, и у истеблишмента нет сил и возможностей остановить маргинального кандидата, своей популистской риторикой завоевывающего симпатии избирателей. Политолог Дэвид Мейер в одном из своих блогов на сайте Politics Outdoors с характерным названием «Дональд Трамп и угроза насилия» в марте 2016 года⁵, кажется, впервые употребил выражение «харизматический лидер» по отношению к нью-йоркскому миллиардеру. Мейер написал, что «харизматические фигуры», то есть политики, по своим персональным качествам не приспособленные к управлению государством, не имеющие надлежащего опыта управления и не обладающие нужным темпераментом для осуществле-

4 Подробное описание избирательной кампании Д. Трампа см.: (Бенедиктов, 2016).

5 Meyer D. Trumpism and the threat of violence. Politics Outdoors. 24.03.2016; URL: <https://politicsoutdoors.com/2016/03/24/trumpism-and-the-threat-of-violence/> (Accessed: 18.11.2017).

ния властных функций, обретают силу, влияние и шансы на приход к власти во «времена нестабильности» (*turbulent times*). В подобные моменты истории избиратели готовы прислушиваться в большей мере к тем, кто готов обвинить всю систему целиком и разбрасывается обвинениями в чей-то персональный адрес, чем к тем, кто предлагает конкретные альтернативы.

Вслед за Мейером многие публицисты либерального лагеря продолжали говорить о «харизматическом» характере лидерства Трампа, вкладывая в это понятие несколько пренебрежительный смысл. «Харизматичность» Трампа служила, таким образом, эвфемизмом для обозначения одновременно его излишней эмоциональности, враждебности партийным элитам, слабой профессиональной подготовки и наличия у него скрытых авторитарных амбиций. Уже после прихода Трампа к власти известнейший социолог религии Питер Бергер, скончавшийся в 2017 году, одну из последних своих записей в блоге на сайте журнала «*American Interest*» озаглавил так: «Дональд Трамп и опасности харизмы»⁶. Речь в этом тексте шла о причинах поддержки Трампа правыми евангелистами, увидевшими в нью-йоркском миллиардере «орудие Бога» в борьбе против секулярных элит. В данном случае понятие «харизма» использовалось не столько в веберовском, сколько в изначально религиозном смысле, как «дар Божий» определенному человеку, как наличие у него способности пробуждать веру в свою избранность высшими силами для достижения тех или иных земных целей⁷.

Очевидно, что «харизматическими» качествами может обладать в том числе и демократический лидер: слово «харизма» постоянно используется политическими комментаторами при описании персональных характеристик ярких, талантливых политиков, умеющих завоевывать симпатии избирателей не только аспектами своей программы или предвыборными лозунгами, но и определенными персональными чертами: тембром голоса, красивой внешностью, необычной манерой поведения⁸. Конечно, рутинизация и бюрократизация любой политики, в том числе и демократической, снижает политическое значение «харизматических» качеств для утверждения лидерства в системе, однако именно демократическая система обладает механизмами для сообразного с законом преодоления этой бюрократизации и задеирования эмоциональной стороны политического процесса. В этом смысле эксцентричный шоумен, идущий во власть, – феномен, полностью соответствующий логике эволюции современной демократии. Тем не менее мы видим, что разговорами о «харизматичности» Трампа эксперты хотят подчеркнуть его антисистемность, некую потенциальную антидемократичность. Иными словами, речь идет о том, что «харизматические» черты потенциально являются своеобразным ресурсом, с помощью которого Трамп (или другой подобный ему политик западного мира) будет в состоянии преодолеть известные ограничения системы, нарушить неписанные нормы современной демократии. Насколько сами по себе основательны по-

6 Berger P. Donald Trump and the Perils of Charisma. The American Interest. 15.02.2017. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/02/15/donald-trump-and-the-perils-of-charisma/> (Accessed: 18.11.2017).

7 О религиозных истоках концепции «харизматической легитимности» см.: (Joose, 2014, p.266-283).

8 Как писал М. Вебер в третьей главе «Хозяйства и общества»: «Авторитарный по своему исходному смыслу харизматический принцип легитимности может быть переосмыслен в антиавторитарном духе» (Вебер, 2016b, с. 303).

добные предположения, скрывают ли они нечто большее, чем либеральную ангажированность представителей политологического цеха?

Когда Макс Вебер в своем эссе 1919 года «Политика как призвание и профессия» выделял три типа легитимности – традиционную, легальную и харизматическую, – он менее всего на свете хотел заявить об опасности «харизматического» правления. Совсем напротив, Вебер в этот момент чувствовал, что демократия может задохнуться в бюрократической легальности и ей остро требуется «харизматическая» отдушина. Пример демократической системы с подобного рода «харизматической» форточкой Вебер обнаруживал именно в Соединенных Штатах, в которой лидер страны обладает возможностью завоевывать симпатии избирателей на всеобщих выборах, возвышаясь над парламентской политикой, над господством, как выражался немецкий ученый, «нобилитета партийных старейшин» (Мигранян, 1989, с. 158-158). Достоинством западной демократии Вебер считал способность к институционализации «харизмы» (чего не могут обеспечить антидемократические системы, бюрократически рутинизирующие революционную «харизму», в том числе и ту, которой сама система обязана своим происхождением). «Особенностью Запада, – писал Вебер, ... является политический вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе» (Вебер, 2016а, с. 487). Ины-

ми словами, «харизматическое лидерство» является по Веберу не угрозой демократии, но важным ее атрибутом, обеспечивающим системе гибкость и отзывчивость по отношению к конкретным настроениям и запросам избирателей⁹.

Не являются ли в таком случае страхи либеральных элит перед «харизматическим» лидерством Трампа абсолютно надуманными и беспочвенными? Или, во всяком случае, эти страхи нужно мотивировать не личностными качествами американского президента, а особенностями его политики и базой его поддержки? Проще говоря, прибавляет ли слово «харизма» что-то к пониманию мотивов опасений истеблишмента и в целом интеллектуального мейнстрима по отношению к фигурам, подобным Трампу? Не являются ли инвективы против «харизмы», на самом деле замаскированными выпадами против демократии как таковой, поскольку именно этот строй содержит в себе элемент непредсказуемости, угрозу выбора кандидата с авторитарными замашками, готового при случае преступить закон и т. д.? При всей соблазнительности положительного ответа на этот вопрос попытаемся всё же найти какое-то оправдание либеральным экспертам, указывающим на «харизматичность» Трампа как потенциальную опасность для демократии.

Когда Вебер писал свое эссе, выражение «харизматическое правление» ассоциировалось не столько с американским политическим опытом, сколько с опытом французского бонапартизма. Именно правление обоих Бонапартов – и Наполеона I, и Наполеона III – в наибольшей степени отвечало негативному определению «харизматической легитимности»: ею отличалась власть,

9 Обзор современных дискуссий вокруг веберовского понятия «харизмы» см.: (Smith, 2013, p. 3-74).

основанная ни на обычае, ни на законе, а на исключительных чертах властителя. «Идеальный тип» такой легитимности – это именно власть удачливого полководца, успешно конвертирующего свое военное лидерство в лидерство политическое. Наполеон I совершил государственный переворот 18 брюмера 1799 года: свергнув Директорию, он объявил себя первым консулом. Племянник императора в декабре 1848 года был избран президентом Французской республики. С самого начала своего президентства Луи Бонапарт готовился к своему 18 брюмера. 2 декабря 1851 года здание Законодательного собрания и других правительственных учреждений были заняты солдатами, декретом президента республики Собрание было распущено, большинство депутатов арестовано. В столкновении с «харизмой», подтвержденной плебисцитом, закон тогда потерпел поражение. Впоследствии, в течение всей истории Третьей республики бонапартистские тены неоднократно проплывали над политической сценой, однако, 18 брюмера более не повторялось во Франции ни как трагедия, ни даже как фарс. Между тем 18 брюмера фактически состоялось в Польше в 1926 году, когда в результате государственного переворота к власти в стране пришел маршал Пилсудский, и в 1936 году – во время мятежа франкистов против республики. Можно сказать, что после Первой мировой войны «харизматическая легитимность» в ее узком понимании в первую очередь связывалась с правлением успешных военных лидеров, как о том и писал Вебер.

Само понятие «легитимность» вызывает большие споры в политической науке. Отечественный политолог Виктор Сергеев в своей книге «Народовластие на службе элит» считает необходимым «ослабить веберовское определение легитимности». С его точки зре-

ния, «режим легитимен, если поведение народа не нарушает видимым образом способ функционирования власти. Легитимность теряется, когда массовое поведение граждан препятствует нормальному функционированию власти: народ бежит через границы, дезертирует из армии, перестает платить налоги» (Сергеев, 2013, с. 28-29). Представляется, что это «ослабление» веберовского определения не совсем правомерно: народ может подчиняться действующей власти и не бунтовать против нее не потому, что считает эту власть «легитимной», а потому что поддерживает ее мероприятия, проводимый ею курс. При этом народ может сознавать, что данная, отвечающая его интересам власть тем не менее не является легитимной. И напротив, народ может быть не доволен действиями власти, но продолжать быть убежденным в ее легитимности. Соответственно, «легитимность» следует отличать от мотивов лояльности: «легитимность» – это в определенном смысле готовность «терпеть» в том числе и неудобную власть, признавая ее законность. «Харизматической» легитимностью в этом понимании обладает неудобный и, возможно, суровый правитель, которого терпят в силу веры в его уникальные качества, в его особую «избранность». Это действительно более всего соответствует готовности войска выполнять приказания своего полководца или вождя по причине веры в его миссию или же в его уникальные способности.

С точки зрения философии истории, «харизма» – это прорыв некой изначальной материи персональной власти в современный мир, поскольку власть военного вождя предшествует господству наследственных монархов и феодалов: предки последних когда-то и были военными вождями. Более сложный феномен – власть жреческая, которая может считаться в каком-то смыс-

ле основой рационально-правовой легитимности и, соответственно, отдаленной предшественницей господства бюрократов: не случайно слово «клерки» (чиновники) происходит от слова «клирики» (священники). Веберовская триада явно скрывает отсутствующий четвертый тип легитимности: подобно тому, как традиция восходит к «харизме», точно так же закон укоренен в представлении о «священном», о «табу». Люди соглашаются «терпеть» наследственную власть, поскольку сознают, что в ее основании – древняя, но не утратившая свою силу в череде поколений личностная «харизма»; точно также они готовы подчиняться закону, который в глубинных своих основаниях имеет «сакральное» происхождение.

«Харизма» прорывается в современный мир, мир обычая и права, прежде всего в ситуации военного времени: к этому относится всё, что мы говорили о бонапартизме и его рецидивах в XX столетии. Однако безусловно, что сегодняшняя волна популизма никак не связана с военным руководством: любопытно, что именно военная часть команды национальной безопасности Дональда Трампа воспринимается экспертами, представляющими мнение истеблишмента, как сдерживающее, «взрослое» начало, оберегающее неуравновешенного «харизматика» от необдуманных поступков. «Военные» в этом смысле выступают просто как часть бюрократии – отстаивающая примат «закона» над разрушительными импульсами большинства населения и лидера-популиста¹⁰. Если «харизматичность» Трампа имеет не милитарную природу, то

возникает вопрос, каковы истоки этой новой «харизматичности»?

Думаю, нам очень поможет в данном случае сравнение Трампа с феноменом Бориса Ельцина, первого президента России, которого также называли «харизматиком» в силу особенностей его характера и специфики политического поведения. Проблема, однако, не только в чисто внешнем сходстве двух президентов: приход к власти каждого из них отражал общие тенденции политического развития двух блоков – советского и американского. Успех Ельцина в 1991 году был выражением отказа значительной части российского общества терпеть издержки, связанные с сохранением советского блока; успех Дональда Трампа в 2016 году точно также символизировал нежелание значительной части населения Америки мириться с трудностями, обусловленными необходимостью поддержания блока американского.

Понятие «блокополитики» было введено в 2017 году американским политологом Майклом Линдом. Речь идет о его статье, которая появилась в журнале «The National Interest» летом 2017 года: «Блокополитика»¹¹. В своей работе Линд фактически оправдывает (хотя и макиавеллистским образом) тех политиков и журналистов, кто ведет войну с Трампом: за ними он усматривает сложившуюся реальность, а за Трампом – лишь «беспочвенные мечты». Рано или поздно эта реальность получит полноценное теоретическое оформление: национал-популизм, на самом деле, бросил вызов не «глобальному рынку», не «транснациональной

10 См.: Mann J. The Adults in the Room. The New York Review of Books. 26.10.2017. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2017/10/26/trump-adult-supervision/> (Accessed: 18.11.2017).

11 Lind M. Blocpolitik. The National Interest. July-August 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/blocpolitik-21208>. Эта статья тематически и концептуально совпадала с другой публикацией того же автора в недавно возникшем журнале «American Affairs»: «Новая классовая война», образуя с ней своего рода диалогию. См.: Lind M. The new class war. American Affairs. Summer 2017. URL: <https://americanaffairsjournal.org/issue/summer-2017> (Accessed: 18.11.2017).

демократии», и не «международному сообществу». Он бросил вызов американскому блоку. Речь идет об очень интегрированном сообществе, в котором первенствующую роль играют американские корпоративные элиты, но в котором представители деловых и политических кругов Европы, Японии, некоторых арабских стран занимают позиции миноритарных, но вместе с тем весьма значимых партнеров. Этот круг людей с давних времен переплетен сотней клубных связей, разного рода инициатив, проектов, деловых предприятий, и поэтому Америке, какой бы сильной она ни была, очень трудно выйти из этого консорциума просто ради того, чтобы обеспечить работой изголодавшегося жителя «ржавого пояса». «Блок» будет сопротивляться националистам, и он уже сопротивляется.

Линд не использует привычный для нас термин «цивилизация», потому что допускает, что границы и состав «блока» не всегда определяются культурой, историей и религией, хотя при этом исследователь признаёт, что существует явная тенденция к – в том числе – и ценностному оформлению этих «блоков». Главное в «блоке» – это взаимосвязь сфер политики, экономики и военной безопасности, обусловленная элитной интеграцией стран-членов «блока». «Блок» отменяет прежнюю логику национального интереса, «блок» – не просто инструмент обеспечения национального благополучия, это новая политическая идентичность, пока не обретшая, однако, полноценной легитимности. Популисты говорят, что простые налогоплательщики не хотят жертвовать своим карманом ради сохранения в составе «блока» Саудовской Аравии или, скажем, Южной Кореи; но, с другой стороны, тому же налогоплательщику приходится жертвовать ресурсами ради сохранения в составе США Калифорнии или Южной Каролины. Рано

или поздно придется изменить свое отношение и к собратьям по «блоку», хотя это потребует времени и усилий. И еще один важный момент: американский блок – это тем не менее не глобальный мир, поскольку это объединение уже сейчас испытывает вызовы со стороны России и Китая, которые претендуют на создание своих собственных блоков, причем Россия объявляет о своих претензиях открыто и демонстративно, Китай же соблюдает большую осторожность.

Итак, «харизма» Трампа и других популистов – это своего рода бунт против в целом анонимной, лишенной какого-то персонального представительства власти американского блока над национальной политикой, в том числе политикой американской. Отличие Трампа от Ельцина проявляется в том, что советский блок находился в гораздо более уязвимом, неустойчивом положении к 1991 году, что и позволило Ельцину одержать победу над силами блокового самосохранения. Если бы СССР имел силы для самосохранения, все попытки утвердить некий особый суверенитет РСФСР были бы пресечены с самого начала максимально жестоким способом: Ельцин за само выдвижение этого лозунга был бы устранен с политического поля, а разговоры о некоей особости России были бы немедленно пресечены как фашизм. Собственно, попытки борьбы с «Памятью» и русским национализмом в конце 1980-х – начале 1990-х годов, предпринятые горбачевским руководством, по своему функциональному смыслу соответствовали провокациям так называемых антифа против «белого супрематизма» и наследия Конфедерации, с которым сегодня связывают Трампа и его команду.

Как подчеркивают многие эксперты, из общественной жизни сегодня уходит привычное с XIX века разделение

на правых и левых¹². Его сменяет новый раскол – на так называемых популистов и глобалистов, то есть на самом деле на противников и сторонников перехода к новой – блоковой – идентичности (Rodrik, 2012). Глобализация позволила многим американским компаниям снизить издержки производства за счет выноса предприятий в регионы с дешевой рабочей силой. В США оставался центр финансового управления мировой экономикой и лидерство в области производства технологических инноваций. Другие регионы мира, включенные в глобальную экономику, оказывались вынуждены искать для себя приемлемое в ней место. Клинтоны, которые пришли в Белый дом как левые политики, с ностальгическими воспоминаниями об эпохе Кеннеди и открывшихся тогда «новых горизонтах», после неожиданного поражения от правых в 1994 году, сумевших впервые за долгие годы захватить большинство в нижней палате Конгресса, – с восторгом приняли «глобализацию», увидев в ней панацею от всех бед. Открывшийся тогда простор для финансовых спекуляций и мировой взлет IBM снимал на время все больные вопросы: однако уже в те безмятежные 1990-е в стране постепенно вызревало антиглобалистское подполье, которое впервые дало о себе знать в 1999 году во время массовых выступлений в Сиэтле.

Как только Барак Обама в 2008 году стал президентом и начал формировать свою собственную команду, выяснилось, что он собирается продолжать ту же самую глобалистскую политику, лишь немного смягчая ее наиболее неприятные последствия типа полного

произвола финансовых спекулянтов. Обама исповедовал своего рода глобализм с человеческим лицом. Он явно не хотел начинать новых войн, не заручившись поддержкой международного сообщества, типа иракской; с другой стороны – он реально попытался спасти остатки американской промышленности, в основном за счет государственных субсидий. Однако он не собирался реально пересматривать принципы глобализации: благополучие американского блока для него, как в общем-то и для всей политической элиты США, оставалось более важным приоритетом, чем судьба среднего класса его собственной страны.

Но трампизм сокрушил все различия между левым и правым сегментами политического спектра, выступив против основ самой глобальной системы: аутсорсинга рабочих мест за рубеж, массовой иммиграции и практики гуманитарных интервенций. Нанести удар американскому блоку оказалось проще справа, чем слева: в отличие от того, что думали Маркс, Энгельс и Ленин, у пролетариев все-таки обнаружилось Отечество; представление о рабочем классе как денационализированной, культурно обезличенной прослойке общества со стершейся в индустриальном мире идентичностью не выдержало проверки реальностью. «Синие воротнички» обладают острым сознанием своей этничности, усвоенным ими хотя бы в уличных столкновениях с представителями иммигрантских диаспор и в борьбе за достойное существование с теми, кто готов за меньшую плату подменить их на работе. А вот к чему пролетариат оказался дей-

12 По словам отечественных исследователей, в современной политике «возникла интересная ситуация – раскол между «мейнстримом» и «альтернативой» (или «альтернативами») оказывается зачастую больше, чем традиционный раскол между правыми, левыми и центром внутри «мейнстрима». При этом формально разные представители «альтернативы» могут находиться с точки зрения мейнстримных описаний на разных флангах: ультраправом и ультралевом» (Сергеев, Казанцев, Петров, 2017).

ствительно глух, – так это к темам однополой браков и либерализации сексуальной морали. «Марксизм без пролетариата» (Дмитриев, 2004, с. 476-493; Готфрид, 2009) явился на поверку бесполезным для политики марксизмом, революционной идеологией с постоянно отменяемой революцией. Подлинные социальные интересы гибнущего в волнах глобализации рабочего класса удалось понять и использовать именно правым, причем правым, не отягощенным особыми идеологическими установками – религиозными, либертарианскими, неоконсервативными. Трамп достиг своего избирателя в разнородном республиканском электорате, примерно как бормашина находит в зубе воспаленный нерв.

Итак, делаем мы вывод, разговоры о «харизматичности» Трампа скрывают страх представителей системы, представляющей собой безличный конгломерат элитных интересов, перед демократическим выбором населения, который всегда осуществляется в рамках национальной политики. Проблема в том, что так называемому «блоку» удалось взять под контроль основные институты национальной политики, но тем не менее ему очень сложно справиться с мнением избирателей, не устранив окончательно демократический фасад западной системы. Однако, с другой стороны, следует признать, что и такой политик, как Трамп, не может последовательно провести в жизнь свою программу, не выйдя за пределы чисто институциональной логики. Ему явно нужно будет взять под контроль собственную партию, проведя в ней радикальную чистку; ему потребуются создать лояльные СМИ, чтобы закрепить свою победу. В ином случае любой другой политик, который придет ему на смену, скорее всего, проведет ревизию его курса, обнулив итоги трамповской революции. Если бы Трамп захотел сделать свою ре-

волюцию необратимой, ему бы действительно пришлось выходить за привычные для современной американской политики рамки: например, ограничивать работу СМИ, препятствовать активному вовлечению в политику бизнес-групп, враждебных принципу «Америка прежде всего». Иначе говоря, если бы Трамп в самом деле старался выполнять наказания и пожелания своего избирателя, ему бы пришлось действовать более жестким образом, подобно Путину или Эрдогану.

Мы имеем сегодня в США ситуацию, когда последовательная демократия почти неизбежно срывается в цезаризм, то есть авторитарное правление, основанное на «харизме» лидера. Тот факт, что ничего подобного не происходит, и Трамп пока продолжает действовать в рамках Конституции, что бы о нем ни говорили его политические противники, свидетельствует об абсолютной неготовности 45-го президента США к миссии американского Цезаря, а следовательно, о некоторой несерьезности, наигранности всей трамповской революции. Хотя бы в сравнении с революцией Эрдогана, столкнувшегося в 2016 году со своим Глубинным государством (Deep State), вышедшего победителем из этого конфликта и затем фактически осуществившего цезаристский переворот в собственной стране. Как пишет британский политический философ Джон Данн в книге «Не очаровываться демократией», конфликт между требованиями демоса и нормами законности вообще имманентен для демократии как таковой: «В основном авторитет демоса, если таковой имеется, не поспевает за густой сетью ограничений и руководящих принципов, через которую закон обрушивается на индивидуальных членов общества, и он редко или почти никогда не дает о себе знать напрямую» (Данн, 2016, с. 44).

Полагаю, что «американский блок» в итоге одолеет национально-популистское электоральное восстание, и господство истеблишмента, в конце концов, восстановится в прежнем виде, за тем исключением, что этот блок, в силу конкуренции с ним России и Китая, уже не сможет называть себя «мировым сообществом», выдавая собственные интересы за интересы универсальные. Советскому блоку в свое время не удалось справиться со своим «харизматиком», подпитывавшимся народной энергией отвержения чуждой, формально интернациональной системы, но блок американский, конечно, обладает гораздо большими ресурсами в плане способности к выживанию. И он, полагаю, выйдет из столкновения с внутренней оппозицией победителем.

Однако здесь возникает другая любопытная проблема. Сможет ли западная цивилизация или, если угодно, «глобальный мир» обрести собственную «харизматическую легитимность», учитывая, что традиционной у нее быть не может, а рационально-правовая пока не создана? Захотят ли люди терпеть трудности, связанные с существованием и функционированием этой системы, признавать справедливость ее власти над собой? Социалистический блок, безусловно, обладал элементом «харизматической» легитимности: это была «харизма» Ленина, перешедшая по наследству к Сталину и затем превращенная в рутину их бюрократическими преемниками. «Американский блок» пока не имеет своего «харизматического» прародителя: таковыми, конечно, нельзя считать ни Рузвельта, ни тем более Трумэна, ни даже Черчилля. Думается, что тем не менее глобальные элиты заинтересованы в своего рода «харизматическом» укреплении своей власти, только речь может идти о «харизме» с обратным зна-

ком. Она не будет восходить к военному успеху и напоминать триумф императора, поскольку задача появления такого идеального основания будет состоять именно в делегитимации разнообразных Отецеств, «патрий», созданных в свое время теми или иными «отцами-основателями». Поэтому далеко не случайно стремление истеблишмента выбрать в качестве приоритетного кандидата от глобальной элиты политика-женщину. В принципе, в этом нет ничего уникального – на троне государств разных стран было много женщин в разные периоды истории, во многих государствах женщины сегодня возглавляют правительство, различные ведомства и министерства и даже силовые структуры. Тем не менее очень заметно, что феминистки в США и других странах мира воспринимали возмозный приход Хиллари Клинтон к власти в главной стране западной цивилизации как логический финал движения за женское равноправие, начавшегося еще в конце XIX века. Не вызывает сомнения, что в данном случае налицо было стремление заложить «харизматическое» основание легитимности глобальной власти американской системы.

И, думаю, что в том случае, если бы Трамп уступил Хиллари в президентской гонке, у нас было бы гораздо больше оснований говорить о прорыве «харизматического» начала власти в эпоху современности, чем при успехе эксцентричного нувориша, воспользовавшегося в своих целях протестом трудового населения Америки против системы, которой до сих пор все опасались искать альтернативу.

Список литературы

Бенедиктов К.С. (2016). *Чёрный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа*. М.: Книжный мир. 480.

Вебер М. (2016а). Политика как призвание и профессия. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М. – СПб: Центр гуманитарных институтов; Университет-книга. 485-528.

Вебер М. (2016b). *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 448.

Ворожейкина Т. (2017). Демократические институты в эпоху Дональда Трампа. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3 (113). 60-77.

Готфрид П. (2009). *Странная смерть марксизма*. М.: ИРИСЭН; Мысль. 249.

Данн Д. (2016). *Не очаровываться демократией*. М.: Изд-во Института Гайдара. 160.

Дмитриев А.Н. (2004). *Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.)*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад. 528.

Мигранян А.М. (1989). Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс. *Вопросы философии*, (6). 148-158.

Сергеев В.М. (2013). *Народовластие на службе элит*. М.: МГИМО-Университет. 265.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. (2017). Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? *Полис. Политические исследования*, (3). 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Joose P. (2014). Becoming a God: Max Weber and the Social Construction of Charisma. *Journal of Classical Sociology*, 14 (3). 266-283. DOI: 10.1177/1468795X14536652

Rodrik D. (2012). *The Globalization Paradox*. N.Y.: Norton & Company, Inc. 368.

Smith D. N. (2013). Charisma disenchanted: Max Weber and his Critics. Dahms H.F. (ed.) *Social Theories of History and Histories of Social Theory*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. 3-74.

References

Benediktov K.S. (2016). *Black Swan. Political biography of Donald Trump*. Moskva: Knizhnyi mir. 480.

Dmitriev A.N. (2004). *Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt school (1920-1930-ies.)*. Sankt-Petesburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Cankt-Peterburge; Moskva: Letnii sad. 528.

Dunn D. (2016). *Breaking Democracy's Spell*. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. 160.

Gottfried P. (2009). *The Strange Death of Marxism*. Moskva: IRISEN; Mysl'. 249.

Joose P. (2014). Becoming a God: Max Weber and the Social Construction of Charisma. *Journal of Classical Sociology*, 14 (3). 266-283. DOI: 10.1177/1468795X14536652

Migranyan A.M. (1989). Plebiscite Theory of Democracy of Max Weber and the Modern Political Process. *Voprosy filosofii*, (6). 148-158.

Rodrik D. (2012). *The Globalization Paradox*. N.Y.: Norton & Company, Inc. 368.

Sergeev V.M. (2013). *Democracy in the Service of Elites*. Moskva: MGIMO-Universitet. 265.

Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. (2017). The Policy of "Mainstream" and Its Alternatives in the Modern Western World: on the way from the world economic crisis to "impossible politics?" *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3). 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Smith D. N. (2013). Charisma disenchanted: Max Weber and his Critics. Dahms H.F. (ed.) *Social Theories of History and Histories of Social Theory*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. 3-74.

Vorozheikina T. (2017). Democratic Institutions in the Age of Donald Trump. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 3 (113). 60-77.

Weber M. (2016a). Politics as a Vocation. *Selected works: Protestant ethics and the spirit of capitalism*. Moskva – Sankt-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh institutov; Universitet-kniga. 485-528.

Weber M. (2016b). *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 448.

Информация об авторе

Борис Вадимович Межуев, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории русской философии, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27-4
borismezhuev@yandex.ru

About the Author

Boris V. Mezhuев, Cand.Sci. (Philosophy). Associate Professor, Department of the History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
borismezhuev@yandex.ru

Страницы истории

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Федор Александрович ГАЙДА

Исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
fyodorgayda@gmail.com

Российский либерал начала XX столетия в политике

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются политические взгляды и практика российских либералов в начале XX в. Значение научной проблемы определяется тем, что политическая судьба России этого периода напрямую зависела от выстраивания конструктивных отношений власти и общества. Значительное влияние на образованную общественность оказывали либеральные идеи. При этом важнейшим условием возможности их применения в отечественной политической практике становилось конструктивное сотрудничество самих либералов с правительством. В статье рассмотрен политический опыт двух крупнейших либеральных политических партий – кадетов и октябристов. Автор приходит к выводу, что российский либеральный политик начала XX в. так и не смог выйти из амплуа идеалиста-опозиционера и стать способным к признанию существующих реалий и необходимости политических компромиссов, которые часто воспринимались как признак бессилия или аморальности. Политические сделки были тактическим приемом, направленным на безоговорочную победу в будущем. Идеиные схемы воспринимались оппозицией как непре-

рекаемая ценность. Себя либералы воспринимали как единственную силу, способную вывести Россию на верный, «цивилизованный» путь. По мнению либералов, этот путь был неизбежен, поэтому при любых обстоятельствах либеральное движение должно было сохранить свою ведущую роль. Весной 1917 г. либеральная оппозиция смогла одержать победу над своим историческим врагом (самодержавием), но сохранила власть весьма ненадолго. Слом государственной машины, которую и сами либералы не собирались сохранять, привел их к поражению. Тем самым государство оказалось единственным гарантом существования либерального движения в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское либеральное движение, Государственная дума, кадеты, октябристы, Февральская революция 1917 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гайда Ф.А. (2017). Российский либерал начала XX века в политике. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 28-43. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Pages of History

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-28-43

Fyodor A. GAYDA

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
fyodorgayda@gmail.com

Russian Liberal of the Beginning of the 20th Century in Politics

ABSTRACT. *The article examines the political views and practices of Russian liberals in the early twentieth century. Russia's political destiny of this period directly depended on building constructive relations between the authorities and society. Liberal ideas had a significant impact on the educated public. At the same time, the constructive cooperation between the liberals and the government was the most important condition for the possibility of application of these ideas in domestic political practice. The article examines the political experience of the two largest liberal political parties in Russia – the Cadets and the Octobrists. The author comes to the conclusion that the Russian liberal politician of the early twentieth century could not get out of the role of an idealist oppositionist. He was incapable of recognizing the existing realities and the need for political compromises, which were often perceived as a sign of impotence or immorality. The liberals perceived themselves as the only force capable of bringing Russia to the right, «civilized» path. In the opinion of the liberals, this path was inevitable, therefore, under any circumstances, the liberal movement should have retained its leading role. In the spring of 1917, the liberal opposition was able to defeat its historical enemy (autocracy), but retained power for*

a very short time. The slaughter of the state machine, which the liberals themselves did not intend to preserve, led them to defeat. Thus, the state was the only guarantor of the existence of a liberal movement in Russia.

KEYWORDS: *Russian liberal movement, the State Duma, the Cadets, the Octobrists, the February Revolution of 1917*

FOR CITATION: Gayda F.A. (2017). Russian Liberal of the Beginning of the 20th Century in Politics. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 28-43. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-28-43

Политическая судьба России начала прошлого века напрямую зависела от выстраивания конструктивных отношений власти и общества. Значительное влияние на образованную общественность оказывали либеральные идеи. При этом важнейшим условием возможности их применения в отечественной политической практике становилось конструктивное сотрудничество самих либералов с правительством.

Сформировавшаяся в России во второй половине XIX в. либеральная традиция предполагала тесную и органичную связь с консерватизмом: в тер-

минологии признанного идеолога этого направления Б.Н. Чичерина такой либерализм именовался «охранительным». По сути, «охранительный либерализм» был развитием консервативного мировоззрения в новых условиях быстро развивавшейся страны. «Прогресс и свободы» были призваны на службу государственным и общественным «основам». Такой либерал настаивал на творческом развитии «органических начал», которое требовало высвобождения каждой отдельной личности и создания условий для ее самостоятельного существования и активной деятельности. Основной ценностью в рамках подобных представлений была «нравственная личность». Либеральный мыслитель и публицист А.Д. Градовский отмечал: «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа – *perfice te!* (совершенствуй себя)» (Градовский, 2001, с. 412). Представители «охранительного либерализма» не предполагали противостояния государству, наоборот, рассчитывали на плодотворное сотрудничество с ним. «Отличительная особенность русской истории в сравнении с историей других европейских народов состоит в преобладании начала власти», – писал Чичерин (Чичерин, 1998, с. 452). Великие реформы Александра II, предполагавшие широкое социально-экономические изменения и развитие политического строя, имели целью упрочить существующий государственный порядок и получили живое сочувствие представителей «охранительного либерализма»; многие его представители приняли в реформах самое активное участие.

Тем не менее параллельно этому направлению в России формировалась и традиция «освободительного либера-

лизма» (также термин Чичерина). Он стал следствием разочарования в реформаторских усилиях власти и уверенности в бесплодности сотрудничества с ней со стороны либералов. Наиболее яркой фигурой среди радикальных либералов стал И.И. Петрункевич, впоследствии ставший признанным моральным лидером кадетской партии. Уже на рубеже 70-80-х гг. XIX в. Петрункевич предполагал необходимость превращения России в парламентскую демократию на основе всеобщего избирательного права. Смена политического строя, по мнению политика, была возможна при объединении усилий земства и социалистической оппозиции. Петрункевич не призывал к революционному терроризму, но и не осуждал его, полагая, что усилия левых будут способствовать борьбе за конституцию (Петрункевич, 1993, с. 96-112).

Почва для дальнейшего развития радикальных настроений была создана в конце XIX в. той атмосферой, которая сопутствовала политическому курсу Александра III. Общество оказалось отстранено от участия в политическом процессе, что провоцировало не только рост недовольства, но и интерес к утопическим проектам переустройства страны. Бурное экономическое развитие лишь усиливало представления о возможности быстрых и коренных перемен. Молодое поколение воспринимало эпоху восьмидесятых годов как «угрюмое» время (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 142)¹. Член кадетского ЦК А.В. Тыркова вспоминала: «Власть подвела под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство. Правительство боялось людей с инициативой, рассчитывало справиться

1 См. также (Маклаков, 1936, с. 5-6, 27-28).

ся со всеми государственными задачами при помощи чиновников» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 142). При этом, как считал будущий глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов, не доверяя обществу, сама власть реально-го положения в стране не знала. Ответная реакция общественности была соответствующей: «Оба лагеря, правительственный и оппозиционный, были одурманены, ослеплены предвзятыми идеями и предрассудками. Слепота правительства отвечала слепоте оппозиции. Самодержавие не понимало общественного стремления к реформам. Левые не понимали психологии самодержавия, его государственной жизненной сущности, его исторических заслуг» (Львов, 1998, с. 73, 75-76, 243).

В конечном счете возникала такая ситуация, при которой любая государственная деятельность расценивалась как заведомо аморальная. Как вспоминал кадет кн. В.А. Оболенский, молодое поколение не шло в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственных структурах. Мемуарист отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепользительной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Молодой человек мог идти в науку и преподавание, литературу, искусство или «общественную деятельность», но непременно

но оппозиционную или революционную (Оболенский, 1998, с. 102). Новое поколение, по собственному признанию, выросло с редким «государственным простодушием» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 212). Будущее представлялось свободным от всякого государственного насилия. Известный экономист М.И. Туган-Барановский рисовал такую картину: «Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 233).

Подобный взгляд сохранялся и позднее. Безусловно, интеллигенция, включая самих радикальных либералов, не могла не признавать силу российского бюрократического аппарата. Даже в период политического кризиса 1915 г. лидер кадетов П.Н. Милюков отмечал, что за правительством «стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но все же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутинной»². Однако она не смогла решить поставленных задач в силу мертвого и бессмысленного формализма. Отзываясь о смете государственного бюджета, кадетский оратор А.И. Шингарев, заявлял: «Декларация председателя Совета министров напоминает мне слова Гончарова, сказанные о русской государственности в 1847 году: одни колеса и пружины, живого дела нет». «Надругательство над русским человеком есть ремесло русского правителя», – возмущал кадет Ф.И. Родичев. Подводя итог, он приходил к выводу: «Мы остаемся в дураках перед всеми, кто говорят: с этой властью иначе, как насилием, ничего не поделаешь»³.

2 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 124.

3 Россия. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб.: Государственная типография. 1913. [Стб. 451, 1506, 1513-1514.

Радикальные либералы никогда не рассматривали возможности стратегического сотрудничества с правительством. Кадеты неизменно отказывались входить в какой-либо коалиционный кабинет с бюрократами. Сразу после издания манифеста 17 октября 1905 г. и провозглашения на следующий день кадетской партии состоялась встреча новоявленного премьер-министра гр. С.Ю. Витте с представителями радикальных либералов Ф.Ф. Кокошкиным, Ф.А. Головиным и кн. Г.Е. Львовым. Витте пытался заручиться их поддержкой и пополнить с помощью них формируемый кабинет, но услышал лишь революционное требование созыва парламента для выработки конституционного закона. Если по мысли Витте манифест должен был стать почвой для компромисса с либералами, то те, в свою очередь, требовали политической капитуляции своего исторического противника. Бюрократия должна была образовать «технический кабинет», подготовить и организовать выборы в парламент и сложить свои полномочия к его ногам. Сами кадеты предполагали сосредоточиться на думских выборах (Милуков, 1991, с. 216-225).

Особенности восприятия исторической государственности и бюрократического аппарата радикальными либералами определяли их представления о себе и перспективах развития России. Представители конституционно-демократической партии, составляя цвет российской интеллигенции, исходили из идеи собственного интеллектуального превосходства над всей страной. Такому взгляду совсем не мешала обозначенная выше деловая не-

состоятельность, которую кадеты нередко проявляли. В кадетском руководстве, скажем, вполне искренне могли позволить себе следующее высказывание на партийном форуме: «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию»⁴. При этом они рассматривали себя основными выразителями ее интересов – причем в целом, а не отдельных групп или классов, за которые боролись иные партии. Кадеты видели себя провозвестниками того неизбежного будущего, которое рано или поздно наступит, поскольку уже воплощается в жизни передовых стран мира. Партийная программа кадетов была набором таких идеальных принципов, она была скорее декларацией и орудием пропаганды, чем непосредственным руководством к действию. Практически каждый партийный законопроект нес на себе печать этого подхода, что в третьеиюньский период предопределило нигилистическое отношение к текущему законотворческому процессу: инициативы кадетов не соответствовали реалиям государственного строя, а когда в марте 1917 г. он перестал существовать, неожиданно выяснилось, что у партии почти нет проработанных проектов законов.

Оппозиционеры осознавали те опасности, которые могли возникнуть в случае прихода к власти оппозиции. Как говорил на кадетской партийной конференции Н.А. Гредескул, выйдет «дилетантское министерство, лишенное деловых навыков и непривычное к политической работе в условиях обладания властью»⁵. Шингарев открыто признавал: «Как бы мы ни желали придать делу снабжения новые навыки, новые приемы управления и проч., как

4 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 287. Фраза А.В. Тырковой.

5 Там же. С. 276-277.

бы ни желательным было оставить его свободным от пут бюрократической рутины, всего этого нельзя достичь обособлением его от существующих органов государственной власти»⁶. Реальные способности партии принять участие в государственном управлении проявились в период кризиса лета 1915 г. В кадетском ЦК были подготовлены проекты создания «Союза национальной обороны» и непосредственного подчинения всей системы государственного управления Государственной думе. Однако они не были реализованы по причине своего утопизма, что оказалось вполне очевидно самой кадетской верхушке. Войдя в состав Особых совещаний – координационных органов, объединявших представителей правительства, парламента и общественных организаций для управления тылом в период Первой мировой войны, кадеты так и не смогли принять деятельного участия в их работе, в чем неоднократно признавались в собственном кругу. Участие в совещаниях имело политический характер. Попытки организовать параллельные экономические совещания под собственной эгидой оказались неудачными (Гайда, 2003, с. 90-93, 127-128, 158-159). В конечном счете, для того, чтобы пробить «стену отчуждения» и «стену мертвящей рутины»⁷, приходилось прибегать к активизации политической борьбы даже в условиях тяжелейшей войны. Применение легальных методов борьбы (в отличие от социалистов, совмещавших их с нелегальными) не означало сговорчивости либералов. Знаменитая милюковская речь «Глупость или измена?», произнесенная в Думе 1 ноября 1916 г. и многими воспринимавшаяся как «штурмовой сигнал револю-

ции», отнюдь не была связана с сиюминутными настроениями; за ней стояло целое мировоззрение.

Конституционные демократы выступали сторонниками парламентарного строя, при котором именно парламент становился центром всей политической и государственной жизни. Выборы предполагались на основе «четырёххвостки» – всеобщими, равными, прямыми и тайными. Когда кадетская партия принимала свою программу, подобные принципы на общенациональном уровне не были реализованы ни в одной стране мира (первой их провозгласила Норвегия в 1913 г., второй – Дания в 1915 г., третьей стала Россия в 1917 г.). Наличие в России трех четвертей неграмотного населения препятствием не считалось. Кадеты также выступали за однопалатный парламент, против создания какой бы то ни было «аристократической» или назначаемой сверху второй палаты. Партия также не была принципиальной сторонницей сохранения монархии, считая это вопросом второстепенным и связанным с текущей конъюнктурой. Большинство полностью разделяло «крылатую фразу Тьера», которую приводил в своих мемуарах В.А. Маклаков: «Монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет» (Маклаков, 1936, с. 521). Сразу после Февральской революции партия провозгласила себя республиканской. Однако левый кадет М.Л. Мандельштам тогда же отметил: «Многие из нас в 1905 г. входили в партию уже республиканцами – республиканцам было дано место. <...> Мы входили в конституционно-демократическую партию потому, что вопрос о республике должен был решиться не в партий-

6 Речь. 10 июля 1915 г.

7 Русские ведомости. 20 августа 1915 г.

ных дебатах, не путем голосования, а путем силы, вышедшей на улицу»⁸.

Отношение к революциям также было прагматическим. «Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*... В своей собственной среде конституционно-демократическая партия революционной идеологии не исключала [выделено в тексте – Ф.Г.]», – вспоминал Маклаков (Маклаков, 1936, с. 483). По результатам революционных событий 1905 г. Милюков заключал: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция – революция во что бы то ни стало – служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства» (Милюков, 1907, с. 165, 168). Заявляя о наличии у партии «друзей слева», она так никогда официально не осудила революционного терроризма.

Экономическая программа кадетов была нетипична для классического европейского либерализма. В ней отсутствовал принцип неприкосновенности частной собственности (предполагалась передача крестьянам части помещичьей земли за умеренный выкуп). При этом провозглашался принцип восьмичасового рабочего дня. Кадетскую партию нельзя назвать буржуазной. Отношения с буржуазными кругами традиционно были натянутыми, причем эта проблема не была пре-

одолена даже в условиях большевистской угрозы осенью 1917 г. (Селезнев, 2006, с. 163-168) Таким образом, уже с момента возникновения кадетская партия стала органичной частью русского освободительного движения, занимая крепкие позиции на его правом фланге. Даже оба официальные названия – «Конституционно-демократическая партия» и «Партия Народной Свободы» – создавали четкую параллель с социал-демократией и знаменитой «Народной волей».

Лидером партии и основным разработчиком ее политического курса быстро стал П.Н. Милюков. Он обладал острым, но догматическим умом и свято верил в непреложные законы развития человечества, против которых бессильны хаотические усилия отдельных индивидов. Такие взгляды привели Милюкова к расхождению со своим учителем – известным историком В.О. Ключевским, который не пожелал видеть ученика преемником на кафедре русской истории в Московском университете (Милюков, 1907, с. 122; Макушин, Трибунский, 2001, с. 32, 327-330). Милюков разрабатывал тактику партии исходя из тех примеров, которые он черпал из европейского и отчасти русского исторического опыта. Задачей историка-политика стало сокрушить «старый порядок» с минимальными политическими издержками, поскольку масштабные революционные эксцессы были чреваты последующим разгулом реакции. Поэтому борьба за освобождение России велась «по-научному» (Гайда, 2010, с. 37-44).

Основными средствами борьбы для кадетов были парламентская трибуна и печать (по своему масштабу кадетская и околокадетская пресса превос-

8. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 2. М.: РОССПЭН. 2000. С. 390.

ходила возможности любых российских партий). Критические выступления кадетских ораторов в отношении власти обычной строились на разборе частных недостатков с переходом к общим политическим выводам о несостоятельности правительства и необходимости коренного преобразования государственного строя. На общем фоне были и исключения, однако, например, стилистика В.А. Маклакова, нередко пытавшегося искать пути компромисса с правительством, часто воспринималась в партийной среде как излишне консервативная. Трибуна и печать также выступали орудиями политического просвещения страны. Деловая активность (в земстве, кооперации, общественных организациях) часто ставилась на второй план (Гайда, 2003, с. 51, 58-60, 85-86, 92, 157-159, 163-164, 190-191, 194-195, 209).

«Звездным часом» парламентской активности партии стала I Государственная дума. Партия одержала решительную победу на первых в истории страны парламентских выборах и, взяв под контроль палату и ее президиум, повела решительное наступление на правительство. Дума призвала власть к объявлению всеобщей политической амнистии (в том числе для бомбистов) с одновременным привлечением к суду «карателей», а сама принялась за разработку земельного закона. Законопроект устанавливал лишь общие принципы реформы (нормы отчуждения земли, размеры выкупа), все детали должны были определить уездные комиссии, формируемые из чиновников и представителей местного самоуправления, помещиков и крестьян⁹. Таким образом, на местах создавался мощные

очаги гражданского противостояния, а крестьянское движение в таких условиях должно было не сойти на нет, а лишь получить дополнительный стимул для роста. В случае сопротивления правительства кадеты не исключали превращения парламента в Учредительное собрание. После роспуска Думы партия инициировала Выборгское воззвание с призывом к мирному сопротивлению (уклонению от выплаты налогов и исполнения всеобщей воинской повинности), однако страна на него не отозвалась. Расчет на то, что она всемерно поддержит «избранных народа», пошел прахом¹⁰. В период II Думы премьер П.А. Столыпин предлагал кадетской партии легализацию, рассчитывая на превращение ее в конструктивную оппозицию, но в ответ предлагал публичное осуждение терроризма и, тем самым, размежевание с социалистами. И.И. Петрункевич убедил П.Н. Милюкова в том, что такой шаг стал бы стратегическим поражением. Соглашение не состоялось (Милюков, 1907, с. 281-282). Дума была вновь распущена, но на этот раз с изменением избирательного закона. Столыпин сделал ставку на октябристов.

Новый стратегический успех был достигнут кадетами уже в IV Государственной думе, где летом 1915 г. был создан Прогрессивный блок (в него вошло большинство думских фракций, а также представители Государственного совета). Декларация блока включала требования создания «министерства доверия», отставки непопулярных высокопоставленных чиновников, политической амнистии, отмены национальных и религиозных стеснений, проведения ряда реформ. Цен-

9 См.: (Речь Н.Н. Кутлера..., 1907).

10 См.: (Милюков, 1907, с. 265-269, 274); Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 218, 225, 230-231, 348-349.

тральным был пункт о формировании правительства из лиц, которые могли бы претендовать на общественное доверие. При этом никакой конкретизации не следовало, блок вплоть до февраля 1917 г. так и не смог создать единого списка кандидатов на министерские посты. Последующие назначения нередко осуществлялись властью именно с оглядкой на требование блока, однако видимой поддержки со стороны парламентского большинства никому из назначаемых так и не было оказано. Поведение Думы стало одним из основных факторов «министерской чехарды». Когда на ключевой в правительстве пост министра внутренних дел был назначен представитель самого блока товарищ (заместитель) председателя Государственной думы А.Д. Протопопов, сам этот шаг был сразу воспринят как провокация, направленная на раскол рядов оппозиции (Гайда, 2003, с. 124-128, 221-227). На нее блок, а в первую очередь кадетская партия ответили резким усилением критики власти, что наиболее ярко выразилось в миллиюковской речи 1 ноября. В дальнейшем партия ожидала действий «улицы». Прекрасно помня историю Выборгского воззвания, кадеты не прибегали к открытому революционному призыву, но вне революционного исхода развитие ситуации уже не мыслили. На заседании московского городского комитета кадетской партии в январе 1917 г. М.Л. Мандельштам предложил П.Н. Миллюкову на открытии Думы провозгласить ее Учредительным собранием, на что Миллюков ответил: «Мы это сделаем, если у Таврического дворца [резиденции Государственной

думы – Ф.Г.] мы будем иметь несколько полков»¹¹. Кадетский думский оратор М.С. Аджемов обращался к власти с угрозой, что «народ пощады не даст»¹².

Программа первого состава Временного правительства предполагала реализацию освободительных принципов и широкую демократизацию политического строя России. Правительственная декларация полностью укладывалась в партийную программу кадетов. Именно они стали главными разработчиками законодательства Временного правительства, в том числе и закона о выборах в Учредительное собрание. Новая революционная власть предпочла избавиться от зависимости со стороны Государственной думы, поскольку это учреждение было избрано на основе третьеиюньского избирательного закона. При этом были установлены прочные контакты с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, а позднее и с ВЦИК советов (Гайда, 2003, с. 303-304, 321-330).

По мнению кадетов, после победы революции принципы государственного управления должны были радикально измениться. В декларации Временного правительства отмечалось: «В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»¹³. В период Апрельского кризиса Тыркова пыталась напомнить Миллюкову, что «у всякой власти существуют классические методы властвования»; на что он «вспыхнул и ответил ей: «лучше я потеряю власть, но таких методов приме-

11 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 465.

12 Россия. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 5. Ч. 1. Петроград: Государственная типография, 1917. Стб. 1219.

13 Вестник Временного правительства. 26 апреля 1917 г.

нять не буду»» (Борман, 1964, с. 128). Ликвидировалась административная вертикаль, упразднялась полиция. Бывшим полицейским чинам был закрыт доступ в ряды добровольной народной милиции, которая подчинялась не правительству, а органам местного самоуправления. Местная власть передавалась в руки самого общества, объединенного «узами любви и всеобщего братства»¹⁴. Временное правительство было связано с местным уровнем лишь посредством своих губернских и уездных комиссаров. Назначаемый губернским комиссар надзирал за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления и мог опротестовать их решения их в местном суде (хотя на практике судебная система была парализована). Кандидатура уездного комиссара утверждалась правительством по рекомендации уездного исполкома общественных организаций¹⁵. Новая система была не только слишком хрупкой, но даже в этом виде она функционировала далеко не всегда и не везде (Гайда, 2003, с. 348-349).

Экономическая политика Временного правительства не имела буржуазного характера, сочетая тенденции к росту государственного регулирования и общественного контроля. Обе тенденции имели скорее социалистический характер. Министр земледелия Шингарев ввел государственную хлебную монополию и инициировал закон, по которому все земли сельскохо-

зяйственного назначения передавались под контроль общественных земельных комитетов. Вступивший в 1917 г. в кадетскую партию министр торговли промышленности А.И. Коновалов согласился с введением восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял соответствующее решение в отношении казенных (в том числе военных) заводов. Сменивший его управляющий министерством торговли промышленности кадет В.А. Степанов создал Главный экономический комитет – орган верховного регулирования экономики. Став министром финансов, Шингарев добился законов о прогрессивном налоге и налоге на сверхприбыль. Министр путей сообщения кадет Н.В. Некрасов ввел профсоюзный контроль над железными дорогами. На кадетском партийном съезде Некрасов заявил: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах»¹⁶. На практике ни одна из этих мер не оказалась эффективной, в обстоятельствах безвластия они скорее они лишь провоцировали дальнейшую децентрализацию, анархию и конфликтность¹⁷. Экономическая политика Временного правительства была подвергнута резкой критике I Всероссийским съезда представителей промышленности и торговли, но к изменению правительственного курса это не привело¹⁸.

14 Февральская революция. 1917. Сб. документов и материалов. Под ред. А.Д. Степанского и В.И. Миллера. М.: РГТУ, 1996. С. 277.
15 Временное правительство. Министерство внутренних дел. Цирюляры министерства внутренних дел. Вып. 1. Петроград: Государственная типография, 1917. С. 7-8; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12-15; Оп. 3. Д. 33. Л. 14-21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50-57.

16 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 473.

17 Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. Под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Издательство АН СССР. 1957. С. 432-434.

18 Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19-22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М.: Типография товарищества Рябушинских. 1918. С. 167-168, 230-231.

Серьезно эволюционировала в 1917 г. и партийная программа кадетов. VII съезд партии в марте единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики». Докладчик Ф.Ф. Кокошкин отмечал: «Республика фактически уже существует»¹⁹. Майский VIII съезд принял принцип полновластия органов местного самоуправления на местах²⁰. Партия также поддерживала создание коалиционного правительства. Лишь в августе, накануне Корниловского выступления, партийная верхушка поставила вопрос об укреплении государственной власти. Предлагалось на короткий срок ввести военную диктатуру с последующей передачей власти Учредительному собранию. Но и в этом случае ЦК так и не принял конкретной резолюции. Даже в условиях большевистской угрозы кадеты так и не смогли наладить прочных отношений с возможными политическими союзниками – офицерством, буржуазией, духовенством. Частично это произошло лишь в годы гражданской войны. Наоборот, в 1917 г. происходило смещение кадетской идеологии влево. На VII съезде партии основной докладчик Ф.Ф. Кокошкин отмечал: «Мы <...> стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почве того мировоззрения, которое полагает, что человечество постепенно вращается в новый социальный строй»²¹. VIII ка-

детский съезд принял принцип трудового землепользования (предполагался принудительный государственный выкуп с учетом «нормальной доходности» земли)²².

Иным образом сложилась судьба другой либеральной партии России – октябристской. У ее истоков стоял известный московский земский деятель Д.Н. Шипов. Находясь под сильным впечатлением от учения Л.Н. Толстого (крайне популярного в те годы), Шипов выступал против бюрократического диктата, но не поддерживал идеи ограничения самодержавия. Кроме того, по мнению общественного деятеля, развитие Запада было связано с эгоистическим началом и потому также было неприемлемо. По этой причине Шипова нередко считали «славянофилом», что сам он отрицал. Не принимая революционного насилия, Шипов изначально надеялся на то, что Россия сможет его избежать. В 1902 г. в частном письме он признавался: «Та нравственная идея, которая живет в душе и сердце русского народа, явится истолковательницей общемирового смысла жизни. Великий гений Толстого из общения с народом понял эту идею и явился ее выразителем и возвестителем. <...> В будущем она, я уверен, поможет России выработать общественный и государственный строй, более отвечающий благу общему, чем жизнь Западной Европы с ее капитализмом и борьбой личных и классовых интересов. <...> Этот переворот совершится в России без кровопролития и насилия, как это было в Европе» (Шелохаев, 2010, с. 221).

19 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 372.

20 Там же. С. 661-668.

21 Там же. С. 369. См. также: (Кизеветтер, 1917; Изгоев, 1917)..

22 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 654-657.

После избрания председателем московской губернской земской управы Шипов выступил организатором всего земского движения, собирая не дозволяемые властью неформальные совещания председателей земских управ. В преддверии приближавшейся революции власть пошла на уступки земцам, дав согласие на созыв ноябрьского съезда 1904 г. Предполагалось заключить соглашение с «шиповцами». Однако на самом съезде верх взяли радикальные настроения. Большинство проголосовало за резолюцию, в которой говорилось о созыве законодательного парламента и всеобщем избирательном праве. Тем самым, более умеренный Шипов терял контроль над земским движением – оно перешло к будущим кадетам. Однако после выхода манифеста 17 октября, когда от имени самого монарха было возведено о создании парламента, Шипов перешел на парламентаристские позиции. По его инициативе была создана умеренно-либеральная партия «Союз 17 октября», выступавшая за сотрудничество с властью на реформистской платформе (Шипов, 1918, с. 258-290, 391-422).

По сути, основная масса партийцев состояла из напуганных русским бунтом помещиков и торгово-промышленников. Именно поэтому они были готовы на компромисс с таким правительством, которое смогло бы силой обуздать революцию и путем ряда реформ постараться предотвратить ее в будущем. Когда новый премьер П.А. Столыпин ввел военно-полевые суды и провозгласил аграрные преобразования, большинство октябристов активно его поддержало. Это противоречило принципам Шипова и он покинул партию.

Новым лидером стал А.И. Гучков. Под октябристов Столыпиным был подготовлен третьеиюньский переворот (изменение избирательного закона в одностороннем порядке), в результате которого проправительственные октябристы получили большинство в III Думе. Гучков одобрял переворот исходя из прагматичных и либеральных соображений: «Акт 3-го июня был спасением для Г. Думы. <...> Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни»²³.

Октябристы действительно впервые в истории российского парламентаризма смогли наладить плодотворный законодательный процесс. Однако партия претендовала на самостоятельность и видела Думу серьезным инструментом влияния на монарха и правительство. В первую очередь это касалось оборонной и церковной сфер, которые подвергались серьезной критике, болезненно воспринимавшейся при дворе. Однако партийный лидер Гучков демонстративно проявлял принципиальность: «Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но <...> работа в Гос. Думе – прямое опровержение этого упрека. <...> Не осталось ни одного темного уголка правительственной деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали наличных вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных»²⁴. В конечном счете действия Гучкова привели его в начале 1911 г. к острому личному конфликту с Николаем II (Поливанов, 1924, с. 110).

23 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН. 2000. С. 82, 334.

24 Там же. С. 85.

После смерти Столыпина Гучков не смог установить прочных отношений с новым премьером В.Н. Коковцовым и заручиться его поддержкой на предстоявших в 1912 г. думских выборах, после чего партия приняла решение перейти в оппозицию. В январе 1912 г. октябристская газета «Голос Москвы» начала резкую кампанию против «хлыста Гришки Распутина». С.Ю. Витте отмечал: «Весь поход, затеянный лабазником Гучковым, метит гораздо выше. <...> Для всех, у кого ум не затемнен страстями, ясно, что речь идет не о Распутине, а о колебании монархии в России»²⁵. Но на думских выборах без правительственной поддержки партия провалилась. Гучков не был избран московскими купцами, которые надеялись увидеть в нем лоббиста собственных интересов и были разочарованы. В ответ партийный лидер обвинил власть в реализации «грандиозного плана фальсификации выборов». Однако подобная активность нашла поддержку лишь у части партийцев. В 1913 г. и без того сократившаяся вдвое фракция раскололась на две части: гучковцев (левых октябристов) и умеренных (земцев-октябристов). Оппозиционная либеральная пресса по этому поводу замечала: «Октябристский кот Вася слушает гучковскую речь и продолжает есть из правительственного корыта...»²⁶. Однако партия как единая структура окончательно рассыпалась. Октябристские фракции в 1915 г. вошли в Прогрессивный блок, но это объединение оказалось декларативным: за полтора года его существования входившие в него силы не смогли согласовать большей части законопроектов из собственной программы (Гайда, 2003, с. 207-218, с. 247-248).

Начавшаяся Первая мировая война привела к новой активизации Гучкова. Летом 1915 г. благодаря связям в военных кругах он был избран председателем созданного Центрального военно-промышленного комитета. Военно-промышленные комитеты, наряду с Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов (Земгор), стали мощными и влиятельными общественными организациями, появившимися в первый год войны. Власть, предполагая единение с общественностью на патриотической платформе, предоставляла организациям щедрое финансирование без какой-либо отчетности. Внутренняя дисциплина в общественных организациях была крайне низкой, то же самое можно сказать и об их эффективности. Например, военно-промышленные комитеты к январю 1917 г. выполнили лишь около 6 – 7% полученных заказов (Маевский, 1957, с. 86-93). Тем не менее, организации ставили перед собой и оппозиционные политические задачи. В.А. Маклаков, сотрудник Земгора, вспоминал: «Общественность помогала войне, <...> привлекая те силы, которых у правительства не было; <...> но наряду с простым «патриотизмом» у нее было стремление воочию показать **преимущество** «общественной» работы над «бюрократической». Вся работа союзов была поэтому работой и политикой. <...> В эпоху войны союзы жили тогда на **государственные** ассигнования, все их деньги шли от **правительства**», но «никто этого знать не хотел; комфорт и удобства земских санитарных отрядов и госпиталей сопоставлялся с бедностью казенной военной санитарии, которой приходилось обслуживать все, а не только то, что они **выбирали** [выделено в тексте –

25 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 564. Л. 818. Гр. С.Ю. Витте – епископу Варнаве (Накропину). 13 марта 1912 г.

26 А.И. Гучков. *Утро России*. 10 ноября 1913 г. [Utro Rossii, 10 nojabrja 1913 g. (Morning of Russia, November 10, 1913)]

Ф.Г.]» (Маклаков, 1936, с. 130-131). Сотрудник Земгора знаменитый философ кн. Е.Н. Трубецкой в частном письме описывал настроения общественности: «Все верят в победу и никто не верит правительству. <...> Вернется армия из окопов; и тогда мы доберемся до наших внутренних немцев (то есть до правительства)»²⁷.

Однако борьба с «внутренними немцами» началась уже в период войны. В декабре 1916 г. на съезде Земского союза кн. Львов произнес: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет...» (Шляпников, 1923, с. 109). Гучков действовал иными методами: всячески демонстрируя свою активность по подготовке военного заговора. По свидетельству знакомой политика кн. Л.Л. Васильчиковой, он «с поистине изумительной откровенностью провозглашал это мнение в каждой гостиной» и расписывал возможность арестовать Императора во время его переезда из Ставки в Царское Село» (Васильчикова, 1995, с. 350-351). Прессе Гучков заявлял: «Что будет дальше – для меня ясно, но что именно – пока я не считаю возможным высказать в печати»²⁸. Слухи о грядущем военном перевороте сыграли важную роль в победе Февральской революции: генералитет был готов вести переговоры с Гучковым и его политическими союзниками, считая происходящее спланированной и контролируемой акцией. Однако, став военным министром, Гучков не оправдал надежд. По подозрению в монархических настроениях им было отправлено

в отставку 60% высших офицеров действующей армии (в частности, 8 командующих фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий) (Кавтарадзе, 1957, с. 113). Однако вскоре сам он проникся пессимизмом по поводу боеспособности войск и в апреле 1917 г. добровольно подал в отставку (Гайда, 2003, с. 319-320).

В целом российский либеральный политик начала XX в. так и не смог выйти из амплуа идеалиста-оппозиционера и стать способным к признанию существующих реалий и необходимости компромиссов. Обычно они воспринимались как признак бессилия или аморальности. Если это все же происходило, то было тактическим приемом, направленным на безоговорочную победу в будущем. Политические схемы и идеалы воспринимались как ценность более существенная, чем «постылая реальность». Себя либералы воспринимали как единственную силу, способную ввести Россию на верный, «цивилизованный» путь. Иного пути, как предполагалось, и нет, поэтому при любых обстоятельствах либеральное движение должно было сохранить свою ведущую роль. Весной 1917 г. либеральная оппозиция смогла одержать победу над историческим врагом – самодержавием – но, как показала ближайшая перспектива, у власти осталась совсем не надолго. Слом государственной машины, которую и сами либералы не собирались сохранять, сразу привел их к поражению. Оказалось, что именно государство является единственным гарантом существования в России либерального движения.

27 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 171. Папка 8. Ед. хр. 2 б. Л. 40 – 40 об.

28 Гучков А.И. О текущем моменте. Русское слово. 23 декабря 1916 г.

Список литературы

Васильчикова Л.Л., кн. (1995). *Исчезнувшая Россия. Воспоминания* кн. Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886-1919. СПб.: Петербургские сезоны. 543.

Гайда Ф.А. (2003). *Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.)*. М.: РОССПЭН. 432.

Гайда Ф.А. (2010). П.Н. Миллюков: историк в политике. *Мысли о мире российского либерализма: Павел Миллюков (1859-1943). Материалы Международного научного colloquium (Москва, 23-25 сентября 2009 г.)*. М.: Любавич. 37-44.

Градовский А.Д. (2001). *Сочинения*. СПб.: Наука. 512.

Изгоев А.С. (1917). О буржуазности. *Вестник Партии народной Свободы*, (1). 8-9.

Кавтарадзе А.Г. (1967). Июльское наступление русской армии в 1917 году. *Военно-исторический журнал*, (5). 111-117.

Кизеветтер А.А. (1907). *Партия Народной Свободы и ее идеология*. М.: Народное право. 29.

Львов Г.Е., кн. (1998). *Воспоминания*. М.: Русский путь. 318.

Маевский И.В. (1957). *Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны*. М.: Госполитиздат. 392.

Маклаков В.А. (1936). *Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника)*. Париж: Журнал «Иллюстрированная Россия». 610.

Макушин А.В., Трибунский П.А. (2001). *Павел Николаевич Миллюков: труды и дни (1859-1904)*. Рязань: НРИ-ИД. 439.

Миллюков П.Н. (1907). *Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». 568.

Миллюков П.Н. (1991). *Воспоминания*. М.: Политиздат. 528.

Оболенский В.А., кн. (1988). *Моя жизнь, мои современники*. Париж: YMCA-Press. 754.

Петрункевич И.И. (1993). Из записок общественного деятеля. *Архив русской революции: В 22 т. Т. 21-22*. М.: ТЕРРА. 424.

Поливанов А.А. (1924). *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. Т. 1*. М.: Высший военный редакционный совет. 240.

Речь Н.Н. Кутлера и земельный проект Партии Народной Свободы. (1907). СПб.: Вестник народной свободы. 16.

Селезнев Ф.А. (2006). *Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.)*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 277.

Чичерин Б.Н. (1998). *Философия права*. СПб.: Наука. 655.

Шелохаев С.В. (2010). *Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность*. М.: РОССПЭН. 339.

Шипов Д.Н. (1918). *Воспоминания и думы о пережитом*. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых. 592.

Шляпников А.Г. (1923). *Канун семнадцатого года. Ч.2*. М.; Петроград: Госиздат. 138.

References

Chicherin B.N. (1998). *Philosophy of Law*. Sankt-Petersburg: Nauka. 655.

Gaida F.A. (2003). *The Liberal Opposition on the Road to Power (1914 – spring 1917)*. Moskva: ROSSPEN. 432.

Gaida F.A. (2010). P.N. Milyukov: a historian in politics. *Thinking worlds of Russian liberalism: Pavel Milyukov (1859-1943). Materials of the International Scientific Colloquium (Moscow, September 23-25, 2009)*. Moskva: Lyubavich. 37-44.

Gradovskii A.D. (2001). *Collected works*. Sankt-Petersburg: Nauka. 512.

Izgoev A.S. (1917). *About bourgeoisness*. Vestnik Partii narodnoi Svo-body, (1). 8-9.

Kavtaradze A.G. (1967). The July Of-fensive of the Russian Army in 1917. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, (5). 111-117.

Kizevetter A.A. (1907). *The Party of People's Freedom and its Ideology*. Moskva: Narodnoe pravo. 29.

L'vov G.E., kn. (1998). *Memories*. Moskva: Russkii put'. 318.

Maevskii I.V. (1957). *Economics of Rus-sian Industry in the Conditions of the First World War*. Moskva: Gospolitizdat. 392.

Maklakov V.A. (1936). *Power and the Public at the Decline of the Old Russia (the memoirs of a contemporary)*. Paris: Zhur-nal "Illyustrirovannaya Rossiya". 610.

Makushin A.V., Tribunskii P.A. (2001). *Pavel Nikolaevich Miliukov: works and days (1859-1904)*. Ryazan': NRIID. 439.

Milyukov P.N. (1907). *The Year of Strug-gle. Publicist chronicle. 1905-1906*. Sankt-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 568.

Milyukov P.N. (1991). *Memories*. Moskva: Politizdat. 528.

N.N. Kutler's *Speech and the Land Proj-ect of the People's Freedom Party*. (1907). Sankt-Petersburg: Vestnik narodnoi svo-body. 16.

Obolenskii V.A., kn. (1988). *My life, my contemporaries*. Paris: YMCA-Press. 754.

Petrunkovich I.I. (1993). From the Notes of a Public Activist. *Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes*. Vol. 21-22. Moskva: TERRA. 424.

Polivanov A.A. (1924). *From the diaries and memoirs of the military minister and his assistant. 1907-1916*. Vol. 1. Moskva: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet. 240.

Seleznev F.A. (2006). *Constitutional Democrats and the Bourgeoisie (1905-1917)*. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 277.

Shelokhaev S.V. (2010). *D.N. Shipov: personality and socio-political activity*. Moskva: ROSSPEN. 339.

Shipov D.N. (1918). *Memories and Thoughts about the Experience*. Moskva: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovskh. 592.

Shlyapnikov A.G. (1923). *The Eve of the 1917. Part 2*. Moskva; Petrograd: Gosizdat. 138.

Vasil'chikova L.L., kn. (1995). *Disap-peared Russia. Memoirs of Prince. Lyd-ia Leonidovna Vasilchikova. 1886-1919*. Sankt-Petersburg: Peterburgskie sezony. 543.

Информация об авторе

Федор Александрович Гайда, доктор исторических наук, доцент, Историче-ский факультет, Московский государ-ственный университет им. М.В. Ломо-носова

119192, Российская Федерация, Мо-сква, Ломоносовский проспект, 27-4
fyodorgayda@gmail.com

About the Author

Fedor A. Gayada, Doctor of History, Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
fyodorgayda@gmail.com

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

Максим Михайлович ШЕВЧЕНКО

Исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
shevch_mm@mail.ru

Русский политический консерватизм XIX – начала XX вв. в действии

АННОТАЦИЯ. Русский консерватизм как течение общественной мысли, последовательно обращаемое в политическое действие формируется на рубеже XVIII–XIX вв. Целью его постоянных стремлений и усилий становится творческая защита, то есть адаптация, модернизация, развитие исторического российского самодержавия как ответ на либерально-эгалитарные вызовы времени. Н.М.Карамзин, пошедший путем накопления, осмысления и обобщения эмпирики отечественного исторического опыта, разработал систему апологии самодержавной монархии, которая в сочетании с атмосферой патристического подъема 1812 года привела к снятию инициированной Александром I либеральной политической повестки дня. Эпоха Николая I явила собой наиболее длительный опыт стабильной и поступательной консервативной внутренней и внешней политики, окончившейся со смертью ее символа и реализатора из-за накопленных противоречий, ошибок и упущений, уничтоживших ее престиж в русском общественном мнении. Политика освободительных реформ Александра II в краткосрочной перспективе самодержавие укрепляла, но в долгосрочной – порождала общественно-политический динамизм, несший в себе постоянную угрозу его паде-

ния с катастрофическими последствиями для России в целом. Консервативный поворот Александра III был несовершенной попыткой, не теряя перспективы экономического прогресса и упрочения российского великодержавия в быстро меняющемся мире модерна, выйти на путь длительной общественно-политической стабилизации. После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., ставшей результатом как тяжелой стратегической ошибки Николая II, так и неисправленных системных ошибок его предшественников, дискредитация самодержавия приняла обвальный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: консерватизм, Россия, самодержавие, монархия, либерализм, национализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шевченко М.М. (2017). Русский политический консерватизм XIX – начала XX века в действии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 44–64. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

Maksim M. SHEVCHENKO

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
shevch_mm@mail.ru

The Practice of Russian Conservatism of the Nineteenth and early Twentieth Centuries

ABSTRACT. Russian conservatism as a current social thought, consistently turned into political action is formed at the turn of the XVIII-XIX centuries. The goal of its constant aspirations and efforts was creative protection that meant adaptation, modernization, development of the historical Russian autocracy as a response to the liberal-egalitarian challenges of the time. N.M. Karamzin, who went through the accumulation, comprehension and generalization of the empirics of domestic historical experience, developed a system of apology for an autocratic monarchy, which, combined with the atmosphere of the patriotic upsurge of 1812, led to the abolition of the liberal political agenda initiated by Alexander I. The era of Nicholas I was the longest experience of a stable and progressive conservative domestic and foreign policy that ended with the death of her symbol and realizer because of the accumulated contradictions, mistakes and omissions that destroyed her prestige in Russian public opinion. The policy of the liberation reforms of Alexander II in the short term strengthened the autocracy, but in the long term generated social and political dynamism that bore the constant threat of its fall with catastrophic consequences for Russia as a whole. The conservative turn of Alexander III was an imperfect attempt, without losing the prospect of economic progress and the consolidation of the Russian great power in the rapidly changing world of mo-

dernity, to take the path of long-term socio-political stabilization. After the defeat in the Russo-Japanese War of 1904-1905, which resulted from both the grave strategic mistake of Nicholas II and the uncorrected systemic errors of his predecessors, the discrediting of the autocracy took an avalanche character.

KEYWORDS: conservatism, Russia, autocracy, monarchy, liberalism, nationalism

FOR CITATION: Shevchenko M.M. (2017). The Practice of Russian Conservatism of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 44-64. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-44-64

Современная наука относит возникновение консерватизма в России как общественно-политического течения к концу XVIII века, понимая его как ответ на вызовы рационализма и индивидуализма Нового времени, а также практику Французской революции конца того же столетия. Для консерватизма были характерны признаки приоритета монархической формы правления, принципа естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Ценностным стержнем консерватизма являлась религия, которая согласно воззрениям

консерваторов, придавала смысл истории и отдельной человеческой личности. Консерватизму были свойственны почитание церкви, культ армии, школы и семьи, то есть общественных институтов, выступавших проводниками и хранителями традиции (Минаков, Репников, 2010, с. 6). Поиск причин, повлекших неустойчивость последних в России, ведет нас к началу XVIII века.

Переворот Петра Великого в области культуры, помимо прочего, означал переход в режим открытости всем сильнейшим влияниям в пределах тогдашнего христианского мира с испытанием на предмет возможной адаптации в русских условиях инноваций европейской цивилизации. Переход сперва императорского двора, потом, постепенно, правящего привилегированного класса, а в исторической перспективе и самых широких образованных слоев вплоть до народных низов.

Полагал ли Петр I действительно, что так нужно лишь на «несколько десятков лет», а потом к Европе следует «повернуться задом» (Ключевский, 1989, с. 196) или нет, но сам подобный разворот его наследникам в широком смысле слова быстро перестал казаться в принципе возможным. Изучавший это спустя почти два столетия великий историк писал: «Чем больше проникалось наше общество западным влиянием, тем чаще проявлялись среди него люди, которые теряли чувство родного, относились к нему или с презрительным равнодушием, или даже с брезгливым отвращением. Напротив, в ком сильнее билось сердце за отечество, тот тем недоверчивее, раздражительнее или высокомернее относился к Западной Европе. Каким-то непостижимым и неожиданным образом западное влияние из культурного средства превратилось у нас патологический симптом, в источник болезненных возбуждений... Что такое был русский запад-

ник?... Ухитрившись поссорить между собою столь сродные понятия, как родина и национальность, он незаметно для себя... разделил мир на две половины: на человечество и на Россию. Отечество – это неприятное привидение, от которого стараются отчураться средствами цивилизации... Западная культура для нас вовсе не предмет выбора: она навязывается нам с силой физической необходимости. Это не свет от которого можно укрыться, – это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая. Но и в воздухе не все здорово, и им надо уметь дышать...» (Ключевский, 1983, с. 19).

В XIX – начале XX вв. русский политический консерватизм в действии предполагал прежде всего защиту и укрепление исторического российского самодержавия, его возможную модернизацию или адаптацию как ответ на вызовы времени.

Первая половина царствования императора Александра I (1777–1825) – «дней Александровых прекрасное начало» – была не просто апогеем эпохи европейского Просвещения в России, но «вряд ли не самая высшая точка русского западничества. Екатерининская эпоха, – писал Г.В. Флоровский, – кажется совсем примитивной по сравнению с этим торжествующим ликом Александровского времени, когда и самая душа точно отходит в принадлежность Европе... А в следующих поколениях уже крепнет «славянофильская» оппозиция, не столько национально-психологическая, но и культурно-творческая... Западничество Александровского времени не было денационализацией в прямом смысле. Напротив, то был скорее период националистического подъема...» (Флоровский, 1983, с. 128-129).

Образованные умы были наполнены идеями естественного права, общественного договора, народного суве-

ренитета, «представительного правления», «истинной монархии». Их лидером был сам русский самодержец, который, вследствие политических маневров императрицы Екатерины II, оказался воспитан Ф.С. Лагарпом в духе платонического республиканизма. Он поначалу был полон желания быстро подготовить и свершить грандиозный гуманно-освободительный акт, который должен был моментально целиком пересоздать весь политический и социальный строй России. В масштаб своих замыслов он посвящал, кроме Лагарпа, узкий круг своих единомышленников – «молодых друзей», монопольное политическое влияние которых осторожно пытались как-то нейтрализовать екатерининские «старые служивцы», быстро усвоившие либеральную повестку дня. Молодых энтузиастов либерально-эгалитарных доктрин не очень волновало то, что последний общероссийский свод законов – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича – был принят полтора столетия назад, система регулярной кодификации законов фактически отсутствовала и только начала постепенно формироваться, обычное право и общественные нравы российских сословий, классов, образ жизни различных местностей, народов необъятного государства с почти тысячелетней историей были знакомы петербургскому двору, мягко говоря, более, чем поверхностно. Ни Александра I, ни статс-секретаря М.М. Сперанского, писавшего по его поручению проект конституции, ни Н.Н. Новосильцева, впоследствии, уже после наполеоновских войн готовившего другой такой проект – «Уставную Грамоту», – ни членов и лидеров тайных декабристских обществ – Н.М. Муравьева с его «Конституцией» и П.И. Пестеля с «Русской Правдой» не коробило то обстоятельство, что, как сказал вполне справедливо в 1826 году А.С. Пушкин в записке императору Ни-

колаю I (1796–1855), «Россия еще слишком мало известна Русским».

Тем, пожалуй, единственным в России, кто в полной мере и со всей ответственностью оценил фундаментальный характер последнего обстоятельства в тогдашних политических условиях, был Н.М. Карамзин. Это был один из признанных и бесспорных лидеров русской культуры эпохи Просвещения, и император не мог от него просто отмахнуться. Переживший в молодости увлечение идеями Вольтера, Руссо и других властителей дум европейского человечества и потрясенный в лучших своих чувствах тем, как их воплощали французские революционеры 1789–1794 гг. и Наполеон Бонапарт, он пришел к твердому убеждению, что обещанная просветителями гармония есть утопия, не стоившая такого количества пролитой крови: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы, но эту свободу дает не Государь и не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божией. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к Провидению!» (Карамзин, 1862, с. 195). Чтобы найти верную, неразрушительную перспективу возможных политических и социальных усовершенствований, не угрожающих катастрофой, Карамзин, отклонив скомпрометировавшие себя универсалистские политические концепции, обратился к эмпирике русского исторического опыта, к первоисточникам русской истории. Его беспрецедентная по обширности, фундаментальности и глубине содержания «История Государства Российского» должна была продемонстрировать русскому обществу, по выражению современника, «чем мы были,

как переходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям...» (Лотман, 1987, с. 291). На полпути своего исторического труда он предъявил Александру I при посредничестве его сестры великой княгини Екатерины Павловны политическое заключение об аксиомах безопасного, стабильно-поступательного развития страны в «Записке о древней и новой России» в 1811 году. Основываясь на них, он подверг последовательной критике десять лет правления императора.

Древняя Россия «основалась победами и единоначалием, гибла от разноразличия, а спасалась мудрым самодержавием». Замена последнего на удельную раздробленность стоила стране двух с половиной векового порабощения. Попытка после тирании Ивана Грозного ограничить царское самовластие вызвала к жизни процессы, повлекшие крушение всего государственного порядка, хаос и смуту гражданской войны и иностранной интервенции, преодоление которых и спасение состоялось только при восстановлении самодержавия. Великий Петр, основавший Россию новую, поставил ее на небывалую высоту мощи, славы и влияния. Но «совершенное присвоение обычаев европейских» имело и необратимый отрицательный результат: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр». В новой России после почти столетия отсутствия патриаршества, униженного перед монархами положения власти церковной, лишенной теперь прежнего авторитета у высшего сословия, дворянство, будучи европеизированным, культурно-психологически удалено от народа. Поэтому, при всей своей обширности, мощи и видимом процветании новая Россия внутренне гораздо слабее России древней. А, следовательно, – ей теперь более

прежнего жизненно необходимо именно неограниченное самодержавие (Карамзин, 1991, с. 22, 31, 35, 36, 38, 48). Александр I, заигрывая с конституцией, балансирует над пропастью новой Смуты, во внешних условиях гораздо более опасных. Ему следует перестать увлекаться копированием западноевропейских социально-политических учреждений, а заняться улучшением личного состава предрежащих властей всех уровней, дать стране «честных губернаторов» и достойных духовных пастырей, то есть епископов, использовать еще хранимую дворянством идею наследственного благородства как данного свыше призвания служить государству.

Вопреки распространенному мнению, Карамзин не отрицал в принципе необходимость институциональных преобразований. Первым шагом именно в их направлении должно было быть исследование и реконструкция истории русского законодательства со времен Соборного Уложения 1649 года, а затем создание нового общероссийского Свода Законов. «Водораздел» между Карамзиным и законотворческой мыслью русского Просвещения александровского времени пролегал в области допустимости или недопустимости механического приложения к России модных западных концепций, притязающих на универсальность. Сперанский из пермской ссылки в январе 1813 года, отвечая на обвинения в том, что он якобы переносил в составлявшееся русское гражданское Уложение статьи или нормы Кодекса Наполеона, писал императору: «В источнике своем, то есть в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но со здравым смыслом, со знанием сих источников, и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах» (Сперан-

ский, 1892, с. 56). Антитезой этому звучат слова Карамзина из «Записки...»: «Русское право также имеет свои начала, как и римское, – определите их, и вы дадите нам систему законов» (Карамзин, 1991, с. 94).

Заявленная Александром I либеральная политическая повестка дня продержалась до наполеоновского вторжения в Россию. Патриотический подъем 1812 года пробудил не только декабристскую оппозиционность слева. По справедливому заключению А.Ю. Минакова, подъем русского консерватизма в не меньшей, как минимум, степени связан с Отечественной 1812 года. Его идеи отражались в написанных А.С. Шишковым высочайших манифестах. «Русский вестник» С.Н. Глинки достаточно массово по тем временам тиражировал в публику идеи того же А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, как косвенно через издателя, так и непосредственно через них, как авторов. Император сблизился с так называемой «русской партией» в придворно-правительственных кругах. Вместо отправленного в ссылку Сперанского ключевые позиции при нем заняли А.С. Шишков, главный идеолог и пропагандист Отечественной войны, написавший большую часть высочайших манифестов и указов, обращенных к народу и армии, а также А.А. Аракчеев, фактически единственный секретарь императора во время войны (Минаков, 2011, с. 452).

После окончательного низвержения Наполеона Александр I политически сдвинулся вправо. Сдвинулся вместе с тогдашней Европой, уставшей от четвертьвековых войн. В нем пробудилось религиозное чувство, он обратился в христианство в духе модного тогда в Европе масонского гностицизма. Воз-

вращенному в Петербург Сперанскому, он летом 1821 года обмолвился, что следует «не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются» (Мироненко, 1989, с. 217). Вследствие постоянно переживавшегося им конфликта между просветительским идеалом и русской действительностью, он полагал, по мнению современного британского историка, «что Россия его недостойна» (Ливен, 2012, с. 99). Патриотический подъем в русском обществе вызывал у него смешанные чувства. Он находил время посещать места сражений отгремевших войн в Европе, но никогда ни разу не посетил ни одного памятного места Отечественной войны 1812 года. Не принимал участия в поминовении погибших на той войне, почти демонстративно не пожелал вместе со всем московским дворянством почтить память павших в Бородинском сражении, питал откровенную неприязнь к памяти «спасителя Отчества» М.И. Кутузова. Своим конституционным планам он после войны пытался искать опору в бывших союзниках Наполеона поляках, безуспешно предлагая им показать пример непротиворечивости свободолюбия и лояльности «недопросвещенным» русским. С.С. Уваров, патриотически восхищавшийся своим императором, как мифическим Агамемноном среди царей (Уваров, 2010, с. 234), сокрушившим тирана Европы и дарящим ей неоценимые блага «вечного» мира (в духе И. Канта), влекущие обожанную меру гражданской и политической свободы, с горечью констатировал, что обожаемый им Александр был лишен «русской душевной струны» (*fibre russe*)¹.

Глава ведомства духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голи-

1 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. (Далее – ОПИ ГИМ.) Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 192.

цын, возглавлял и Библейское общество, которое, в частности, покровительствовало сектам и распространяло западную мистическую литературу. В конце концов под давлением так называемой «православной оппозиции» император в 1824 году отстранил лидера «мистической партии» от дел религии и просвещения, расформировал «сугубое» министерство, а главой ведомства народного просвещения и иностранных вероисповеданий сделал представителя «русской партии» А.С. Шишкова². Усердие «православной оппозиции» в борьбе с крамоллой западного мистицизма привело, помимо иного, и к негативным результатам. На три года оказался запрещен к распространению православный катехизис архиепископа Филарета (Дроздова). А продвигаемое им дело перевода Священного Писания на литературный русский язык остановилось на целых тридцать лет.

Политика императора Александра I зашла в тупик. В учрежденном им Царстве Польском все более усиливалось антирусское брожение. Созданный им Священный союз европейских монархов был разрушен Восточным кризисом, порожденным греческим восстанием и его последствиями. В самой России усиливалась тайная политическая оппозиция, которую он не решался репрессировать, так как считал самого себя виновником ее появления. И только уже перед самой кончиной, получив точные сведения, что планируется покушение на его убийство, отдал приказ об аресте лидера Южного общества декабристов полковника Пестеля. В «воспоминаниях» бывшего адъютанта трех императоров генерала графа А.Х. Бенкендорфа, внимательно прочитанных императором Николаем I, осталась прозаическая эпитафия Алексан-

дру I: «Выросший под влиянием развращенных нравов азиатской роскоши и победного престижа эпохи Екатерины, воспитанный якобинцем Лагарпом, он был смущен строгостью отца еще наследника престола... у него всегда хватало сил оставаться человечным и благожелательным... Он искал славы и оваций либеральной Европы. Он даровал конституции Польше и завоеванной Финляндии, раздражая свой собственный народ и сея зерна оппозиции и недовольства у своих подданных. Затем он вернулся к принципам деспотизма, гипертрофированной религиозности, сектантским взглядам, к мистицизму. Недовольный настоящим, неуверенный в будущем, строгий к самому себе, он стал несчастлив, потерял вкус к жизни и к своему могуществу. Он умер в скорби о потерянных иллюзиях и в предвидении будущих событий» (Бенкендорф, 2012, с. 342).

Эпоха романтизма принесла открытие органической цельности и самобытной глубины национального в культуре. Искушенные соблазнами Просвещения С.С. Уваров, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, консервативные «арзамасцы», «литературная аристократия», профессора, журналисты, образованная публика, глядя на революционные брожения в Европе 1820 годов, теперь стояли ближе к взглядам Н.М. Карамзина. Им хотелось больше творческой самостоятельности русского общества перед лицом Запада. Уже и иностранные наблюдатели отмечали отрицательные последствия «вестернизации». Путешествовавший, впоследствии, по стране А. фон Гакстгаузен, писал, что в России после Отечественной войны «все больше и больше стал распространяться тот внешний лоск, то полуобразование, которое слишком

2 См. подробнее: (Кондаков, 1998).

ничтожно, чтобы двигать вперед цивилизацию, однако совершенно достаточно, чтобы исказить все честное и национальное в человеке и породить недовольство народной жизнью и ненависть к ней» (Гакстгаузен, 1870, с. 72). 14 декабря 1825 года на Сенатской площади залпы картечи правительственной артиллерии по рядам восставших, по остроумному выражению историка, «прозвучали отходной по веку просвещения» (Левандовский, 1990, с. 5). Но современники отнюдь не считали это гарантией от рецидивов правительственного либерализма. Новый император был полон искреннего благоговения по отношению к памяти венценосного брата и проявлял бережность и осторожность к его политическому наследию. Люди из либеральной «камарильи», по выражению президента Академии наук С.С. Уварова, до самой кончины сохраняли при дворе Николая I и в правительстве положение весьма почетное. «Будем надеяться, что высокая мудрость Монарха просвещенного, справедливого и патриотичного облегчит его стране путь развития в форме, наиболее соответствующей ее природе, – писал Сергей Семенович своему тогдашнему единомышленнику начальнику тайной полиции и шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, – Будем надеяться, что люди, призванные ему помочь, поймут, наконец, положение государства, которое своей политической формой, своей организацией, своим положением опровергает все теории, и для которого неприменимо почти ничего из того, что делается или задумывается в Европе»³. И Николай в целом не обманул его надежд. Уваров в одной из записок, переданной через Бенкендорфа, подвергнув критике механисти-

ческое понимание государства и политики в минувшее царствование, предложил новому императору взглянуть на отечественное просвещение как на путь стратегической подготовки в России отмены крепостного права⁴. Последнее должно было произойти не с помощью поверхностной и конъюнктурной индоктринации дворянства, но благодаря его постепенному и глубокому перевоспитанию, которое сделает их «Русскими по духу» и вместе «Европейцами по образованию». Через год-полтора Уваров возглавил Министерство народного просвещения.

«Полный гордого доверия покой», – эта брошенная вскользь хрестоматийная фраза великого М.Ю. Лермонтова, на мой взгляд, передает наиболее типичное для эпохи Николая I чувство, владевшее современниками. Те из них, кому довелось переживать смуты, тревоги и, нередко, разочарования эпохи Освободительных реформ Александра II вспоминали ее с весомой долей ностальгии: «В начале 1840-х годов в Петербурге «о политике никто почти не говорил, кое-где в канцеляриях валялись на столах иностранные журналы с большими вырезками, или черными пятнами цензуры, почти бесполезными, потому что журналы читались большей частью не Русскими, а иностранцами... Гоголь написал уже «Ревизора», которым восхищался Николай Павлович; но «Мертвые души» еще не появились; Белинский начал писать критику в «Отечественных записках», разбирал Пушкина и возглашал, что в деятельности великого поэта многое объясняется тем, что он был консерватор; это замечание Белинского казалось всем чрезвычайно верным, остроумным и глубоким... Финансы на-

3 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Ед. хр. 45. Л. 25.

4 См.: (Шевченко, 2006, с. 157-192).

ши, устроенные мудростью Канкрин, были в отличном состоянии в сравнении с теперешними. Все шло спокойно и нормально. Общество было в органическом периоде существования, и никаких критических явлений и переворотов нельзя было ожидать. Владыка Севера держал крепко вожжи государственных; в Европе политика его торжествовала; в делах Восточного вопроса Франция Луи Филиппа, которую Николай Павлович терпеть не мог, была обидно исключена из общего аккорда; в Германии и Италии господствовал абсолютизм; внутри России, в столицах и провинциях ропота не было, да и не могло быть; при дворе веселились... Весь порядок казался надолго утвержденным, никакие диссонансы не нарушали общей гармонии; никаких общественных вопросов и не думали поднимать, даже эти выражения еще не входили в Русский словарь»⁵.

Во второй четверти XIX столетия, уходящая корнями в древность сословная дисциплина, питаемая духом христианской аскезы, еще не было расшатана. Неустанно «подтягиваемый» сверху военно-бюрократический аппарат Империи с его чрезвычайно медленным чинопроизводством, растущей регламентацией и централизацией еще не исчерпал основного запаса своих нравственных сил – традиционной дворянской этики служения Государству. Дух монархического благоговения и верности еще господствовал. Все тридцать лет николаевского царствования Россией, без преувеличения, управляли люди из героического поколения ветеранов 1812 года, чей ореол в глазах ближайших потомков долго не мерк. Обновлявшееся русское образованное общество в целом сохраня-

ло веру в свои творческие силы и, отмечая превосходство Запада над Россией в области материальной цивилизации и светской культуры, еще не заболело комплексом неполноценности. «... утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества!... Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других – судьба России зависит от одной России, – писал видный современник» (Киреевский, 1984, с. 60-61). Глубокий, уходящий корнями в века, традиционализм народа не давал монарху и его политическому окружению причин усомниться в своей прочности даже в грозные для Европы революционные 1830, 1848-1849 годы. Император Николай I всю жизнь до конца дней свободно ездил по России, гулял по своей столице в одиночестве или почти без сопровождения. Отправляя в 1837 году наследника цесаревича в специальное ознакомительное путешествие по России, он писал: «Нет сомнения, что тебя везде с искренней радостью принимать будут; ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность...» (Венчание с Россией..., 1999, с. 25-26). И, наконец, сам волевой и энергичный император Николай I, весьма далекий от гуманитарно-философских увлечений военный инженер по образованию, раз и навсегда мотивированный Н.М. Карамзиным, иногда шутя называвший себя в узком кругу самых близких людей «республиканцем», до последнего вздоха сохранял непоколебимую веру в правоту своего самодержавия, в свою богопоставленность и сопряженную с ней ответственность.

⁵ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 325. Картон.1. л. 142, 143л143 об.

Все это вместе взятое составляло могучие политические ресурсы, огромные запасы социально-политической стабильности, внутренней прочности национально-государственного организма в распоряжении русского самодержавного правительства.

Сохранение завоеванного в наполеоновских войнах первенствующего положения России среди Великих держав Николай I видел в отвращении угроз Венской системе международных отношений, главные из которых исходили от французского и германского национализма. Выиграв в первые годы правления три тяжелых войны, он осуществил в 1830-е годы масштабные военные реформы и к началу 1850-х годов нарастил военную мощь России в 2-2,5 раза по сравнению с 1815 годом, построил третий по мощи в тогдашнем мире военно-морской флот. После этого в Европе ни одна держава не могла один на один бросить вызов империи русского самодержца. Он неторопливо и со спокойной твердостью вел к победоносному завершению Кавказскую войну. С помощью Е.Ф. Канкрин решил проблему неустойчивости финансов путем введения системы серебряного монометаллизма. На основе твердого протекционизма медленно, но поступательно развивал экономику страны за счет преимущественно экстенсивных факторов. По мере необходимости наращивал структуры государственного аппарата. Постепенно повышал уровень общей культуры и профессионализма чиновничества и офицерства. Осуществил воссоединение белорусских унитаров с Православной церковью. Нащупывал возможные подходы к безопасному упразднению крепостного права.

Как будто бы ничто в России не мешало высшей власти, начав переходить где-то на рубеже 1830–1840-х годов некоторые естественные пределы эффективного применения такой политики, все неизменно длить и длить эту необычайно устойчивую политическую систему, называвшуюся, иногда и в настоящее время, на мой взгляд, неправильно, «застоем».

И в той, казалось бы, такой статичной системе неизбежно сохранялся динамический или конфликтогенный элемент. Осуществляемое высшей властью, медленно, но систематически, поступательное развитие в России, при все том же неизбежном мощном влиянии интеллектуальной жизни Запада, светского образования и культуры имело стойкую тенденцию к превращению образовательного ценза в фактор, начинавший воздействовать в целом на формирование правящего отбора Империи, что особенно было заметно в области цензуры и печати⁶. Салонно-кружковые споры славянофилов и западников о соотношении религии и науки, о прогрессе и традиции, об исторических путях России и Запада едва заметно, но точно возвестили о появлении в России интеллигенции. Патриархальная нерасчлененность внутреннего мира уступала место «философскому пробуждению», острой и всесторонней рефлексии, рождению личности с обязательностью всеобъемлющего мировоззренческого самоопределения...

Политические тенденции, заложенные еще в эпоху Александра I, в результате шестнадцати с лишним лет деятельности С.С. Уварова во главе ведомства народного просвещения, наконец, стали приносить плоды в виде

6 См. подробнее: (Шевченко, 2003).

достаточного многочисленного кадра подданных нового склада – выпускников гимназий, пансионов, лицеев, университетов. Их присутствие дало себя почувствовать и на государственной службе. Эти люди имели более высокую потребность в печатном слове, в самовыражении, нуждались в существенном расширении публичной сферы, общественной перспективе. Но к этому совершенно не мог быть и не был готов император Николай I. Он не оценил по достоинству усилия Уварова, направленные на то, чтобы эту новую генерацию не отталкивать, чтобы помешать нарастанию у нее политически опасного для самодержавной России чувства невостребованности. За отставкой Уварова последовало хаотическое ужесточение цензуры, вызванное деятельностью специальных негласных комитетов. С 1848–1849 гг. учено-литературная общественность фактически полностью потеряла печать как средство самовыражения. Настало «мрачное семилетие» или «эпоха цензурного террора», с трудом как-то еще выносимое образованной общественностью, пока не грянула Крымская война.

России пришлось ее вести в ситуации военно-политического противостояния со всей Европой. По сути, по всему значимому периметру российских границ, от Финляндии и Балтийского моря до пределов Ирана, была военная угроза. Крымская (Восточная) война была единственная в Новой и Новейшей истории, которую Россия вела без единого союзника в Европе. Такой войны, с коалицией и в состоянии политической изоляции со стороны всех остальных Великих держав, ни одна империя в мире никогда не выигры-

вала. Просчеты Николая I и его первого военного и политического советника фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича очевидны, как и системные ошибки первого во внутренней политике, приведшие к отсутствию в России военно-политических структур или инстанций, достаточно самостоятельных, чтобы страховать перегруженного монарха от опасных внешнеполитических провалов⁷. По заключению А.А. Кривопалова, русская стратегия свела ущерб в изначально безнадежной войне к минимуму благодаря четкому разделению потенциальных театров военных действий на главные и второстепенные. Кампанию на периферийном Крымском театре русские сделали максимально изнурительной для французов и англичан. Одновременно удалось избежать чрезвычайно опасной и мало-предсказуемой по последствиям борьбы на западном стратегическом направлении с вероятной коалицией германских государств (Кривопалов, 2013, с. 68). Утратив ведущую политическую роль в Европе, Россия осталась тем не менее великой державой.

Но в русском общественном мнении консервативная система Николая I была бесповоротно скомпрометирована, потому что проигранная война потрясла тогда мировоззрение почти целого поколения. «Охраняемые на море и на суше собственными силами, мы не имеем нужды хлопотать о союзах и равнодушно смотрим на мелкие интриги Запада, в бессильной зависти его к нашему непоколебимому могуществу» (Устрялов, 1997, с. 905), – такие слова официального учебника русской истории отражали николаевское стремление видеть общество исполненным не

7 См. подробнее: Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2013.

просто чувства национального самоуважения, но и непоколебимой уверенности в военно-политической самодостаточности России. Россия шла от победы к победе за малым исключением почти полтора столетия. Николай I и его окружение, воспитывая у молодежи чувство безграничной преданности и повиновения во имя общего блага, исключили у поколения своих преемников зрелых представлений о том, каковы на самом деле естественные пределы мощи России, и что означает для нее быть готовой к войне. Общество оказалось не способным не воспринимать отступление как поражение, а поражение – как катастрофу. Бурный всплеск либеральных настроений во время войны проистекал из оскорбленного чувства национальной гордости, поскольку склонность переоценивать военные возможности России прививалась многие годы. Парадокс, как точно заметил О.Р. Айрапетов, состоял в том, что это был результат действия в умах и сердцах молодежи именно «николаевской» системы ценностей (Айрапетов, 1998а, с. 39-40; Айрапетов, 1998b, с. 442-443).

Император Александр II (1818–1881), воспитанник В.А. Жуковского и ученик М.М. Сперанского, имел вполне соответствовавшее духу времени понятие о «прогрессе», употребляя это слово в положительном значении. Встав на путь освободительных реформ, он шел через многие периоды колебаний и разочарований. Но и накануне своей гибели, подписывая проект генерала М.Т. Лорис-Меликова, который должен был привлечь ценовую общественность к обсуждению дальнейших преобразований в области местного управления, самоуправления, крестьянского вопроса, проект, который должен был придать политике «великих реформ» «второе дыхание», император – освободитель крестьян в России в 1861 и христиан на Востоке в 1878 гг. – ясно отдал себе от-

чет, что идет «по пути к конституции». Он не сомневался, что делает это ради «величия России». Будучи, согласно воспитательному замыслу отца, «военным в душе», он до самой Второй восточной войны 1877–1878 гг. мучился угрызениями совести за то, что однажды, подписав ущемляющий суверенитет, Парижский мирный договор 1856 года, позволил унижить Россию. И накануне войны в особом совещании, обсуждавшем текущий восточный кризис, он гневно спрашивал возражавшего ему министра финансов М.Х. Рейтерна, не считает ли тот, что его реформы страну не усилили, а ослабили. Но к чему же вели четвертьвековые стремления Александра II, по его словам, «примирять историю – этот незыблемый завет прошедшего – с прогрессом, законом настоящего и будущего» (Захарова, 2008, с. 402)?

Монархия должна быть инициативной. Он должна, упреждая появление предпосылок для революции, возглавлять прогресс, то есть от нее должно исходить падение крепостного права, распространение мелкой крестьянской земельной собственности, развитие земского и городского всесословного самоуправления, современных кредитно-финансовых и экономических институтов, университетской автономии, развитие светской и духовной школы, веротерпимости, поощрение церковно-общественной самодеятельности. Так считало и к этому стремилось сложившееся в правительственном аппарате на рубеже прежнего и нового царствования политическое течение, известное как «либеральная бюрократия» в отечественной научной литературе или «просвещенная (enlightened) бюрократия» в литературе англоязычной. Ее представители братья Николай и Дмитрий Милютины, «константиновцы» А.В. Головнин и М.Х. Рейтерн и их соратники из числа общественных

деятелей Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, Н.Х. Бунге, реализуя свои программные цели, становились на грань открытого конфликта с дворянством, делаясь, порой, «громоотводами» для императора, который этого себе позволить не мог. Еще Сергей Уваров предсказывал, что после потери помещичьего права дворянство будет стремиться к конституции. Его прогноз подтвердился. Однако проявлявшаяся в течение 1860–1870 годов общая критика политики реформ с позиции сословно-дворянских интересов активистами и публицистами так называемой «аристократической оппозиции», одно время поддерживавшейся министрами П.А. Валуевым, А.П. Бобринским, шефом жандармов П.А. Шуваловым, другом императора фельдмаршалом князем А.И. Барятинским и близким ему публицистом Р.А. Фадеевым – серьезным критиком военных реформ Д.А. Милютин – так и не привела к формированию внятного и приемлемого для Александра II возможного консервативного правительственного курса. Гораздо более мощным процессом было массовое распространение в пореформенной России либеральной и народнической интеллигенции, которую в изобилии теперь производила отечественная школа. В отличие от интеллектуала – профессионала умственного труда, – интеллигент видел в себе миссионерское призвание, был движим «идейностью задач и беспочвенностью идей» (Г.П. Федотов). Миссией российской интеллигенции в ее собственном понимании было освобождение от ограничений традиционного общества, освобождение политическое, обрядово-религиозное или (и) социальное, степень и характер которых могли различаться в зависимости от темперамента, социально-бытовых условий или влияний. Единство интеллигенции всех оттенков заключалось в

«отторжении почвы» – отрицании, более или менее, исторического русско-го самодержавия и института господствующей церкви, который проистекал из признания государством существования Истинного Бога и Его Откровения. Пореформенное русское дворянство, наконец, приучившееся приобретать и использовать для возможного поддержания социального статуса образовательный ценз, стало постепенно превращаться, по сути, в интеллигенцию. «Дворяне это прежде всего русские европейцы, выросшие на общеевропейских понятиях XIX века, т.е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, где все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерального-эгалитарного прогресса, т.е. *les droits de l'homme*... – писал в 1880 году на страницах «Варшавского дневника» Константин Леонтьев, – Эти русские европейцы в большинстве случаев очень лояльны; они готовы идти за Государя на войну или посылать на смерть за родину сыновей своих; они готовы жертвовать и деньги... В среде дворянской несравненно больше, чем во всяком другом классе, найдем мы людей благородных, великодушных и честных. Но личная мораль... и даже личная доблесть, сами по себе взятые, не имеют в себе еще ничего организующего и государственного. Организует не личная добродетель, не субъективное чувство чести, а идеи объективные, вне нас стоящие, прежде всего религия... Будем искренни... Многим дворянам Гамбетта или Брайт нравятся больше, чем Муравьев (Виленский) или Паскевич...» (Леонтьев, 2006, с. 127).

Между тем политика реформ по мере своего развития собирала и накапливала не только отдельные недочеты и внутренние противоречия, но к ис-

ходу царствования выявляла и принципиальные ошибки самих концепций, развиваемых бюрократами-реформаторами. Энтузиасты гуманистических доктрин, развивавшие либеральный стиль управления, личную автономию и гражданские свободы, не догадались озаботиться необходимостью сбалансировать вызывавшиеся ими процессы. Модернизация тайной полиции, превращение ее в спецслужбу в современном понимании этого слова запоздало на двадцать лет, включая и специальную службу охраны императора. Исправление этой ошибки наступило только в 1880–1881 годах диктатором Лорис-Меликовым, директором Департамента полиции В.К. Плеве, генералом И.И. Воронцовым-Дашковым, и слишком поздно. Царь-реформатор погиб от рук революционеров. Малоэффективной была политика министра финансов М.Х. Рейтерна, который, не доверяя существовавшим институтам, предпочел механически заимствовать европейские и американские идеи, учреждения и методы экономической политики. По заключению В.Л. Степанова, в 1860–1870 годы государственная власть не обеспечила для развития предпринимательства необходимую правовую базу и не сумела поставить деятельность частного сектора экономики под необходимый контроль (Степанов, 2008, с. 512). Построенные при огромных затратах и злоупотреблениях железные дороги оказывались нерентабельны. Система частного кредита оказывалась не в состоянии без государственных вливаний переживать европейские финансовые и экономические кризисы. Производительность труда, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве продолжала расти теми же темпами, что и в дореформенное время, и за счет все тех же, преимущественно экстенсивных, факторов. Уваров предсказывал с началом либе-

ральных реформ усиление в империи центробежных тенденций. Если введение в действие конституции Финляндии, принятой еще Александром I, не внушало опасений, то польский сепаратизм, вылился в мятеж 1863–1864 гг., подавленный силой. Постепенное разрушение сословного строя, рост социальной подвижности при умножении интеллигенции неминуемо вел к появлению и обострению национального вопроса. Из этого логически следовало, что продолжение политики реформ требовало обязательного усиления русификации окраин в правовом и культурном отношении, в том числе и при участии православного миссионерства. Это последнее обстоятельство осознавали и принимали далеко не многие либералы. Последовательными либеральными националистами-государственниками были братья Н. и Д. Милютин, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, М.Н. Катков, Н.Х. Бунге. Одну позицию с Н.А. Милутиным в польском вопросе занял ликвидатор мятежа в Северо-Западном крае его бывший оппонент в крестьянском вопросе М.Н. Муравьев-Виленский. Аналогичные политические взгляды были распространены среди образованной части русских военных, работавших над модернизацией армии. В их числе были Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров, М.Д. Скобелев.

Наиболее серьезные, по своим последствиям, ошибки допустил военный министр Д.А. Милютин. Начав долгосрочную модернизацию военной промышленности и перевооружение армии в условиях начинавшейся постепенно гонки вооружений, он упустил краткосрочную перспективу приближавшегося военного конфликта. В результате Россия вступила в войну с Турцией 1877–1878 гг., впервые в истории русско-турецких войн технически уступая противнику в отношении стрелкового оружия и артилле-

рии⁸. С другой стороны, начало сказываться отсутствие в центральном военном управлении авторитетного и независимого органа управления и планирования, чем должен был быть Генеральный штаб. Начав войну на подъеме славянского движения, под сильнейшим давлением русского общественно-го мнения, Петербург получил бы шанс удержаться на Босфоре или же, как минимум, сохранить достигнутое в Сан-Стефанском прелиминарном договоре, если бы было обеспечено одно неперемное условия: завершение войны с Турцией в одну кампанию, до зимы 1877-78 гг. Для этого в преддверии войны следовало бы принять план помощника военного министра генерала Н.Н. Обручева. Но его предложения, как минимум, ни единожды были скорректированы так, что от первоначального замысла почти ничего не осталось. Допущенные таким образом на этапе планирования войны ошибки, привели к продолжительной осаде Плевны и к дальнейшему затягиванию войны. Когда же она была выиграна, Россия уже не имела достаточно сил, чтобы удержать все, что было завоевано. Она опять оказалась, по сути, перед угрозой повторения стратегической ситуации предыдущей Восточной войны с небольшой только разницей – международно-изолированная Россия против Англии и Австро-Венгрии, поддержанных Германией с вооруженным противостоянием опять по всему значимому периметру своих границ. То есть вновь перед угрозой такого масштаба, который пределы ее военных возможностей заведомо превосходил⁹.

Общественность в России испытала глубокое разочарование. По заключению А.В. Мамонова, правительствен-

ные деятели обнаруживали растерянность и разобщенность, общественные же – проявляли претенциозность, фрондерство и безответственность. И то, и другое было чревато в перспективе если не военной, то политической катастрофой. При отсутствии «реальной альтернативы» самодержавию выживание государства напрямую зависело от его способности создать механизм обеспечения правильного взаимодействия власти и общества (Мамонов, 2004, с. 75). В стране начался революционный террор, развернутый «Народной волей». В этой обстановке либеральные министры Лорис-Меликов, Д. Милютин, А.А. Абаза нацелились на борьбу за обновление и углубление политики «великих реформ». Цареубийство 1 марта 1881 года еще далеко не лишало их надежды на успех.

Решающую роль в консервативном развороте правительственной политики сыграл обер-прокурор К.П. Победоносцев. Это был выдающийся педагог и политик своего времени, глубокий апологет самодержавной монархии, имевший связи в западноевропейских консервативных кругах, убежденный противник движения России по пути развития институтов политической демократии, сторонник жесткого русификаторского курса в национальном вопросе. Сын профессора Московского университета, воспитанник привилегированного Училища правоведения, виднейший правовед-цивилист своего времени, близкий славянофильским кругам, участвовавший в укреплении их связей с императрицей Марией Александровной и наследником Александром Александровичем, он, будучи преподавателем законовведения у наследника цесаревича, сумел приоб-

8 См.: (Айрапетов, 2016, с. 15-27).

9 См. подробнее: (Айрапетов, 2006, с. 303-351).

рести в его глазах особый авторитет. Он сумел привить ему многое из своего мировоззрения, познакомил его с творчеством виднейших русских консервативных мыслителей того времени Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, с публицистикой И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, В.П. Мещерского. В конце 1870 – начале 1880 гг. он, по сути, политически ориентировал своего августейшего ученика. Он составил и убедил императора Александра III (1845–1894) подписать Манифест 29 апреля 1881 года о неизбежности самодержавия, что, как он и рассчитывал, спровоцировало добровольную отставку Лорис-Меликова и его сторонников.

Эта история, помимо прочего, показывает, что на рубеже 1870–1880 гг. был кризис политики освободительных реформ, а отнюдь еще не «кризис самодержавия». Какое же значение имел этот консервативный политический поворот? «Реакцию под маской народности и православия» (Д.А. Милютин), лишившую Россию в XX веке возможности эволюционного развития и предотвратившая революционную катастрофу, или, наоборот, благодетельный акт, отсрочивший ее наступление? По мнению А.В. Мамонова, которое я бы сейчас не поторопился разделить, разрыв монархии с «либеральной бюрократией» был фатальным для исторической России: в начале XX века, утратив чувство твердой опоры в монархе, бюрократия будет искать её в представительных учреждениях, а когда наступит революция, создаст Государственную думу и обеспечит ей тот вес и значение, которые и сыграют в судьбе империи роковую роль (Мамонов, 2017, с. 106). Автор лучших на сегодняшний день биографических исследований о Победоносцеве А.Ю. Полунов видит явный избыток консервативного утопизма в политике Александра III, унаследованного во многом и Николаем II (1868–1918). Вместе с Победо-

носцевым, по его мнению, в правительственную политику вошли ранее в нее не допускавшиеся принципы самобытности, в какой-то мере близкие их славянофильскому пониманию, неприязни к верхам образованного общества, отчасти даже и к правительственной бюрократии, допущения возможности для монархии непосредственной опоры на «простой народ» (Полунов, 2017, с. 132).

Прагматизм Александра III проявился в бережном отношении к опыту управления экономикой и финансами за предыдущее царствование. Сохранявший пост министра финансов Н.Х. Бунге проводил сбалансированную политику, разработал план введения золотого стандарта, впоследствии осуществленный С.Ю. Витте, подготовил мощный промышленный рынок России, последовавший в 1890 годы. Миротлюбивая и великодержавная внешняя политика Александра III, сохранявшая стремление поддерживать равновесие сил в Европе, имела своей опорой сбалансированное стратегическое планирование начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева, который удерживал четкий приоритет. В грядущей неизбежной коалиционной европейской войне с австро-германским блоком в союзе с Францией целью России должно было стать овладение верхним Босфором, которое замыкало оборону морской границы в три тысячи километров в одну точку, позволив тем самым резко сократить военные расходы.

Общий «проект», если так можно выразиться, Александра III заключался в попытке обрести глубокий и самодостаточный национальный стиль в области государственной политики, общественной жизни и личного творчества. Его конечная неудача имела, помимо прочего, причиной отсутствие единства в отношении политического видения, конкретности намерений и путей их воплощения самих его консерватив-

ных вдохновителей. Общественный либерализм был гораздо однороднее и последовательнее. М.Н. Катков хотел усилить значение поместного дворянства в местном самоуправлении и опеке над крестьянством, стремился к уничтожению судебной системы 1864 года, но, в конечном итоге, не достигнув и в том, и в другом успеха. К.Н. Леонтьев, предлагавший «подморозить» Россию, сохраняя дистанцию по отношению и к славянам, и к Европе, по сути, предлагал своего рода «второе издание» николаевской России. Победоносцевское направление, ближе всего принимавшее христианский гуманизм Достоевского, можно определить как консервативное народничество. То есть идеализацию народа справа, как носителя христианских добродетелей, возводимых на метафизический уровень, народа «богоносца». Леонтьев резко возражал против этого, считая народ величиной исторической, чьи лучшие свойства есть продукт многовекового воспитания его Православной церковью и самодержавным государством, свойства удобоуничтожимые инаправленной политической волей. За свою идейную последовательность и бескомпромиссность Леонтьев заплатил полной общественно-политической маргинализацией и завершил публичную карьеру выполнением своего давнего обета о принятии монашества. Консервативное народничество Победоносцева и Александра III, которое унаследовал и его сын Николай II вместе со своей супругой, в 1880 годы наиболее сопрягалось с умонастроением интеллигенции в целом. Одной из родившихся на этой почве ошибок была политика искусственного сохранения от распада крестьянской общины в эпоху аграрного перенаселения при медленных темпах урбанизации. Печально знаменитый голод 1891 года продемонстрировал не только порочность узкого «фи-

нансизма» министра И.А. Вышнеградского, но и опасную неэффективность правительственной машины в меняющихся исторических условиях, чем воспользовалась оппозиционная интеллигенция.

Будучи плохо подготовленным к царствованию, император Николай II совершил тяжелую ошибку во внешней политике. Под влиянием идей маринизма и ориентализма он дал себе односторонне увлечься ее дальневосточным направлением, в результате чего приоритет босфорско-ближневосточного направления был потерян. В результате империя стала двигаться в нескольких направлениях, и в конечном итоге, устремясь достичь сразу всего, везде понесла ущерб.

Отказ от предлагавшегося Японией и Англией компромисса привел к Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая обнажила все органические недостатки милютинской военной системы, заложенных в самой их концепции: исключение перспективы развития в России Генерального штаба в независимый орган стратегического планирования, засилье административного начала, «военной бюрократии» в ущерб строевому, оторванность военной науки от строя, от повседневной жизни войск. Из этого проистекали ошибки в планировании войны, низкий уровень штабного управления крупными войсковыми соединениями, допускаемость непосредственно на театре войны организационных импровизаций, ведших к падению боеспособности соединений, известная под названием так называемой «отрядомании». Такие свойства отечественной военной организации как таковые не были связаны органически с наличием или отсутствием в России, скажем, самодержавной монархии, сословного строя или каких-либо иных социальных и политических институтов.

«... для твердого самодержавия необходимо государственное могущество, – писал Карамзин (Карамзин, 1991, с. 22). После поражения на Дальнем Востоке дискредитация монархии приобрела обвальный характер, подлинный «кризис самодержавия» наступил. Революция 1905–1907 гг. на короткое время пробудила и вызвала еще массовое сопротивление, стихийную народную контрреволюцию, так называемое «черносотенное» движение, затем, частично получившее партийно-политическое оформление и давшее, впоследствии, крайне правый спектр Государственной Думы. Межвоенная внутренняя политика империи дала последнего крупного либерального националиста-государственника – П.А. Столыпина, которого объединяло с крайне правыми отчетливое стремление превратить русский народ в господствующую в империи нацию, чем он никогда не был. Стремление, как показали дальнейшие события, в тех исторических условиях вполне утопическое. Мировая война, постепенно принявшая тотальный характер, продемонстрировала острую потребность общества в мобилизующей национальной идее, сформулировать и ретранслировать которую в массы право-консервативная часть русского образованного общества была уже совершенно неспособна. Ее мысль и слово тонули в массе леволиберальных и социалистических интеллигентских идеалов и умонастроений. Последняя опора монархии – армия, кадровая армия мирного времени, обескровленная огромными потерями, превратилась фактически в ополчение. Верхушка генералитета, уставшая от ошибок и нерешительности императора Николая II, сблизилась с лидерами либеральной оппозиции на момент времени достаточный, чтобы Февральская революция привела к падению монархии, повлекшему общее крушение и

гибель исторической российской государственности...

Русский исторический консерватизм, по мысли одного из ведущих его основательных современных исследователей, конечно, не следует воспринимать как панацею при решении сегодняшних проблем, но его пристальное изучение способно послужить немаловажным подспорьем при разработке политического курса, находящегося по ту сторону как «правых», так и «левых» крайностей (Репников, 2007, с. 499). Разумеется, если, изучая его, мы будем оставаться на надежной и проверенной почве историзма в его лучших отечественных традициях.

Список литературы

Айрапетов О.Р. (1998a). *Забытая карьера «русского Мольтке»*. Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя. 320.

Айрапетов О.Р. (1998b). Н.Н. Обручев и дело «Военного сборника» (1858 г.). П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации, воспоминания о нем. М.: РОССПЭН. 442–449.

Айрапетов О.Р. (2006). *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. М.: Европа. 672.

Айрапетов О.Р. (2016). Испытание войной: реформы и вооружённые силы России и Турции в 1860–1870-е гг. *Российская история*, (6). 15–27.

Бенкендорф А.Х. (2012). *Воспоминания 1802–1837*. М.: Российский фонд культуры. 760.

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. (1999). М.: Издательство МГУ. 184.

Гакстгаузен А. (1870). *Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России*. М. 490.

Захарова Л.Г. (2008). Александр II и место России в мире. *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. М.: РОССПЭН. 372–402.

Карамзин Н.М. (1991). *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 127.

Карамзин Н.М. (1862). *Неизданные сочинения и переписка. Т. 1*. СПб: в типографии Н. Тиблена и Комп. 241.

Киреевский И.В. (1984). *Избранные статьи*. М.: Современник. 384.

Ключевский В.О. (1983). Западное влияние в России после Петра. *Неопубликованные произведения*. М.: Наука. 11–112.

Ключевский В.О. (1989). Курс русской истории. Ч. 4. Сочинения. В 9 т. Т. 4. М.: Мысль. 398.

Кондаков Ю.Е. (1998). Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб: Нестор. 223.

Кривопапов А.А. (2013). Севастополь в стратегических планах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1853–1855 гг. *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*, (3). 58–69.

Левандовский А.А. (1990). *Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции*. М.: Молодая гвардия. 304.

Леонтьев К.Н. (2006). Чем и как либерализм наш вреден. *Полное собрание сочинений и писем в 12-и томах. Т. 7. Кн. II*. СПб: Владимир Даль. 118–143.

Ливен Д. (2012). *Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814*. М.: РОССПЭН. 680.

Лотман Ю.М. (1987). *Сотворение Карамзина*. М.: Книга. 336.

Мамонов А.В. (2004). Самодержавие и «славянское движение» в 1875–1877 годах. *Отечественная история*, (3). 60–77.

Мамонов А.В. (2017). «Неожиданный и непонятный для большинства современников»: манифест 29 апреля 1881 г. и либеральная бюрократия. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*, (1). 88–109.

Минаков А.Ю. (2011). *Русский консерватизм в первой четверти XIX века*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 560.

Минаков А.Ю., Репников А.В. (2010). Консерватизм в России. Шелохаев В.В. (ред.). *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия*. М.: РОССПЭН. 6–18.

Мироненко С.В. (1989). *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века*. М.: Наука. 240.

Полунов А.Ю. (2017). *Победоносцев: русский Торквемада*. М.: Молодая гвардия. 336.

Репников А.В. (2007). *Консервативные концепции переустройства России*. М.: Academia. 520.

Сперанский М.М. (1892). Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.): Оправдательная записка. *Русский архив*. Кн. 1, (1). 50–80.

Степанов В.Л. (2008). Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х – первая половина 1870-х гг.). *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. М.: РОССПЭН. 491–512.

Уваров С.С. (2010). Император все-русский и Бонапарте. *Избранные труды*. М.: Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. 234–248.

Устрялов Н.Г. (1997). *Русская история до 1855 года, в двух частях*. Петрозаводск: Фолиум. 958.

Флоровский Г.В., прот. (1983). *Пути русского богословия*. 2-е изд. Paris: YMCA-Press. 574.

Шевченко М.М. (2003). *Конец одного Величия*. М.: Три квадрата. 256.

Шевченко М.М. (2006). Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России. 1830/31. *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 2. М.: Модест Колепов. 157–192.

References

Airapetov O.R. (1998a). *The forgotten career of the «Russian Moltke» Nikolai Nikolayevich Obruchev (1830-1904)*. Sankt-Petersburg: Aleteiya. 320.

Airapetov O.R. (1998b). N.N. Obruchev and the case of the "Military Collection" (1858). *P.A. Zaionchkovskii (1904–1983): Articles, publications, memories about him*. Moskva: ROSSPEN. 442–449.

Airapetov O.R. (2006). *The Foreign Policy of the Russian Empire (1801-1914)*. Moskva: Evropa. 672.

Airapetov O.R. (2016). The test of the war: the reforms and armed forces of Russia and Turkey in the 1860s and 1870s. *Rossiiskaya istoriya*, (6). 15–27.

Benkendorf A.Kh. (2012). *Memories of 1802-1837*. Moskva: Rossiiskii fond kul'tury. 760.

Florovskii G.V., prot. (1983). *Directions of Russian theology*. 2nd ed. Paris: YMCA-Press. 574.

Gaksthausen A. (1870). *Studies of internal relations of people's life and especially of Russia*. Moskva. 490.

Karamzin N. M. (1991). *A note about the ancient and new Russia in its political and civil relations*. Moskva: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 127.

Karamzin N.M. (1862). *Unpublished works and correspondence*. Vol. 1. Sankt-Petersburg: v tipografii N. Tiblena i Komp. 241.

Kireevskii I.V. (1984). *Selected articles*. Moskva: Sovremennik. 384.

Klyuchevskii V.O. (1983). Western influence in Russia after Peter. *Unpublished works*. Moskva: Nauka. 11–112.

Klyuchevskii V.O. (1989). Course of

Russian History. Part 4. *Works*. In 9 vols. Vol. 4. Moskva: Mysl'. 398.

Kondakov Yu.E. (1998). *The spiritual and religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox opposition (1801-1825)*. Sankt-Petersburg: Nestor. 223.

Krivopalov A.A. (2013). Sevastopol in the strategic plans of Field Marshal I.F. Paskevich in the years 1853-1855. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya, (3). 58–69.

Leont'ev K.N. (2006). How and how our liberalism is harmful. *Complete works and letters in 12 volumes*. Vol. 7. Book. II. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal'. 118–143.

Levandovskii A.A. (1990). *Time of Granovsky. At the origins of the development of the Russian intelligentsia*. Moskva: Molodaya gvardiya. 304.

Liven D. (2012). *Russia against Napoleon. The struggle for Europe. 1807-1814*. Moskva: ROSSPEN. 680.

Lotman Yu. M. (1987). *Creation of Karamzin*. Moskva: Kniga. 336.

Mamonov A.V. (2004). Autocracy and the «Slavic movement» in 1875-1877. *Otechestvennaya istoriya*, (3). 60–77.

Mamonov A.V. (2017). «Unexpected and incomprehensible to most contemporaries»: the manifesto of April 29, 1881, and the liberal bureaucracy. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, (1). 88–109.

Minakov A.Yu. (2011). *Russian conservatism in the first quarter of the XIX century*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 560. 6-18.

Minakov A.Yu., Repnikov A.V. (2010). Conservatism in Russia. Shelokhaev V.V. (ed.). *Russian conservatism of the mid-eighteenth and early twentieth centuries: encyclopedia*. Moskva: ROSSPEN.

Mironenko S.V. (1989). *Autocracy and Reform. Political struggle in the beginning of the XIX century*. Moskva: Nauka. 240.

Polunov A.Yu. (2017). *Pobedonostsev: Russian Torquemada*. Moskva: Molodaya gvardiya. 336.

Repnikov A.V. (2007). *Conservative concepts of the reorganization of Russia*. Moskva: Academia. 520.

Shevchenko M.M. (2003). *The End of One Greatness*. Moskva: Tri kvadrata. 256.

Shevchenko M.M. (2006). Note of S.S. Uvarov on serfdom in Russia. 1830/31. *Russian collection. Studies on the history of Russia. Vol. 2*. Moskva: Modest Kolerov. 157–192.

Speranskii M.M. (1892). Permsky letter to Alexander Pavlovich (Jan. 1813): Justification note. *Russkii arkhiv. Kn. 1, (1)*. 50–80.

Stepanov V.L. (2008). Liberal-economic «experiment» in Russia (the second half of the 1850's – the first half of the 1870's). *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Collection of articles and memoirs for the cente-*

nary of the historian. Moskva: ROSSPEN. 491–512.

Ustryalov N.G. (1997). *Russian history until 1855, in two parts*. Petrozavodsk: Folium. 1958.

Uvarov S.S. (2010). The Emperor of All-Russia and Bonaparte. *Selected works*. Moskva: Biblioteka otechestvennoi obshchestvennoi mysli s drevneishikh vremen do nachala XX veka. 234–248.

Wedding with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolayevich with Emperor Nicholas I. 1837. (1999). (1999). Moskva: Izdatel'stvo MGU. 184.

Zakharova L.G. (2008). Alexander II and the place of Russia in the world. *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Collection of articles and memoirs for the centenary of the historian*. Moskva: ROSSPEN. 372–402.

Информация об авторе

Максим Михайлович Шевченко, кандидат исторических наук, доцент, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27-4
shevch_mm@mail.ru

About the Author

Maksim M. Shevchenko, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
shevch_mm@mail.ru

Проблемы Старого света

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-65-81

Наталья Юрьевна ЛАПИНАИнститут научной информации по общественным наукам
Российской академии наукНахимовский проспект, 51/21, Москва, 117997, Российская Федерация
lapina_n@mail.ru

Политическое лидерство в современной Франции

АННОТАЦИЯ. Анализируется связь между политическими элитами и лидерами. Показано, что социальные сдвиги в составе элиты отражаются на профиле руководителей государства, а приход к власти нового президента сопровождается обновлением элит. За годы существования Пятой республики сменилось несколько поколений политической элиты. Во времена Ш. де Голля основными политическими акторами стали высшие государственные служащие; изменилась логика назначений в системе исполнительной власти; сформировался новый тип политической карьеры. При Ф. Миттеране децентрализация расширила ряды политической элиты, упрочила позиции местных элит; во власть пришли однопартийцы президента; политические партии превратились в эффективный механизм рекрутирования элитных кадров. С избранием Э. Макрона произошло обновление депутатского корпуса; намечены реформы, которые приведут к изменениям в составе элит. Исследуются политические биографии и карьерные траектории президентов Пятой республики: карьера нотабля, партийно-аппаратная и административно-бюрократическая карьеры. Карьера

нотабля предполагает, что политик начинает свою карьеру с избрания в местные органы власти и постепенно продвигается на вершины власти. Партийно-аппаратная карьера свидетельствует об укорененности политика в партийных структурах. Административно-бюрократическая карьера означает, что продвижение на политический Олимп совершают лица, сделавшие карьеру в структурах исполнительной власти, а также входящие в ближайшее окружение президента, премьер-министра, ключевых министров. Для французских президентов характерны локальная укорененность, хорошее знание системы государственного управления. До недавних пор считалось: чтобы стать президентом Франции нужна поддержка сильной партии. Новый французский президент – исключение, а созданное им движение является не традиционной партией, а сетевым образованием. Выявлены качества, которыми должен обладать лидер. Показано, какую роль в жизни президента Французской республики играет коммуникация, как она влияет на формирование имиджа главы государства и доверие общества к институту президентской власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Пятая республика, «республиканская монархия», президент, коммуникация, элита, карьера, Ш. де Голль, Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстен, Ф. Миттеран, Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд, Э. Макрон

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лапина Н.Ю. (2017). Политическое лидерство в современной Франции. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 65-81. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-65-81

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-65-81

Natalia Y. LAPINA

Institute of Scientific information of the Russian Academy of Sciences
51/21, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
lapina_n@mail.ru

Political Leadership in Modern France

ABSTRACT. *The paper analyses the relation between political elites and political leaders. It is demonstrated that social shifts in the ranks of the elite are reflected in the profiles of heads of state, and the coming to power of a new president results in the renewal of elites. For years of existence of the Fifth republic several generations of political elite were replaced. At the time of Ch. De Gaulle highest public servants were the main political actors. The logic of appointments in the system of executive power changed, a new type of political career was created. During the rule of F. Mitterrand, decentralization expanded the ranks of political elite, strengthened the positions of local elites. The president's fellow party members came to power, political parties turned into an effective mechanism of recruitment of elite cadres. With E. Macron's election there was a renewal of the deputy corps; reforms which will lead to further changes in the ranks of elites are planned. The paper investigates political biographies and career paths of presidents of the Fifth republic: the path of a notable, the path of a party functionary and the path of a member of admin-*

istrative bureaucracy. The path of a notable assumes that the politician starts their career from election in local authorities and gradually works their way up through the ranks of power. The path of a party functionary demonstrates that the politician is rooted in party structures. The path of a bureaucrat assumes ascent to the political Olympus through promotion in the executive power branch and also by entering the immediate environment of the president, prime minister, key ministers. Local rootedness, good knowledge of public administration are characteristic of French presidents. Until recently it was thought that to achieve presidency in France it was necessary to be supported by a strong party. The new French president is an exception to this rule, and the movement he created is not a party in the traditional sense but a network entity. The study further brings to light qualities which the leader has to possess. The role of communication in the life of the French president is explained and it is shown how communication shapes the president's image and influences public trust in the institution of presidency.

KEYWORDS: *Fifth republic, “republican monarchy”, president, communication, elite, career, Ch. de Gaulle, G. Pompidou, V. Giscard d’Estaing, J. Chirac, N. Sarkozy, F. Mitterrand, F. Holland, E. Macron*

FOR CITATION: Larina N. Yu. (2017). Political Leadership in Modern France. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 65-81. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-65-81

На французской политической сцене действуют политики разного склада. Это и стоящие во главе государства авторитетные лидеры, и оппоненты власти, носители нового социального проекта, и яркие популисты, политический вес которых с каждым годом растёт. У каждого из них своя траектория восхождения на политический Олимп. Их жизнь наполнена драматическими событиями, переживаниями и разочарованиями, за ослепительными взлётами нередко следуют тяжёлые поражения. В состав политической элиты входят политики национального масштаба – президент, премьер-министр, министры, депутаты двух палат парламента, а также представители местной элиты. Но далеко не всем удастся стать лидерами, возглавить крупную партию или встать у руля государства.

Интерес к политическому лидерству проходит через всю историю человеческой мысли. О правителях и их особых качествах писали Плутарх, Геродот и другие мыслители древности. В XIX в. британский историк Т. Карлейль сформулировал свое представление об истории как процессе, который направляется выдающимися деятелями – «героями». В XX в. политиче-

ским лидерством заинтересовались социологи. Одним из первых типологию лидерства обосновал М. Вебер. Исходя из способа легитимации власти, он предложил три типа лидерства: традиционное, в основе которого лежит вера в святость традиций; харизматическое, предполагающее наличие у политика «природного дара, обрести который невозможно никакими усилиями» (Вебер, 1994, с. 79); рационально-легальное, осуществляемое в рамках демократических процедур.

В статье рассматривается, как в современной Франции формируются политические элиты, как из элитной среды выкристаллизовываются политические лидеры, какими качествами должен обладать политик, чтобы общество доверило ему управление государством. Обращаясь к анализу политических биографий президентов Пятой республики хотелось понять, в какой момент известный (или неизвестный) политик превращается в лидера. В работы использовались материалы эмпирического исследования «Французские политические институты и акторы: традиции и современность» (2013-н.в.), в ходе которого методом полуструктурированного интервью были опрошены французские политики – депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, сотрудники партийных аппаратов ведущих политических партий, эксперты. Всего было проведено свыше 50 интервью продолжительностью 50 – 90 мин каждое¹.

Автор выражает глубокую благодарность Фонду дома наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его Президенту М. Вивьорке (M. Wiewiorka). Хочу выразить признательность моим друзьям – Од д’Аркур

1 Интервью проводились на условиях анонимности, в тексте приводятся в кавычках и выделены курсивом. – Н.Л.

(Haude d'Harcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование вряд ли удалось бы осуществить.

Элиты versus лидеры

В обществе, где действуют стабильные политические институты и правила, лидеры являются частью элиты. В свою очередь элиты являются ведущими акторами политической жизни, они наделены особыми полномочиями, которые позволяют им принимать ключевые решения в жизни страны и контролировать их исполнение. В научной литературе сложилось мнение, что французские элиты отличаются закрытостью, принадлежностью к высшим слоям общества, наличием диплома привилегированной «большой школы» (Хартманн, 2012).

Одной из особенностей французской политической элиты, как свидетельствуют материалы исследования, является *широкая социальная база рекрутирования*. Опрошенные политики – выходцы из различных социальных слоев. Среди них дети рабочих, сельских хозяев, интеллигенции, буржуазии. Во многих интервью звучала мысль, что политика стала в жизни респондентов важнейшим механизмом социального продвижения, о котором не могли мечтать их отцы и деды. «Мой дед выращивал коров. Я в чистом виде продукт Республики», – замечает респондент. «Я выходец из простой семьи – отец рабочий, мать – домохозяйка. Моя карьера – пример того, как действовал социальный лифт в те годы, когда он хорошо работал», – говорит депутат и бывший министр.

За последние десятилетия, как свидетельствует исследование социолога Л. Рубана (CEVIPOF, Центр изучения французской политической жизни), состав депутатского корпуса (1) демократизировался; (2) на место высокопоставленных государственных служащих пришли представители среднего класса; (3) среди депутатов стало больше женщин (Rouban, 2011). Парламентские выборы 2017 г. отчасти подтверждают обозначенные тенденции. Парламент стал более молодым (средний возраст – 48,7 лет, в 2012 – 54,6), в нем больше женщин (38,8%, 27% – в 2012 г.).

В исследованиях, посвященных французской политической элите, традиционно большое внимание уделяется «большим школам»², в которых готовятся элитные кадры. Если обратиться к анализу депутатского корпуса, то лишь 3,6% депутатов в 1958–2007 гг. обучались в Национальной школе администрации, 1% – в Высшей нормальной школе, 1% имели диплом об окончании Политехнической школы (Rouban, 2011, p. 29).

Отличительной чертой французской политической элиты является *длительное пребывание в элитном статусе*. «Понятие «элита» включает в себя непрерывность», – замечает респондент. В течение десятилетий во Франции действовал механизм совмещения мандатов, позволявший политику долгое время, иногда пожизненно, находиться на выборных должностях. В 2017 г. на пути пожизненной политической карьеры возник институциональный барьер. Во Франции принят закон, запрещающий совмещение выборных должностей сенатора и депутата Национального собрания с выбор-

2 Во Франции наряду с университетами существуют элитные учебные заведения, так называемые «большие школы». – Н.Л.

ной должностью, носящей функции исполнительной власти – мэра, президента регионального или генерального совета. В 2017 г. многие известные политики, как ранее прогнозировали участники исследования, отказались от участия в парламентских выборах, предпочитая сохранить пост главы исполнительной власти в городе, департаменте или регионе. Готовятся и другие реформы: планируется на одну треть сократить число депутатов и сенаторов, а мандат депутата ограничить тремя сроками. Складывается впечатление, что многие профессиональные политики, которые проиграли выборы в 2017 г., могут окончательно расстаться с политической карьерой. А ведь еще совсем недавно считалось, что «*во Франции из политики не уходят*».

Характерной чертой французской элиты является наличие высокого «*индекса социальных ресурсов*». Речь идет о показателе, который учитывает не только социальные характеристики политика, но также профессию его отца, супруга (или супруги), обучение в престижной «*большой школе*». Изучение «*индекса социальных ресурсов*» приводит исследователей к выводу: за последние годы доля депутатов, имеющих высокий индекс неуклонно возрастала (Rouban, 2011, p. 34-36). Во Франции получил распространение феномен «*политических семей*», в которых мужья и жены занимают высокие позиции во властной иерархии, нередко случаи «*политического наследования*», когда политический капитал передается от отца детям (Behr, Michon, 2014).

Еще одной особенностью элиты, как отмечали респонденты, является ее способность создавать *закрытые социальные сети*. Во Франции сложи-

лись различные формальные и неформальные элитные объединения. Можно выделить три типа элитных сетей: объединения лиц, связанных общим прошлым; объединения выпускников учебных заведений – прежде всего «*больших школ*»; элитные клубы.

В социальном отношении французские политические лидеры близки элите в целом. В настоящее время среди них практически не встретишь представителей аристократических или крупных буржуазных семей. На высшие позиции во власти все чаще назначаются женщины, что связано с принятием законов, направленных на достижение гендерного равенства в политике³. Тем не менее можно говорить об особенностях, которые характеризуют высшее руководство страны. Во-первых, президенты, премьер-министры, министры в большинстве своем являются представителями высших социально-профессиональных категорий. Во-вторых, лидеры «*опережают*» представителей политической элиты по наличию дипломов «*больших школ*». Пятеро из семи президентов Франции после де Голля закончили «*большие школы*». В-третьих, по мере продвижения во властной иерархии плотность социальных связей возрастает (Behr, Michon, 2014, p. 142.).

Политические элиты и политические лидеры – это сообщающиеся сосуды. Смена лидера порождает обновление элитного слоя. С приходом к власти Ш. де Голля в 1958 г. основными политическими акторами стали высшие государственные служащие, а также люди, вместе с генералом боровшиеся за освобождение Франции. В годы правления Ф. Миттерана на высшие посты продвигались однопартийцы прези-

3 В составе французского правительства во главе с Э. Филиппом 20 министров, половина из них – женщины. – Н.Л.

дента. В составе нижней палаты парламента возросло представительство преподавателей средней и высшей школы. Избрание президентом Франции Э. Макрона свидетельствует о том, что во французском обществе велик запрос на новые лица в политике. В результате парламентских выборов (июнь 2017) депутатский корпус радикально обновился: лишь 23% народных избранников прежнего созыва сохранили депутатские мандаты; 90% депутатов пропрезидентской партии «Вперед, Республика!» никогда прежде в парламент не избирались⁴. Вместе с тем приход новых людей не означает, что политическая элита стала в социальном отношении более открытой. В депутатском корпусе возросло представительство высших классов (в настоящее время они составляют 68,3%, в 2012 г – 53,1%), а средних классов сократилась (23,7% и 40,7%, соответственно). Сегодня в нем заседают руководители и хозяева предприятий, лица свободных профессий⁵.

Как становятся политическим лидером во Франции?

Политический лидер – это участник политического процесса, обладающий стратегическим видением и имеющий проект общественно-политического развития, который он готов воплотить в жизнь. Лидер обладает моральным авторитетом, силой воли и организаторскими способностями, благодаря чему граждане доверяют ему управление государством (Bourricaud, 1953, p. 456).

В ходе интервью респонденты отмечали общую для всех французских политиков особенность: республиканскую легитимность. *«В Республике политической элитой являются все лица, которые прошли через процедуру выборов»*. В демократическом обществе, в отличие от традиционного, представители политической элиты по окончании выборного мандата обязаны участвовать в новых выборах, тем самым подтверждая свое право занимать высокую должность: *«Нет такой другой профессии, где каждые пять-шесть лет твой статус ставился бы под сомнение»*.

В стабильном обществе лидеры, поднимаясь на политический Олимп, проходят по устоявшимся каналам рекрутирования элитных кадров. На примере президентов Пятой республики рассмотрим, какими путями представители политической элиты приходят к лидерству.

Президент является центральным звеном в системе французских политических институтов. За главой государства закреплён широкий круг полномочий. Президент Франции является «основным гарантом национальной независимости, целостности территории, соблюдения международных договоров»; назначает премьер-министра; отвечает за внешнюю и оборонную политику; в условиях кризиса может осуществлять чрезвычайные полномочия⁶. Стиль лидерства президента во многом определяет поведение представителей политической элиты, которые внимательно следят за изменениями, происходящими в Елисейском дворце.

4 Brouard S. Elections législatives 2017 : un renouvellement parlementaire inédit depuis 1958 Note ENEF 40, Sciences PO CEV/POF. Juin 2017.

5 Le Figaro. 12 juillet 2017.

6 Конституция Французской республики 1958 г. URL: http://www.conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (Дата обращения: 25.06.2013). Подпр. см.: (Карпенко, 2016, с. 92-101).

Начну с самой нетипичной политической карьеры основателя Пятой республики. Шарль де Голль родился в годы Третьей республики, в юности избрал карьеру офицера, стал крупным специалистом в области военной стратегии. Большую часть своей жизни будущий президент Франции провел вне политики. Быть вне политики – еще не значит не думать о судьбах своей страны. Все мысли де Голля обращены к Франции, он убежден, что ей «уготована возвышенная и исключительная судьба» (Gaulle de, 1999, p. 7). А еще он мечтает совершить ради нее «выдающийся подвиг». Этот момент наступит 18 июня 1940 г., когда после подписания акта о капитуляции де Голль обратится к согражданам с призывом не сдаваться и продолжить борьбу с врагом. В биографии де Голля 18 июня – переломный момент. Завершается его карьера офицера (правительством Виши он был приговорен к смертной казни) и начинается карьера политика. Благодаря героизму, бескомпромиссной борьбе с врагом генерал приобрел статус национального лидера.

Генералу было суждено дважды спасти Францию. В 1958 г. страна находилась на грани гражданской войны. В сложной ситуации политическая элита обратилась к «самому знаменитому французу». В качестве главы правительства де Голль сформулировал новую концепцию власти, основу которой составлял сильный институт президентства. В 1958 г. главным политическим ресурсом де Голля являлась историческая легитимность, позволявшая провести радикальные преобразования и придававшая легитимность новым политическим институтам. Вертикаль власти, выстроенная де Голлем, была излишне жесткой и не учитывала произошедших в обществе перемен. В 1969 г. после того, как французы не поддержали предложенные им реформы,

основатель Пятой республики ушел в отставку. Особенность положения лидера в политических демократиях, даже когда речь идет о самом известном политике, состоит в том, что в любую минуту он может потерять доверие сограждан и будет вынужден покинуть свой пост (Bourricaud, 1953, p. 460).

Вернемся к политическим карьерам, сложившимся в годы Пятой республики. Выделяются три типа карьер: *карьер нотабля, партийно-аппаратная карьера, административно-бюрократическая карьера*. С конца XIX в. центральное место в политической жизни Франции принадлежало местным нотаблям. В парламенте времен III Республики заседали врачи, юристы, учителя. Карьера нотабля начиналась в профессиональной сфере. Профессия приносила известность и позволяла начать политическую карьеру. Главные ресурсы нотабля – тесные связи с избирателями, знание проблем территории, укорененность в той местности, где они живут и избираются. Работа на местах делает политика заметным, порой открывает перед ним новые перспективы. В нынешнем составе французского правительства, которое возглавляет бывший мэр Гавра Э. Филипп, заседают такие известные нотабли, как бывший мэр Лиона, а ныне министр внутренних дел Ж. Колон и президент регионального совета Бретани, а ныне министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан.

Карьера нотабля предполагает постепенное продвижение, но его можно ускорить, если у начинающего политика появляется «наставник». Именно так сложилась карьера президента Жака Ширака (1995-2007). Он вступил в политическую жизнь, будучи студентом Парижской школы политических наук. В возрасте 33 лет был избран муниципальным советником Сен-Фереоль в департаменте Коррез, откуда родом его

семья; спустя два года стал депутатом Национального собрания от своего департамента. Переход с местного уровня власти на национальный – важный шаг в карьере политика. Чтобы его осуществить, нужен внешний толчок. В случае с Шираком решающую роль сыграла поддержка премьер-министра Ж. Помпиду, ставшего «крестным отцом» молодого политика. С конца 1970-х Ширак накапливал ресурсы, которые позволили ему стать хозяином Елисейского дворца: занимал министерские посты, был премьер-министром (1974-1976). В 1976 г. Ширак создал и возглавил новую голлистскую партию «Объединение в поддержку республики»⁷, а год спустя был избран мэром Парижа.

Партийно-аппаратный тип карьеры свидетельствует об укорененности политика в партийных структурах. Чтобы во Франции стать президентом нужна поддержка сильной партии. В Пятой республике таких партий было две – Французская социалистическая партия (ФСП) и голлистская партия. Партийная карьера во Франции начинается в раннем возрасте – в молодежных партийных организациях или профсоюзах. Молодой человек вступает в ряды партии, со временем обрастает нужными связями и при благоприятном стечении обстоятельств получает предложение участвовать в выборах. Типичной в этом отношении была карьера Николя Саркози (2007-2012). Он начал заниматься политикой, будучи студентом Университета, спустя несколько лет возглавил организацию голлистской партии в городе Нейи-сюр-Сен, а в 28 лет был избран мэром Нейи. Молодой политик привлек внимание лидера ОНР Ширака. При поддержке Ширака он стал депутатом На-

ционального собрания, затем получил свой первый пост в правительстве. Политические неудачи во второй половине 1990-х годов не остановили будущего президента. В начале 2000-х годов он занимал посты министра внутренних дел и экономики. Главным событием, приблизившим Саркози к Елисейскому дворцу, стал контроль над партией «Союз за народное движение», которую он возглавил в 2004 г.

Партийно-аппаратную карьеру сделал президент Франции Франсуа Олланд (2012-2017). В 25 лет он вступил в ряды ФСП. После окончания Национальной административной школы (1980) Олланд работал в аппарате правительства. При поддержке Первого секретаря ФСП Л. Жоспена был избран депутатом Национального собрания. Наиболее значимые события его карьеры связаны с продвижением во внутрипартийной иерархии: в 1994 г. Олланд был избран национальным секретарем ФСП, год спустя стал ее официальным представителем, а в 1997 г. – был избран Первым секретарем ФСП. В течение 11 лет он возглавлял ФСП и в этом качестве зарекомендовал себя как «*мастер компромиссов*».

Административно-бюрократическая карьера предполагает политическое продвижение технократов, сделавших карьеру в структурах исполнительной власти, а также входящих в ближайшее окружение президента, премьер-министра, ключевых министров. В отличие от модели постепенного продвижения данная карьерная модель реализуется в короткие сроки. Этот карьерный путь характерен для второго президента Франции Жоржа Помпиду (1969-1974). Выпускник Высшей нормальной школы, преподаватель фран-

7 Голлистская партия неоднократно меняла название: Объединение в поддержку республики (1976-2002), Союз за народное движение (2002-2015). С мая 2015 г. носит название партия «Республиканцы» – Н.Л.

цузской литературы, Помпиду по окончании войны был приглашен на работу главой Временного правительства. После отставки де Голля он работал в Государственном совете, позже сделал карьеру в банке. После возвращения де Голля к власти Помпиду вернулся в политику, в 1962 г. был назначен на пост премьер-министра. Административно-бюрократическую карьеру сделал и Валери Жискар д'Эстен (1974-1981), в годы президентства де Голля и позже при президенте Помпиду (1969-1974) занимавший пост министра финансов.

В 2017 г. президентом Франции избран Эмманюэль Макрон. Макрон – типичный представитель французской технократической элиты. После окончания Национальной административной школы занимал высокий пост инспектора финансов, затем перешел на работу в частный банк Ротшильдов и сделал там блестящую карьеру. Политическое будущее нынешнего президента определилось в 2010 г., когда он познакомился с Ф. Олландом. В 2012 г. Макрон приглашен на должность заместителя генерального секретаря Елисейского дворца⁸, а в 2014 г. назначен министром экономики. Нынешний глава государства никогда не занимал выборных должностей, эпизодически состоял членом ФСП. В апреле 2016 г. Макроном было создано движение «En marche!» («Вперед!»). Это не была традиционная партия с жесткой организационной структурой и постоянным членством, а движение нового типа, сетевое образование, к которому люди присоединяются по Интернету. В августе 2016 г. Макрон покинул пост министра экономики, а в ноябре объявил о своем намерении баллотироваться на президентский пост.

Политические карьеры не существуют в чистом виде. Для большинства президентов Французской республики характерна локальная укорененность, в течение жизни они занимали выборные должности. Многие президенты – представители французской технократии, они начинали карьеру в системе государственного управления. Но главное, что их отличает: за плечами президента всегда стояла политическая партия. Макрон стал первым французским президентом, который на момент избрания не опирался на сильную партию.

Мы живем в век высоких скоростей. Это отражается на карьерах политиков. Де Голль стал президентом Франции в 1958 г., когда ему было 68 лет, Ф. Миттеран шел к президентству 23 года и достиг заветной цели, когда ему было 65 лет. Нынешний французский президент – политический спринтер. Он стал главой государства в 39 лет. За новым французским президентом стоит молодое поколение, представители которого, следуя примеру своего лидера, ориентированы на быструю карьеру.

Какими качествами должен обладать лидер?

В 1932 г. Ш. де Голль опубликовал книгу «На острие шпаги». В ней собраны мысли автора о роли войны, искусстве солдат и офицеров. Наибольший интерес представляют размышления о власти и авторитете. Де Голль интересовался личности с сильным характером, «созданные для борьбы, испытаний, великих событий». Они не подчиняются внешним обстоятельствам, но влияют на ход истории (Голль де, 2006,

8 Должность, соответствующая заместителю главы президентской администрации. – Н.Л.

с. 70-71). Историк Н. Н. Молчанов называет книгу «На острие шпаги» «автобиографическим документом» (Молчанов, 2011, с. 72). Де Голль, размышляя об авторитете, величии, несомненно, ощущал свое истинное предназначение. Для сторонников де Голля был и остается моральным авторитетом. «Быть голлистом, – говорил М. Дрюон, – значит иметь определенную нравственную позицию в отношении различных событий. Это форма морали перед лицом испытаний?». *«Мои родители – голлисты, дедушка и бабушка – участники Сопrotивления. В семье существовал культ генерала. Я была пронизана голлистской культурой»*, – рассказывает респондентка.

Участники исследования, невзирая на политические симпатии, говорили о де Голле как о *«самом великом президенте Франции»*. Большое уважение у французских политиков, если судить по материалам исследования, вызывает другой президент Пятой республики – Франсуа Миттеран. Сложно сравнивать политиков со столь разными характерами и судьбами. Тем не менее есть нечто, что их объединяет. Оба верили в свою «счастливую звезду», готовы были действовать наперекор событиям и добивались поставленных целей. В ранней юности Миттеран убежден: «ничто не может противостоять человеческой воле» (Lacouture, 1998, р. 22). В 1943 г., пережив разгром Франции, военный плен, несколько побегов и вступив в ряды Сопrotивления, 27-летний Миттеран пишет, что «готовится войти в столетие» (Lacouture, 1998, р. 91). Чтобы это могло означать, как не готовность войти в историю? «Я хотел разбудить Францию не извне, а изнутри», – вспоминал президент спу-

стя годы (Mitterrand, Benamou, 1996, р. 77-78). В этой фразе скрыт глубокий смысл. Если де Голль олицетворял «внешнее» Сопrotивление, то Ф. Миттеран – «внутреннее».

В противостоянии с «самым знаменитым французом» Миттеран политически окреп и превратился в национального лидера. Хорошо известно, когда он вступил на этот путь. Первого июня 1958 г. парламент Франции собрался, чтобы утвердить де Голля в качестве премьер-министра. В ходе заседания Миттеран был одним из немногих, кто выступил против инвеституры. В последующие годы он превратился в последовательного критика политического режима Пятой республики. В 1964 г. был опубликован его политический памфлет «Постоянный государственный переворот» (Mitterrand, 1964). В нем содержалась жесткая критика режима личной власти, выстроенного де Голлем. А в 1965 г. совершилось событие, которого мало кто ожидал. В ходе всеобщих президентских выборов Ф. Миттеран вышел во второй тур и набрал 44,8% голосов избирателей. Его судьба лидера оппозиции была определена, хотя путь к высшей власти растянулся на долгие годы.

Отличительной особенностью французской политики является ее *связь с культурой*. Де Голль, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель, особое внимание уделял уму, способности размышлять и анализировать, но важнейшим считал наличие общей культуры (Голль де, 2006, с. 29). В стране, где традиционно существовало глубокое уважение к культуре, президенты стремились оставить после себя значимое культурное наследие. По инициативе Помпиду в Париже был построен

9 Огонек...2007. 27 марта-1 апреля. №13. С. 14.

Музей современного искусства – центр Помпиду, в президентство Жискара д'Эстена открыт музей Орсэ. При Миттеране построены Парижская опера на площади Бастилии, библиотека, носящая его имя, Арка в квартале Дефанс. В президентство Ширака реставрирован музей Гимэ (Musée Guimet), а на набережной Бранли в Париже открыт Музей культур Африки, Азии, Океании, который носит его имя.

В 2007 г. в ходе президентской кампании впервые в истории Пятой республики вопросы культуры не обсуждались, а основные кандидаты на президентский пост Н. Саркози и С. Руаяль не позиционировали себя в качестве носителей национальной культуры. На протяжении пятилетнего президентского срока Саркози мало интересовался вопросами культуры. С приходом к власти Олланда ситуация не изменилась.

Президент Макрон в юности хотел стать писателем, увлекался театром. Он много читает и часто цитирует любимых авторов. Большое внимание глава государства уделяет возрождению интереса к истории. Знание о великих людях и событиях прошлого, считает он, позволит Франции вновь стать страной, «которая гордится собой».

Лидеры в процессе коммуникации

Коммуникация пронизывает все сферы общественной жизни, оказывает влияние на политику. «Медиа, – пишет теоретик концепции сетевого информационного общества М. Кастельс, – не является четвертой властью. Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти» (Кастельс, 2016, с. 222). Коммуникация – важнейшая функция руководителя. Президенты Пятой Республики хорошо понима-

ли значимость коммуникации, правда, далеко не все преуспели на этом поприще. Де Голль, ссылаясь на великих деятелей прошлого, подчеркивал, что в публичном пространстве руководитель должен продумывать каждое слово и жест, уметь владеть собой. А также, писал де Голль, «авторитет не может обойтись без тайны», «умения держать принятые решения при себе» (Голль де, 2006, с. 100). Этим правилами президент следовал беспрекословно. СМИ при нем рассматривались как инструмент легитимации новых институтов власти, и государство контролировало их деятельность. Президент Помпиду своим обликом, манерой говорить внушал уважение и уверенность в будущем.

В 1974 г. президентом Франции был избран Жискара д'Эстен (1974-1981). Новый глава государства был молод, стремился сформировать имидж открытого и демократичного политика, много и охотно общался с прессой. Впервые в истории Пятой республики образ главы государства создавался с помощью масс-медиа. Однако к концу президентского срока, как вспоминали респонденты, бесконечные выступления президента надоели, его тон стал «менторским», «французы от него устали».

Миттеран не был медийным политиком, но не менее своего предшественника понимал, какую роль коммуникация играет в политической жизни. Он выработал стиль, который и сегодня остается образцом для многих французских политиков. *«Когда Миттеран выступал, – вспоминает респондент, – его слушали все, независимо от политических симпатий. Французам было ясно: перед ними человек, обладающий огромными знаниями и большой культурой».*

Говоря о Шираке, респонденты вспоминали о его подчеркнутой простоте и красноречии: *«Он часами мог*

общаться с народом, создавая впечатление у слушателей, что он – их друг. В этом была невероятная сила Ширака». А аналитики подчеркивают, что Ширак обладал невероятной внутренней силой и способностью убеждать, особенно в ходе избирательной кампании (Duhamel, 2014, p. 158).

В последние два десятилетия средства коммуникации диверсифицировались, появился Интернет, получили развитие социальные сети. В начале нового тысячелетия политика все теснее сближалась с медиа, превращаясь в медиаполитику. Наиболее медиатизированным президентом Франции в 2000-е годы стал Н. Саркози. Будучи министром, он установил доверительные отношения с журналистским сообществом. Журналистов привлекали открытость Саркози, его прирожденный дар импровизации. Лидерство политика создавалось при свете софитов. Однако, став президентом, Саркози не нашел нужной тональности в общении с журналистами. Представителей журналистского сообщества шокировали откровения главы государства относительно его личной жизни, его привычки и окружение.

Олланд в сфере коммуникации стремился дистанцироваться от своего предшественника: не хотел постоянно мелькать в новостных передачах, зато стал первым президентом Пятой республики, который стал присутствовать в социальных сетях. В годы правления Олланда актуальными стали слова де Голля о «тайне», которая должна окружать руководителя. В начале своего президентства глава государства оказался в центре сканда-

лов. Сначала он поселил в Елисейском дворце гражданскую жену, позже журналисты раскрыли любовную связь президента. Вся страна увидела фотографии, на которых глава государства на скутере тайно едет к любовнице. Желая быть главой «образцовой республики», президент широко открыл телевизионщикам доступ в свою резиденцию. В отношениях с медиа-сообществом он явно перешел «красную черту». Настоящей сенсацией стала книга, основанная на интервью с президентом (Daver, Lhomme, 2016). Откровения главы государства повергли французов в шок, а для президента книга явилась тяжелым политическим ударом. В конце 2016 г. рейтинг Олланда упал до исторического минимума (10-12%)¹⁰. Неудачи в сфере коммуникации тяжело отразились не только на судьбе двух президентов, они сказались на институте президентства. Образ президентской власти потух, в начале 2017 г. 66% французов перестали доверять президентской власти¹¹.

В 2017 г. главой государства был избран Эмманюэль Макрон. Он провел яркую избирательную кампанию. Молодой политик излучал оптимизм, уверенность, постоянно появлялся на публике и присутствовал в социальных сетях. Складывается ощущение, что прежде чем стать президентом Франции Макрон проштудировал книгу де Голля об авторитете. Запомнилось первое появление президента на публике после оглашения результатов выборов. Мизансцена была до малейших деталей продумана: вечер, исторический двор Лувра, проектора, толпы народа, глава государ-

¹⁰ Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017 . URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (Accessed: 27.12.2016).

¹¹ Baromètre de la confiance politique. Vague 8. Janvier 2017. URL : <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague8/> (Accessed: 25.01.2017).

ства в одиночестве проходит к трибуне. Он сосредоточен, величествен и, кажется, уже ощущает на себе весь груз ответственности. Позже стало ясно, что глава государства любит торжественные выходы: встреча Макрона с российским президентом В.В. Путиным происходила в Версале; с американским президентом он встречался во время празднования Дня взятия Бастилии. Запомнилось выступление французского президента в Афинах на фоне Акрополя, где он предстал в образе «европейского Демосфена».

В отношениях с журналистами президент сохраняет дистанцию. Помещение в Елисейском дворце, где обычно располагались представители медиа-сообщества, сегодня пустует. В зарубежные поездки он приглашает приближенных журналистов, что в медиа-среде уже вызвало ропот и недовольство. Президент не дает интервью, стремится избегать непредсказуемых ситуаций. Своему ближайшему окружению, членам кабинета министров Макрон предписал сдержанность; интервью министров публикуются после одобрения свыше. Президент предпочитает общаться с внешним миром посредством видеоряда: фотографий и трансляций с официальных встреч, формат которых строго регламентирован.

До недавних пор легитимация власти во Франции, т.е. придание ей законности с точки зрения населения, осуществлялась благодаря демократическим процедурам (голосованию в ходе выборов и референдумов). С начала 2000-х годов все большую роль в легитимации политика играет коммуникация. В прошлом о политике судили по результатам его деятельности, сегодня по тому, насколько он привлекателен, умеет выстраивать контакт с аудиторией/избирателями. Стремление быть в центре внимания, поддерживать ин-

терес к собственной персоне сыграли злую шутку с двумя последними президентами. Они оказались неуспешными не столько потому что их политика была ошибочной, но потому что допустили серьезные коммуникационные просчеты.

Заключение

В 2018 г. Пятая республика отметит свой шестидесятилетний юбилей. За годы ее существования сменилось несколько поколений политической элиты. Во времена де Голля на место «Республики депутатов» (IV Республика) пришла «Республика государственных служащих» (Birnbau, 1994, p. 66). Изменилась логика назначений в системе исполнительной власти, сформировался новый тип политической карьеры: высшие государственные служащие, прежде никогда не занимавшиеся политикой, приглашались на работу в исполнительную власть. Следующая волна обновления пришлась на годы правления Ф. Миттерана. Децентрализация расширила ряды политической элиты, упрочила позиции местной элиты. Политические партии превратились в эффективный механизм рекрутирования элитных кадров. На смену «Республике государственных служащих» пришла «Республика партийных аппаратчиков».

В 2017 г. избран восьмой президент Французской республики. Восемь президентов – это разные характеры и политические судьбы, разные типы лидерства. Лидер, напомним, – это политик, у которого есть общественно-политический проект, качества, необходимые для его осуществления и поддержка общества. Не все президенты – лидеры. Несомненными лидерами были Ш. де Голль, Ж. Помпиду, В. Жискард д'Эстен, Ф. Миттеран. Из них де Голль –

единственный, кому удалось осуществить свою программу, выстроить новый политический режим и создать институты, которые действуют до сегодняшнего дня. Помпиду обладал всеми качествами, чтобы стать лидером. Он укрепил институты Пятой республики, заложил основы современной французской экономики. Но на протяжении всего своего президентства он оставался в тени де Голля. В. Жискара д'Эстен пришел к власти под знаком обновления. При нем французское общество модернизировалось, однако экономический кризис не позволил ему завершить преобразования.

Ф. Миттеран вошел в историю как второй после Л. Блюма социалист, которому удалось привести социалистическую партию к власти. Руководитель ФСП обещал реформировать политические институты. Однако, став президентом, он сохранил все prerogatives президентской власти. Вспоминается его фраза: «Эта конституция была написана не для меня, но она мне подходит». Миттеран не только хорошо чувствовал себя в статусе президента, он окружил себя *«ореолом величия»*. Современники называли его «монархом», однопартийцы – «князем», а участники интервью вспоминали о нем как о *«последнем великом президенте Пятой республики»*. Однако обещание «изменить жизнь», которое лидер социалистов сформулировал накануне прихода к власти, реализовано не было. На практике правление левых начиная с 1983 г. мало чем отличалось от правления правых. Разочарование в политике социалистов заложило основы кризиса политического лидерства, который подогревался разочарованием в конкретных политиках и коррупционными скандалами на верхних этажах власти.

В годы правления Ж. Ширака президентский мандат был сокращен с се-

ми до пяти лет. Реформа привела к сосредоточению властных полномочий в руках главы государства. С начала 2000-х годов во Франции вся политическая жизнь концентрируется вокруг президентских выборов. Респонденты вспоминали о Шираке как о *«дружелюбном человеке»*, притягивавшим к себе людей. Но тот, «кто хочет власти, – поговаривал Миттеран, – должен заковать себя в броню». Шираку пришлось столкнуться с жестокими предательствами людей «ближнего круга». Два его президентских срока были омрачены судебными разбирательствами, связанными с незаконным финансированием партии и использованием фиктивных рабочих мест в те времена, когда он был мэром Парижа.

В новом столетии кризис политического лидерства нарастал. Н. Саркози пришел к власти под лозунгом «разрыва с прошлым». Он разработал обширную программу реформ, намеревался изменить режим Пятой Республики. Ограниченный рамками пятилетнего срока, президент спешил, стремился делать все сам, за что получил прозвище «гиперпрезидент». Стилль лидерства Саркози – поспешный, стремительный, отношение к людям, с которыми работал – высокомерное. Премьер-министра Ф. Фийона он пренебрежительно называл своим «сотрудником». Кризис политического лидерства в годы президентства Саркози усилился. На имидже президента сказались политические скандалы, слишком тесные контакты с деловым миром, склонность к «щегольству» (Рубинский, 2011, с. 47).

До избрания президентом Ф. Олландом был накоплен большой опыт партийной работы. Однако умения достигать компромиссов недостаточно, чтобы управлять государством. Не имеющий опыта государственного управления, глава государства окру-

жил себя друзьями. Он хотел стать «нормальным» президентом, но институциональная система во Франции крепка, а персональной воли главы государства недостаточно, чтобы изменить действующий порядок. В результате во Франции возникла ситуация, когда главе государства так и не удалось порвать со «сверхпрезидентством» (Матье, 2014). В годы правления Олланда кризис политического лидерства достиг высшей точки. Саркози французы ненавидели, пишет руководитель Французского института изучения общественного мнения Б. Тентюрье, над Олландом они откровенно смеялись (Teinturier, 2017, p. 29). Президентство Олланда отчетливо продемонстрировало: невыполненные обещания особенно невыносимы, когда глава государства не в состоянии с достоинством выполнять президентскую функцию.

За первые месяцы президентства Макрон заявил о себе как динамичный политик. Ему многое удалось. На парламентских выборах его партия одержала убедительную победу. В международной политике президент стремится вернуть Франции статус великой державы. В отношении институтов Пятой республики складывается ощущение, что Макрон, как и Миттеран, может сказать, что они его устраивают. И в этом отношении вряд ли Пятая республика – «республиканская монархия», как ее называл М. Дюверже, радикально изменится при новом президенте.

Инициативы главы государства притягивают к себе внимание. Некоторые эксперты склоняются к мнению,

что Макрон – руководитель авторитарного типа¹². При этом ссылаются на его стиль, поведение, решения, в том числе намерение реформировать трудовое законодательство в форме указов. Неприятно поразили слова главы государства о том, что французы, выступающие против нового трудового законодательства – «бездельники», а рабочие из Бретани – «неграмотные» люди. В них слышалось высокомерное отношение представителя элиты к простому народу. Вместе с тем политики, встречавшиеся с Макроном, когда он был министром экономики, отмечают его способность к диалогу, умение выслушивать мнение, отличающееся от его собственного, объяснять свое решение.

В СМИ Макрон почти с самого начала президентства получил прозвище «монарха» и «Цезаря», его часто изображают в виде Юпитера-громовержца, сидящего на троне с молнией в руке. Одновременно аналитики задаются вопросом: не станет ли Макрон очередным «неудачным» французским президентом, если учесть снижающуюся популярность главы государства¹³? Четыре месяца спустя после избрания, рейтинг Макрона снизился, его деятельность одобряли 40% французов¹⁴. Но не будем забывать, что общественные настроения неустойчивы, а результаты опросов не всегда точны. У президента в запасе есть четыре с половиной года. И то, как будут складываться его отношения с обществом и элитами, во многом будет зависеть от успешности его политики, коммуникационной стратегии и типа лидерства, который он сформирует.

12 Рэйнбой М. Макрон: медовый месяц закончился. URL: <http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/makron-medovyi-mesjac-zakonchilsja-341/> (Accessed: 2.09.2017).

13 *New-York Times*. 7.09. 2017.

14 *La Tribune*. 27.08.2017.

Список литературы

Вебер М. (1994). Социология религии. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист. 78-309

Голль де Ш. (2006). *На острие шпаги*. М.: Европа. 240.

Жискар д'Эстен В. (1990). *Власть и жизнь*. М.: Международные отношения. 319.

Карпенко К.В. (2016). Президент Французской Республики. Орлов А.Г., Славкина Н.А. (ред.). *Глава государства в зарубежных странах*. М.: МГИМО-Университет. 89-131.

Кастельс М. (2016). *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 564.

Матье Б. (2014). Место президента республики во французской институциональной системе: от текста к практике. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. (ред.). *Политические институты России и Франции: Традиции и современность: сборник научных трудов*. М.: ИНИОН РАН. 113-127.

Молчанов Н.Н. (2011). *Неизвестный де Голль: последний великий француз*. М.: Эксмо. 448.

Рубинский Ю.И. (2011). *Франция. Время Саркози*. М.: Международные отношения. 317.

Хартманн М. (2012). Модели образования элит в Европе. Дуки А.В. (ред.). *Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»*. СПб.: Интерсоцис. 10-39.

Attali J. (2016). *C'était François Mitterrand*. Paris: Pluriel. 448.

Behr V., Michon S. (2014). Les facteurs sociaux des carrières politiques des femmes ministres: Une féminisation en trompe-l'œil. *Genèses*, (96). 132-156.

Birnbaum P. (1994). *Les sommets de*

l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France. Paris. 210.

Bourricaud Fr. (1953). La sociologie du «leadership» et son application à la théorie politique. *Revue française de science politique*, 3 (3). 445-470.

Chapsal J. (1981). *La vie politique sous la V-e République*. Paris: PUF. 708.

Daver G., Lhomme F. (2016). *Un président ne devrait pas dire ça*. Paris: Stock. 635.

Duhamel A. (2014). *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon. 330.

Gaulle de Ch. (1999). *Les Mémoires de guerre, 1940-1941*. Paris: Plon. 443.

Giesbert F.-O. (1996). *Le vieil homme et la mort*. Paris: Gallimard. 161.

Lacouture J. (1998). *Mitterrand. Une histoire de Français. Tome 1*. Paris: Seuil. 515.

Mitterrand F., Banamou G.-M. (1996). *Mémoires interrompues*. Paris: Odile Jacob. 246.

Mitterrand F. (1964). *Le coup d'Etat permanent*. Paris: Plon. 285.

Rouban L. (2011). Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007. *Les Cahiers du CEVIPOF*, (5). 98.

Tinturier B. (2017). *Plus rien à faire, plus rien à foutre*. Paris: Robert Laffont. 190.

References

Attali J. (2016). *C'était François Mitterrand*. Paris: Pluriel. 448.

Behr V., Michon S. (2014). Les facteurs sociaux des carrières politiques des femmes ministres: Une féminisation en trompe-l'œil. *Genèses*, (96). 132-156.

Birnbaum P. (1994). *Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France*. Paris. 210.

Bourricaud Fr. (1953). La sociologie du «leadership» et son application à la théorie politique. *Revue française de science politique*, 3 (3). 445-470.

Chapsal J. (1981). *La vie politique sous la V-e République*. Paris: PUF. 708.

Daver G., Lhomme F. (2016). *Un président ne devrait pas dire ça*. Paris: Stock. 635.

Duhamel A. (2014). *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon. 330.

Gaulle de Ch. (1999). *Les Mémoires de guerre, 1940-1941*. Paris: Plon. 443.

Gaulle de Ch. (2006). *On a sword edge*. Moskva: Evropa. 240.

Giesbert F.-O. (1996). *Le vieil homme et la mort*. Paris: Gallimard. 161.

Giscard d'Estaing V. (1990). *Power and life*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 319.

Hartmann M. (2012). Models of education of elite in Europe. Duki A.V. (ed.). *Power structures and groups of domination: Materials of the tenth All-Russian seminar "Sociological problems of institutes of the power in the conditions of the Russian transformation"*. Sankt-Petersburg.: Intersotsis. 10-39

Karpenko K.V. (2016). President of French Republic. Orlov A.G., Slavkina N.A. (eds.). *Head of the State in the Foreign Countries*. Moskva: MGIMO-Universitet. 89-131.

Kastel's M. (2016). *Communication power*. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. 564.

Lacouture J. (1998). *Mitterrand. Une histoire de Français. Tome 1*. Paris: Seuil. 515.

Mat'e B. (2014). The Place of President in French Institutional System: From Text to Practice. Efremenko D.V., Lapina N.Yu. (eds.). *Political institutes of Russia and France: Traditions and present*. Moskva: INION RAN. 113-127.

Mitterrand F. (1964). *Le coup d'Etat permanent*. Paris: Plon. 285.

Mitterrand F., Banamou G.-M. (1996). *Mémoires interrompues*. Paris: Odile Jacob. 246.

Molchanov N.N. (2011). *Unknown de Gaulle: last great Frenchman*. Moskva: Eksmo. 448.

Rouban L. (2011). Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007. *Les Cahiers du CEVIPOF*, (5). 98.

Rubinskii Yu.I. (2011). *France. Sarkozy's time*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 317.

Teinturier B. (2017). *Plus rien à faire, plus rien à foutre*. Paris: Robert Laffont. 190.

Weber M. (1994). Sociology of religion. *Selected works. Image of society*. Moskva: Yurist. 78-309.

Информация об авторе

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Отдел глобальных проблем, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
lapina_n@mail.ru

About the Author

Natalia Yu. Lapina, Doctor of Political Sciences, Senior Researcher, Department of Global Problem, Institute of Scientific Information of Russian Academy

51/21, pr. Nakhimovsky, Moscow, Russian Federation, 117997
lapina_n@mail.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-82-97

Сергей Маркович ХЕНКИН

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454,
Российская Федерация
sergkhenkin@mail.ru

Монархия и переход к демократии в Испании

АННОТАЦИЯ. В 1970-е годы испанская монархия в лице короля Хуана Карлоса I выступила в неожиданной роли инициатора радикальных социальных перемен. Хуан Карлос, внук короля Альфонсо XIII, свергнутого в 1931 г., воспитывался Франко. После смерти каудильо в ноябре 1975 г. он занял пост главы государства. Первоначально король, разделявший либеральные взгляды, оказался в очень сложной ситуации. В нем видели наследника Франко, он был лишен демократической и династической легитимности. Хуану Карлосу удалось добиться назначения на ключевые управленческие посты своих доверенных лиц – Т.Фернандеса-Миранду и А.Суареса, которые, осуществив ряд реформ, демонтировали авторитарный франкистский режим и привели страну к демократии. Сам король, оставаясь за кулисами, выступал как арбитр, «мотор» и покровитель процесса перемен. В испанском обществе на смену индифферентному и даже негативному отношению к монархии пришла уверенность в нужности и полезности этого института. К сожалению, в последние годы царствования Хуана Карлоса его популярность резко снизилась из-за коррупционных скандалов в королевской семье. Однако давая общую оценку роли Хуана Карлоса в испанской истории, на первое место следует ста-

вить его заслуги, а не промахи. Испанцы в свое время приняли монархию, потому что их покорила король, а не монархия как институт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Испания, монархия, Хуан Карлос, франкизм, переход к демократии, легитимность, правопреимство, республика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хенкин С.М. (2017). Монархия и переход к демократии в Испании. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 82-97. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-82-97

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-82-97

Sergey M. KHENKIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergkhenkin@mail.ru

The Monarchy and the Transition to Democracy in Spain

ABSTRACT. *In the 1970s, the Spanish monarchy, represented by King Juan Carlos I, appeared in an unexpected role of the initiator of radical social change. Juan Carlos, the grandson of King Alfonso XIII, deposed in 1931, was brought up by Franco. After the death of Caudillo in November 1975, he assumed the post of head of state. Initially, the king, who shared liberal views, was in a very difficult situation. He was considered as a heir of Franco, he was deprived of democratic and dynastic legitimacy. Juan Carlos managed to appoint his trustees – T. Fernandez-Miranda and A. Souares to key government posts. They had carried out a number of reforms and as a result dismantled the authoritarian Franco regime and led the country to democracy. The king himself, remaining behind the scenes, acted as an arbiter, a “motor” and patron of the process of changes. In Spanish society, the indifference and even the negative attitude towards the monarchy was replaced by confidence in the necessity and usefulness of this institution. Unfortunately, in the last years of the reign of Juan Carlos, his popularity fell sharply due to corruption scandals in the royal family. However, giving an overall assessment of the role of Juan Carlos in Spanish history, the first place should be given to his services, not mistakes. The Spaniards at one time adopted a monarchy, because they were subdued by the king, and not by the monarchy as an institution.*

KEYWORDS: *Spain, monarchy, Juan Carlos, Francoism, transition to democracy, legitimacy, succession, republic*

FOR CITATION: Khenkin S.M. (2017). The Monarchy and the Transition to Democracy in Spain. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 82-97. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-82-97

Монархический строй призван гарантировать стабильность. В странах Западной Европы короли, как правило, выполняют представительские функции, обеспечивая сохранение устоев и преемственность развития.

Испания 1970-х годов стала исключением из общего правила. Когда в середине 70-х годов в этой стране распалась «связь времен» и возникла неопределенность по поводу государственного устройства и перспектив развития вообще, именно монархия в лице короля Хуана Карлоса I превратилась в основную движущую силу радикальных перемен. Впервые в истории этой страны представитель королевской семьи ориентировался не на сохранение статус-кво, а пошел наперекор традициям и при поддержке народа и основных партий ликвидировал диктаторский франкистский режим. Испанский опыт расширил горизонты представлений о возможностях современной мо-

нархии, доказав, что она способна становиться и движущей силой демократических реформ, и пресекать попытки авторитаризма, и превращаться из реального участника политической борьбы в арбитра (и наоборот).

Монархия в истории Испании

Исторически монархия в Испании была не просто формой правления. Ее невозможно отделить от национальной культуры, традиций страны. По существу, на протяжении веков слова «Испания» и «монархия» стали синонимами. В многонациональной стране, сохранявшей ярко выраженные региональные особенности, монархия была постоянным и устойчивым институтом, скреплявшим ее, гарантировавшим преемственность развития, оберегавшем хозяйственные устои и моральные ценности.

На испанском королевском троне и в догабсбургский период, и в период правления династии Габсбургов (1516-1700 гг.), и при Бурбонах (с 1700 г.) сменилось множество королей – и ярких, и посредственных. Но независимо от их способностей к управлению и личных качеств престиж монархии как института всегда был исключительно высок. Восстания и другие выступления социального протеста проходили в Испании под возгласы: «Да здравствуют короли! Долой плохих министров!». Духовной основой монархического строя был католицизм. Национальное единство испанцев выражалось древним девизом – «Бог, родина, король»¹.

В XIX – начале XX в. монархическая легитимность в Испании вступила в полосу острого кризиса. Совокупность

разнородных факторов – развитие капиталистических отношений и развертывание либерального и рабочего движения, фаворитизм, коррупция и разложение при дворе королей из династии Бурбонов, влияние Великой французской революции, свергнувшей королевский абсолютизм, – все это привело к тому, что монархическая власть в Испании зачастую становилась объектом критики, многие движения социального протеста направлялись непосредственно против трона. Страна превратилась в арену хронической нестабильности, политических потрясений.

Монархия не только не сумела обеспечить общественной стабильности, но и сама зачастую выступала фактором дестабилизации. Отчетливо выявился узкосословный характер власти Бурбонов, ориентированной на защиту интересов короны и связанных с ней групп элиты. Страна переживала идентификационный кризис, сильный толчок которому дало поражение в испано-американской войне 1898 г., сопровождавшейся потерей последних заморских владений, резким ослаблением внешнеполитических позиций и превращением некогда могущественной колониальной империи в государство второго ранга.

В ходе кризиса два раза разрывалась «монархическая постепенность». Впервые это произошло в 1873 г. В условиях образовавшегося вакуума власти Испания была провозглашена республикой (она просуществовала 11 месяцев) (История Европы..., 2000, с. 445-446).

Во второй раз разрыв «монархической постепенности» произошел в апреле 1931 г. Монархию дискредитировала политика генерала Примо де

¹ Подробнее см.: (Хенкин, 2001, с. 6-8).

Риверы, захватившего власть в результате военного переворота в сентябре 1923 г. и установившего свою диктатуру. Король Альфонсо XIII, хотя и нес ответственности за переворот, смирился с авторитарным правлением военных (Престон, 1999, с. 43). В Испании распространялись республиканские настроения. С республикой связывались надежды, порой утопические, на наступление «новой эры», которая восстановит стабильность и принесет избавление от трудностей и тягот.

12 апреля состоялись муниципальные выборы, на которых почти во всех крупных и средних городах победили сторонники республики. Выборы приобрели характер плебисцита. 14 апреля была провозглашена республика. Король Альфонсо XIII покинул страну. При этом он не отрекся от престола, надеясь, что ситуация изменится и его попросят вернуться (Престон, 1999, с. 65).

«Вторая республика» не только не сумела преодолеть идентификационный кризис, но еще больше углубила его. Республика была встречена в штыки влиятельными группами испанского истеблишмента. Она воспринималась как покушение на национальную идентичность, самую суть «испанскости». За конфликтом «монархия – республика» стоял фронтальный раскол испанского общества на два враждебных лагеря. В обществе, где понятия о либеральной демократии только начали формироваться, конфликт «двух Испаний» вылился в форму кровопролитной гражданской войны 1936–1939 гг. Монархисты активно участвовали в ней на стороне генерала Франко, возглавлявшего мятеж против республики. С его победой связывались надежды (подпитывавшиеся самим Франко) на скорое возрождение в Испании монархии.

Однако каудильо этого не сделал. Он создал собственную политико-пра-

вовую систему, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти. При этом вопрос о форме правления в Испании долгое время (1939–1947 гг.) оставался открытым. В 1943–1945 гг. в условиях военных поражений фашистской Германии и Италии, поддерживавших франкистский режим, монархисты усилили давление на каудильо, требуя восстановить традиционную монархию.

В лагере монархистов (точнее, альфонсистов, поскольку существовало еще и соперничающее с ними карлистское крыло) произошли изменения. В феврале 1941 г. умер в изгнании король Альфонсо XIII. Права на престол он завещал своему младшему сыну – дону Хуану, графу Барселонскому, отцу Хуана Карлоса (родился в 1913 г.).

Отношения между законным наследником престола доном Хуаном и Франко были сложными. После войны граф Барселонский отмежевался от франкистского режима как противоположного традициям испанского народа, рекомендовал своим сторонникам прекратить сотрудничество с ним и призвал восстановить в Испании традиционную монархию в собственном лице (Ferrando Badia, 1979, p.30).

Публичные заявления дона Хуана оживили промонархические настроения в Испании. Учитывая это обстоятельство и вместе с тем понимая важность обновления фасада своего режима в послевоенном мире, Франко пришел к выводу о необходимости восстановления института монархии. 7 июня 1947 г. в соответствии с законом «О наследовании поста Главы государства» Испания была провозглашена королевством.

Это закон был вынесен на референдум, состоявшийся 6 июля 1947 г. В его преддверии власти развернули энергичную пропагандистскую кампанию, убеждая испанцев сказать «да», если

они католики и не хотят видеть свое отечество в руках коммунистов и предать память погибших за дело националистов в гражданской войне. Результаты голосования были следующими: за – 14,1 млн. (93%), «нет» – 723 тыс. (4,7%), еще 352 тыс. (2,3%) оставили пустые и испорченные бюллетени. 1,9 млн. испанцев, в основном жители крупных городов, не пришли к избирательным урнам (Престон, 1999, с. 432). По различным оценкам, выборы сопровождались фальсификациями.

Возрожденная монархия выглядела не как продолжение исторической традиции, а как детище Франко, порождение 18 июля 1936 г., когда начался мятеж против республики. Диктатор исключил из процесса престолонаследия прямого наследника – дон Хуана, порвал с королевским домом Бурбонов. Это была своего рода «кооптированная» монархия. Существенно и то, что Испания становилась «королевством без короля». Согласно закону «О наследовании поста Главы государства» только сам Франко мог в любое время назначать короля или регент.

Дон Хуан подверг закон резкой критике, заявив, что, разрывая с наследием Бурбонов, он ставит целью изменить природу испанской монархии. Это, как и предшествующие заявления графа Барселонского, исключило для него возможность стать преемником каудильо. Однако у дон Хуана был старший сын Хуан Карлос. И именно на нем, думая о преемнике, Франко остановил свой выбор.

Хуан Карлос: путь к власти в контексте менявшихся испанских реалий

25 августа 1948 г. каудильо пригласил графа Барселонского на свою яхту «Асор» в Бискайском заливе. Во вре-

мя этой исторической встречи Франко ясно дал понять, что предпочитает, чтобы в будущем монархом стал 10-летний сын дон Хуана Хуан Карлос. Графу Барселонскому было предложено послать сына на воспитание в Мадрид. Диктатор стремился сформировать преданного ему и его идеям кандидата на вакантный королевский трон, которому в будущем можно было бы безбоязненно доверить управление государством. Дон Хуан принял это предложение.

Обучение Хуана Карлоса в Испании проходило под контролем Франко. Привязавшись к нему, каудильо вместе с тем долго тянул с решением о наследнике, отчасти, видимо, потому что не хотел мириться с мыслью о неизбежности своего ухода от власти. Более того, он поощрял появление новых кандидатов (Престон, 1999, с. 547).

Только в 1969 г. было принято окончательное решение. 22 июля в Кортесах Хуан Карлос был приведен к присяге как преемник главы государства в ранге короля. Следует заметить, что Франко присвоил ему титул не принца Астурии, традиционный для наследника трона, а принца Испании. Тем самым нарушалась преемственность линии Бурбонов. Каудильо в очередной раз подчеркнул, что новая монархия – это его монархия, уходящая корнями в 18 июля 1936 г. По существу, каудильо построил монархию и будущего короля в систему франкистской государственности, развивая последнюю, но не меняя ее сути. Монархия растворялась в политической системе режима, утрачивая всякое самостоятельное значение. Будущее, однако, по мысли Франко, было за Бурбонами, которые должны были продолжать его дело. Политической основой преемственности власти, задуманной диктатором, становилась присяга, принесенная Хуаном Карлосом.

ном Карлосом франкистским Основным законом².

Решение Франко вопроса о престолонаследии происходило на фоне глубоких социально-экономических и политических сдвигов, сопровождавшихся ростом демократических настроений в испанском обществе. В конце 50-х годов, когда экономическая стагнация начала угрожать стабильности режима, диктатура встала на путь самокоррекции, обратившись к помощи технократов и отказавшись от бесперспективной двадцатилетней политики автаркии. Переход к более открытой хозяйственной системе сделал возможным «экономическое чудо» 60-70-х годов, превративших отсталую аграрно-индустриальную Испанию в индустриально-аграрную страну. В годы бума резко улучшилось имущественное положение населения. Испанцы одного поколения пережили казавшийся невероятным переход от тяжелой нищеты первых послевоенных лет к относительно материальному благополучию. В стране сформировался многочисленный средний класс. Активизация экономических связей с Европой, рост туризма сопровождались усвоением европейских норм и стандартов поведения, секуляризацией общественного сознания. Значительные слои населения начали противопоставлять франкизм представительной демократии. Социально-политическая жизнь в Испании забурилась, начало формироваться гражданское общество, подтачивавшее устои диктатуры. Стало очевидно, что франкизму не удалось преодолеть хронический для Испании XIX вв.

идентификационный кризис. Фиктивное согласие («квазиконсенсус»), сложившееся в 40-50-е годы благодаря террору, демагогии и определенным уступкам населению, на глазах разрушалось³.

В центре общественных дискуссий стоял вопрос: «Что после Франко?». Среди части интеллигенции, авторитетных общественных деятелей распространялось убеждение, что единственно возможная альтернатива – это монархия. Сторонниками данной точки зрения были не только монархисты по убеждению, но и монархисты «по расчету» (зачастую республиканцы, увидевшие в монархии наиболее приемлемый вариант государственного устройства).

Обосновывая эти взгляды, испанский философ Х.Л. Арангурен писал, что монархия создаст «прочный барьер против коммунизма и против анархии». Кроме того, власть монарха – единственное средство, способное избавить страну от опасности милитаризма, традиционного вмешательства армии в политическую жизнь, и в то же время гарантирующее сохранение общественного порядка. «Монархия, – писал философ, – это реальная возможность преодолеть дух гражданской войны. Тот факт, что этот институт стоит как бы «над схваткой», может иметь очень большое значение» (Aranguren, 1974, p. 64-65).

Своеобразие ситуации в Испании Х.Л. Арангурен видел в том, что из-за огромного политического влияния правых сил гипотетическая правая республика будет вынуждена ориентироваться на них и неизбежно превра-

2 Дон Хуан, узнав о решении сына занять королевский трон, считал себя обманутым. В течение долгого времени он был холоден к Хуану Карлосу, в королевском доме Бурбонов существовал конфликт. Принц оправдывал свою позицию перед графом Барселонским тем, что только так можно восстановить монархию в Испании. Лишь спустя много лет дон Хуан найдет в себе силы разделить это убеждение.

3 Подробнее см.: (Хенкин, 2002, с. 171-173).

тится в «консервативную республику». Монархия же, полагал он, сможет осуществить реальную демократизацию. «Только правые способны выполнить программу левых. Теоретически монархии будет легче, чем республике, осуществить программу левых» (Aranguren, 1974, p. 66). Надо сказать, что в Испании возможность установления республиканской формы правления в это время широко не обсуждалась. Переход к ней был маловероятен, поскольку после опыта 30-х годов республика ассоциировалась в массовом сознании с насилием, хаосом, анархией.

Восприятие института монархии было сдержанным, порой критическим. По словам Х.Л. Арангурена, институт монархии «не пробуждал в народе никакого энтузиазма. Рабочие не проявляли к этой проблеме никакого интереса, рассматривая ее как игру в гольф и бридж – развлечения «барчуков» (Aranguren, 1974, p. 51, 61-62). Во многом такое восприятие определялось тем, что большинство населения страны не жило при Бурбонах. В середине 70-х годов о традиционной монархии как о пережитой реальности помнили лишь те испанцы, которые были старше 50 лет. Людей интересовала не столько форма послефранкистского правления, сколько характер будущего режима, перспективы решения насущных социально-экономических проблем.

Индифферентно-критическое отношение к институту монархии усугублялось тогдашним восприятием фигуры Хуана Карлоса. Видя принца рядом с Франко с зачастую бесстрастным и отстраненным выражением лица, многие испанцы считали его пустым и недалеким человеком, верным последователем каудильо, его марионеткой, лишенным в «кооптированной» монархии Франко династической легитимности. Над ним посмеивались, по его поводу рассказывали анекдоты. Мало кто

знал тогда об истинном потенциале будущего главы государства. Между тем, поддерживая корректные отношения с истеблишментом, Хуан Карлос оставался непроницаемым для его идейного влияния. Всю жизнь он преклонялся перед своим отцом, либеральные взгляды которого разделял. Однако окружающая действительность заставляла его скрывать свои взгляды. Много позже король говорил, что «в течение двадцати лет должен был изображать слабоумного, что было нелегко, но, бесспорно, удалось, потому все в это поверили» (Villalonga, 1993, p.146).

Не удивительно поэтому, что после смерти Франко, последовавшей 20 ноября 1975 г., новый глава государства оказался в очень сложной ситуации.

Демонтаж франкистской диктатуры

22 ноября 1975 г. принц был приведен к присяге и провозглашен королем Испании под именем Хуан Карлос I. Формула присяги гласила: «Клянусь Богом и на Евангелии исполнять основные законы королевства и всемерно заботиться об их исполнении» (Бернекер, 1998, с. 433).

Новый глава государства встал перед выбором. Франкистский режим со смертью своего основателя отнюдь не начал разваливаться. Он еще обладал некоторым запасом прочности, опирался на мощный военно-репрессивный аппарат. Демократическое движение, добившись определенных успехов, тем не менее не стало общенародным, способным смести диктатуру. Объяснение этому следует искать и в жестоких репрессиях первых лет франкизма, оставивших после себя «зияющие пустоты» в рабочих организациях, и в аполитичности масс, насаждавшейся режимом, и в социально-психологиче-

ских последствиях промышленного бума, в частности, массовом распространении конформистских настроений. Вместе с тем налицо был серьезный кризис франкизма, потерявший поддержку своей прежней опоры – влиятельных кругов политической и экономической элиты и церковной олигархии. Конечно, король мог придать режиму форму абсолютной монархии по образцу существующих в ряде стран Азии. Но было ясно, что Хуан Карлос, не обладавший ни династической, ни демократической, ни тем более харизматической легитимностью не сможет упрочить позиции монархии, сохранив статус-кво.

В своем первом выступлении в Кортесах Хуан Карлос, призвав испанцев покончить с разногласиями и достичь «эффективного согласия, основанного на национальном примирении», заявил о намерении стать «королем всех испанцев» (Prego, 1997, p. 433). Король с полной очевидностью продемонстрировал стремление преодолеть раскол нации на два враждебных лагеря, порожденный братоубийственной гражданской войной и занять надпартийную позицию.

Представители демократической оппозиции в своем большинстве продолжали не верить в то, что авторитарная монархия способна самотрансформироваться и встать на путь демократизации политической жизни Испании. Нередко это неверие подкреплялось негативным отношением к институту монархии вообще, а также догматическим республиканизмом – наследием прошлого.

Между тем Хуана Карлос уже в это время ориентировался на демократизацию политической жизни Испании и, соответственно, обретение демократической легитимности. При этом он был сторонником эволюционного пути развития, отказавшись от распространен-

ной в то время идеи «демократического разрыва» с франкизмом, потенциально чреватого хаосом и беспорядками.

Казалось бы, у Хуана Карлоса было достаточно властных полномочий, перешедших по наследству от Франко, для претворения своих планов в жизнь. В соответствии с действовавшим законодательством король олицетворял собой национальный суверенитет и являлся высшим представителем нации. Без его согласия нельзя было изменять Конституцию. Чтобы инициировать реформу Основных законов, король мог обращаться к нации посредством референдума. Он назначал и снимал главу правительства и председателя Кортесов, мог председательствовать на заседаниях кабинета министров, издавать распоряжения в ранге законов, санкционировать законы-декреты, не соглашаться с обнародованием того или иного закона.

Однако реальные возможности Хуана Карлоса не соответствовали объему его властных полномочий. Дело в том, что глава государства мог принимать решения лишь с согласия и в координации с основными государственными институтами – правительством, кортесами и советом королевства (этот совещательный орган был предназначен оказывать помощь главе государства во всех наиболее важных делах и решениях, относящихся к его исключительной компетенции). В ст. 8 Органического закона (принят в 1967 г.) говорилось, что «распоряжения главы государства должны быть узаконены в зависимости от предмета рассмотрения, председателем правительства или соответствующим министром, председателем Кортесов или председателем совета королевства. Любые распоряжения, не учитывающие этого процедурного требования, теряют силу» (Ferrando Badia, 1979, p. 43). Например, глава государства мог утвердить законы лишь

при условии, что до этого они уже одобрены Кортесами. Назначить или снять главу правительства он мог лишь с согласия Совета королевства.

Таким образом, король не играл роли арбитра, он был одним из акторов на политической сцене Испании, действовавшим по уже установленным «правилам игры». Законодательство «позднего франкизма», претерпевшее значительную эволюцию по сравнению с «ранним» периодом диктатуры, существенно ограничивало возможности главы государства. Если для Франко эти ограничения носили чисто символический характер, то для Хуана Карлоса они становились осязаемыми.

Реформаторские начинания короля ограничивало то, что основные государственные институты возглавляли ортодоксальные франкистские чиновники, на поддержку которых он рассчитывать не мог. Хуан Карлос ориентировался на сочетание торга и договоренностей с франкистами с «выдавливанием» их из властных структур. По существу, взяв курс на преобразование политической системы франкизма изнутри, король предпринял рискованный эксперимент, предсказать исход которого было невозможно.

Хуан Карлос начал реформы с обновления руководства ведущих структур, прежде всего поста председателя кортесов и совета королевства (ими по франкистским законам руководило одно и то же лицо). Прежде всего путем сложных переговоров он сумел добиться от совета королевства согласия на назначение на пост его председателя профессора политического права Торкуато Фернандеса-Миранды, который в годы учебы будущего короля был его учителем и наставником. Король ценил его за глубокие знания и блестящий ум.

Затем Хуан Карлос очистил кабинет министров от ортодоксальных франкистов. В июле 1976 г. он добился на-

значения председателем правительства Адольфо Суареса (в предыдущем составе кабинета министров последний был министром-генеральным секретарем франкистского «Национального движения»). Король последовал совету Фернандеса-Миранды, по мнению которого энергичному и амбициозному Суаресу было вполне по плечу демонтировать франкистский режим.

При поддержке короля Суарес и Фернандес-Миранда к июню 1977 г. провели реформы, ликвидировавшие ряд франкистских структур и вводившие демократические институты и нормы (ропуск франкистского «Национального движения и вертикальных профсоюзов, легализация левых партий и профсоюзов, реформа избирательной системы). Движение по пути демократизации политической системы происходило в условиях мощного сопротивления со стороны правых и ультраправых сил, стремившихся сохранить статус-кво. Проведенные реформы создали основу для легитимизации монархии Хуана Карлоса.

Ключевым звеном перехода к демократии стала конституционная реформа (ее называют также политической реформой). Король стремился демонтировать франкизм при опоре на действующие правовые институты, не нарушая нормального хода политического процесса. Еще в 1969 г. перед тем, как король присягнул на верность принципам Национального движения, Фернанде-Миранда сказал ему: «Законы обязывают, но не связывают. Они позволяют легитимно проводить реформы – переходить от одного закона к другому» (Bardavio, 1978, p. 66). Имелся в виду механизм пересмотра существующего порядка, присутствовавший во франкистском законодательстве. В ст. 10 Закона «О наследовании поста главы государства» отмечалось: «Для того, чтобы отменить или изменить Основ-

ной закон, требуется, помимо согласия кортесов, народный референдум».

В законопроекте о политической реформе, внесенном правительством в кортесы, декларировался суверенитет народа, подразумевалась ликвидация основных институтов франкизма – корпоративных кортесов и «Национального движения», избрание двухпалатного парламента на основе всеобщего, прямого и тайного голосования.

Одобрение франкистскими прокурадорами этого законопроекта, демонтирующего франкистскую государственность и создающего основы демократического строя, становилось для них «политическим характером». Казалось невозможным, что чиновники прежнего режима проголосуют за принятие закона, который положит конец и франкистским кортесам, а следовательно, и их карьере, и политической системе франкизма в целом. К тому же в соответствии с порядком работы кортесов решающую роль при обсуждении законопроектов играли парламентские комиссии. Им не устанавливался для этого определенный срок, поэтому они могли затягивать обсуждение вопроса до бесконечности. Было очевидно, что законопроект, предполагающий упразднение основных франкистских институтов, обречен: либо он вообще не выйдет из кортесов, либо будет изменен до неузнаваемости.

Фернандес-Миранда начал реформирование деятельности кортесов. Он заменил председателей комиссий, сместив с этих постов ортодоксальных франкистов, ввел режим «срочного прохождения» для определенных законопроектов. Важное значение имело и создание парламентских групп (помимо комиссий) в соответствии с идейно-политическими позициями прокурадоров. Благодаря такому членению, сторонники реформ могли действовать, опираясь на поддержку своей группы

и создавая ощутимый перевес ортодоксальными франкистами.

Эти перемены подготовили прохождение закона о политической реформе. 18 ноября 1976 г. после жарких дебатов, продолжавшихся в общей сложности 25 часов, законопроект был поставлен на голосование, результаты которого превзошли все ожидания реформаторов. 425 депутатов высказались за принятие закона, 54 – против, 13 воздержались (Palacio Atard, 1989, p. 33). Таким образом, произошло невероятное: прямой путь к демократии в Испании парадоксальным образом открыли сами франкисты.

Столь крупный успех объяснялся, разумеется, не только реформой кортесов. Сказалось и давление правительства на часть прокурадоров, сочетавшего обещания и едва прикрытые угрозы в их адрес. Намного позже, в 1984 г. А. Суарес признал, что голоса ряда прокурадоров «были куплены обещаниями в будущем влиятельных постов» (Palacio Atard, 1989, p. 117).

В соответствии с франкистским законом «О наследовании поста Главы государства» король вынес законопроект на референдум. Демократическая оппозиция оказалась перед дилеммой. Поддержать законопроект значило отказаться от ранее принятой линии на «разрыв с франкизмом» и одобрить курс правительства А. Суареса, которое осенью 1976 г. еще воспринималось многими как постфранкистское. Занять негативную позицию по отношению к законопроекту значило выступить против реформы, ведущей к установлению в стране демократии.

Делая выбор, лагерь демократических сил раскололся. Многие партии и организации одобрили законопроект, призвав население проголосовать за него. Напротив, компартия и Испанская социалистическая рабочая партия (обе тогда еще не были легализованы)

призывали бойкотировать референдум, ссылаясь, в частности, на то, что правительство ограничивается лишь обещаниями демократии, в то время как в стране отсутствуют демократические свободы и сохраняется старый механизм власти.

Большинство испанцев не поддерживали призыв КПИ и ИСРП, увидев в законе реальную возможность ликвидации политических институтов франкизма. Из общего числа участвовавших в голосовании в поддержку законопроекта высказалось 94,2%, против – лишь 2,6%. В то же время 22,6% всех избирателей бойкотировали референдум, продемонстрировав по разным причинам свое несогласие с позицией правительства (Tamames, 1977, p. XXXI).

Результаты референдума убедили оппозиционные организации, призывавшие к его бойкоту, в необходимости принять реформу, проводившуюся под эгидой Хуана Карлоса, как единственно возможный в тех условиях путь мирной ликвидации франкистского режима. Лозунг «демократического разрыва» с франкизмом был снят. Возобладала идея «согласованного разрыва», исходившая из того, что демократические реформы могут быть проведены путем переговоров и сотрудничества между оппозицией и реформистами во власти.

Получив поддержку большинства населения на референдуме, Хуан Карлос обрел демократическую легитимность, что было крайне важно в тогдашней политической ситуации. Следует подчеркнуть, что он добился своей цели, ни на йоту не отступив от существующего законодательства и создав все предпосылки для мирной трансформации франкистской легальности в демократическую.

Разумеется, в повседневной жизни испанцев переход к демократической легальности вовсе не выглядел идиллией. В 1976-77 гг. в стране существовала

ситуация юридического вакуума, когда власти в центре и на местах по своему разумению решали, применять ли им франкистское законодательство, все еще остававшееся в силе. Подобная ситуация создавала чрезвычайно сложную, запутанную обстановку. Часто случалось, что людей арестовывали и тут же освобождали, а освободив, арестовывали вновь. То, что запрещали в одном месте, разрешали в другом, а то, что разрешали в этот день, запрещали назавтра.

И все же главное состояло в том, что в этой полной противоречий ситуации реформаторам удалось сохранить контроль над положением дел в стране. Хуан Карлос выступал одновременно как «мотор» и как покровитель перехода от франкизма к представительной демократии. Борясь за создание парламентского режима с разделением властей, король стремился преодолеть франкистскую традицию единовластия. Действуя за кулисами и сохранив за собой роль арбитра, он был готов добровольно отказаться от многих своих полномочий, поделиться ими с теми с теми властными структурами, которые предстояло создать.

Успеху рискованного эксперимента, задуманного монархом, благоприятствовала позиция армии. Основная масса офицерства лояльно отнеслась к королю, верховному главнокомандующему, официальному преемнику Франко. Заручившись поддержкой широких слоев армии и высшей бюрократии, король стал для них олицетворением преемственности режима.

Особенно важным для успеха реформ – отметим это еще раз – было обретение Хуаном Карлосом легитимности демократической, поддержки широкого спектра прогрессивных сил.

Полностью узаконенным его властвование стало после обретения династической легитимности. Это случи-

лось 14 мая 1977 г, когда во дворце Сарсуэла в присутствии королевской семьи и государственного нотариуса дон Хуан официально отказался от своих прав на престол в пользу сына. Своим поступком граф Барселонский устранил существовавший многие годы династический дуализм, который пугал многих монархистов. Обретя династическую легитимность, Хуан Карлос стал прямым наследником своего деда Альфонсо XIII, свергнутого в 1931 г.

Слияние в фигуре Хуана Карлоса разных типов легитимности (по классификации Макса Вебера – традиционной, легальной и харизматической) стало символом того, что Испания восстановила правопреемство, обрела национальную идентичность. Король превратился в полюс притяжения для самых разных социально-политических сил. В решающей степени этому способствовал он сам, выступив инициатором сближения правых и левых сил Испании.

Политика национального примирения привела к окончательному преодолению раскола испанских правых и левых сил, их взаимным уступкам. Этот курс материализовался в «пактах Монклоа» – соглашении между правительством и всеми представленными в Кортесах партиями (оно действовало с октября 1977 г. по декабрь 1978 г.) «Пакты Монклоа» были компромиссом, в соответствии с которым каждая из сторон согласилась на уступки во имя достижения общих целей – стабилизации режима представительной демократии и смягчения последствий экономического кризиса середины 70-х годов. Межпартийное соглашение создало благоприятный климат для разработки демократической Конституции страны взамен франкистского законодательства. Конституция согласия, в разработке которой участвовали представители правительства и основных партий, была одо-

брена большинством голосов (87,7%) на референдуме в декабре 1978 г. Всенародное одобрение Конституции означало ратификацию его демократической легитимности Хуана Карлоса.

Благодаря Хуану Карлосу индифферентность и даже негативное отношение испанцев к монархии сменились уверенностью в ее важности и нужности. В январе 1977 г. 77% опрошенных согласились с тем, что король играет «важную или очень важную роль», а 72% придерживались мнения, что король управляет «хорошо или очень хорошо» (Palacio Atard, 1989, p. 129).

Существенно также, что деятельность короля нашла позитивную оценку у 42% опрошенных, ранее считавших себя республиканцами. Многие из них превратились теперь в сторонников монархии, точнее хуан карлистов, по испанской терминологии. Радикальные перемены произошли и в группах населения, прежде выказывавших безразличие в отношении формы государственного устройства Испании – 65% респондентов позитивно оценили роль короля (Palacio Atard, 1989, p. 130).

Примечательно, что левые партии – компартия и Испанская социалистическая рабочая партия, традиционно стоявшие на республиканских позициях, признали монархию. Они перестали акцентировать внимание на дилемме «монархия – республика», заявив, что линия водораздела в обществе другая, а именно «демократия – диктатура». Сдвиг в их позициях благоприятствовал упрочению демократических порядков.

Несмотря на обретение верховной властью всесторонней легитимности и состоявшееся национальное примирение, молодой испанской демократии предстояло еще пройти серьезное испытание. Ее главным противником были консервативные круги офицерства, крайне недовольные процессом демо-

кратизации, который, по их мнению, означал реванш со стороны побежденных в гражданской войне. 23 февраля 1981 г. около 200 гражданских гвардейцев ворвались в здание Кортесов, где в это время утверждалась кандидатура нового председателя правительства, превратив в заложников 350 депутатов, руководителей основных партий и членов правительства. Резервом путчистов (рассчитывавших склонить на свою сторону короля) были офицеры, в том числе высокопоставленные, занимавшие выжидательную позицию. В заговор были вовлечены и многие влиятельные гражданские лица – промышленники, банкиры, финансировавшие мятежников.

История распорядилась так, что Хуан Карлос, как и на первом этапе демократизации, вышел из-за кулис и стал главным действующим лицом разыгравшейся драмы. Король оказался в тот момент единственным из руководителей страны, способным свободно решать и действовать. Обратившись к путчистам и приказав им сложить оружие, король спас молодую демократию, когда остальные защитные средства не сработали.

Констатируя рост влияния института монархии и изменение представлений о ней в общественном сознании в переходный период, испанские политологи Р. де Агила и Р. Монтеро выделяют следующие фазы этого процесса: «В испанском политическом дискурсе дилемма монархия – республика уступила место дихотомии диктатура – демократия. Монархия мало-помалу превратилась в арбитра системы, затем в ее «стержень», позже в символ единства и равновесия и, наконец, в защитника свобод» (de Aguila, Montoro, 1984, p. 148).

Конституция 1978 г. юридически оформила создание в Испании «немонархической монархии» (выражение философа Х.Л. Арангурена), при кото-

рой король, царствуя, а не управляя, является верховным арбитром, попечителем, опорой нации. В соответствии с Конституцией, король – «глава государства, символ единства и постоянства, арбитр в деятельности учреждений», осуществляющий высшее представительство Испании в международных делах.

Король, в частности, санкционирует и промульгирует законы, созывает и распускает Генеральные кортесы, назначает выборы и референдум на условиях, предусмотренных Конституцией, осуществляет верховное командование вооруженными силами. От имени короля действует судебная власть. Особенность положения короля состоит в том, что он не интегрирован в ветви власти. Исполнительная власть отделена от монарха и принадлежит правительству.

Кажущиеся многочисленными полномочия короля на деле весьма скромны. Он не может предпринять каких-либо инициатив. Королю принадлежит лишь право санкционировать решения, принимаемые другими органами.

Реальное место, которое занимал Хуан Карлос в политической жизни, несоизмеримо со скромной ролью, отводимой монарху Конституцией. Король, внесший огромный вклад в становление, развитие и защиту демократии, многие годы пользовался непрерываемым авторитетом, был верховным арбитром жизни нации, мнения и решения которого не подвергались сомнению.

Историческое значение и уроки испанского опыта

Исторической заслугой Хуана Карлоса является восстановление в Испании правопреемства, связи между прошлым, настоящим и будущим. В российском общественном сознании с советских времен монархия зачастую ас-

социируется с авторитарной традицией, социальным консерватизмом, регрессом. Опыт испанской истории убедительно свидетельствует об односторонности такого подхода, доказывая, что монархия – гибкая и идеологически нейтральная форма власти, способная представлять в различных ипостасях. Монархические режимы в истории Испании были абсолютными и конституционными, соединялись с военно-диктаторскими режимами и с демократией.

Монархия Хуана Карлоса отличается от всех прежних разновидностей монархической власти в Испании. Прежде всего она носит национальный, а не сословный характер, представляет интересы всего населения. Кроме того, Хуан Карлос меньше, чем его предшественники участвовал в управлении страной. И тем не менее монархия стала стержнем нации. Именно при Хуане Карлосе Испания разорвала с казавшимся бесконечным кругом насилия – революций, восстаний, гражданских войн, смены различных разновидностей авторитарных режимов на демократический путь развития. Король-арбитр превратился в фигуру, необходимую для населения страны.

Еще в 1920 – 30-х годах многим казалось, что демократию в Испании можно установить, лишь ликвидировав монархию и провозгласив республику. Спустя несколько десятилетий произошло прямо противоположное: именно монархия сыграла ключевую роль в становлении и консолидации демократии. Ныне между двумя этими понятиями нет никакого противоречия.

Однако исторический спор между монархией и республикой в Испании не завершился. В начале XXI в.

проблема, казалось бы, оказавшаяся на периферии общественной жизни, вновь вышла на поверхность. И отчасти причиной тому – сам король и его семья, оказавшиеся вовлеченными в коррупционные скандалы. По Испании прокатилась волна демонстраций сторонников республики, требовавших упразднения монархии как архаичного, неизбираемого института, который к тому же содержится на средства налогоплательщиков. В июне 2014 г. Хуан Карлос отрекся от престола в пользу своего сына Фелипе. В первые годы царствования Филиппу VI удалось восстановить доверие многих испанцев к институту монархии – отчасти благодаря предпринятым антикоррупционным действиям в королевском доме.

Критическое отношение к Хуану Карлосу связано не только с последним периодом его царствования. В годы глобального кризиса, больно ударившего по Испании, здесь широко распространилась точка зрения, что вину за обнажившиеся проблемы несут деятели переходного периода, закладывавшие фундамент современной политической системы, в том числе король Хуан Карлос⁴. Однако, на наш взгляд, вряд ли правильно устанавливать прямую, непосредственную связь между современными проблемными зонами испанского социума и политической времен транзита. Главное состоит в том, что король и другие политические лидеры того времени, действуя в сложных условиях, узком коридоре возможностей, сумели избежать гражданской войны и сделать политическую систему Испании управляемой и стабильной.

Давая общую оценку роли, сыгранной Хуаном Карлосом в испанской

4 См., например: (Monedero, 2011).

истории, на первое место следует ставить его заслуги, а не промахи. Испанцы 1970-х годов приняли монархию, потому что их покорил король, а не монархия как институт. Хуан Карлос доказал свое право на престол не столько династической традицией и помазанием Божьим, сколько практическими действиями.

Список литературы

Бернекер В.Л. (1998). Хуан Карлос I (с 1975 г). *Испанские короли*. Ростов-на-Дону: Феникс. 423-456.

История Европы. От французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. (2000). М.: «Наука». 667.

Престон П. (1999). *Франко. Биография*. М.: Центрполиграф. 702.

Хенкин С.М. (2001). *Хуан Карлос I: политический портрет*. М.: ИНИОН. 88.

Хенкин С.М. (2002). Становление и консолидация демократии: испанский вариант. *Полис. Политические исследования*, (5). 170-179.

Aguila R.de, Montoro R. (1984). *El discurso político de la transición Española*. Madrid: Centro de Investigaciones sociológicas. 272.

Aranguren J.L. (1974). *La Cruz de la Monarquía Española actual*. Madrid: Taurus. 120.

Bardavio J. (1978). *El dilema. Un pequeño caudillo o un gran rey*. Madrid: Strips. 239.

Ferrando Badia J. (1979). De la monarquía del 18 de julio a la monarquía parlamentaria del proyecto constitucional de 1978. *Las experiencias del proceso político constitucional en Mexico y España*. Mexico: Universidad nacional autónoma de Mexico. 15-96.

Monedero J.C. (2011). *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata. 232.

Palacio Atard V.(1989). *Juan Carlos y el advenimiento de la democracia*. Madrid: Espasa-Calpe, 1989. 145.

Prego V. (1997). *Así se hizo la Transición* (1977). Barcelona: Plaza & Janes. 691.

Tamames R. (1977). *A donde vas, España?* Barcelona: Planeta. 236.

Villalonga J.L. (1993). *El Rey. Conversaciones con D.Juan Carlos I de España*. Barcelona: Plaza & Janes. 255.

References

Aguila R.de, Montoro R. (1984). *El discurso político de la transición Española*. Madrid: Centro de Investigaciones sociológicas. 272.

Aranguren J.L. (1974). *La Cruz de la Monarquía Española actual*. Madrid: Taurus. 120.

Bardavio J. (1978). *El dilema. Un pequeño caudillo o un gran rey*. Madrid: Strips. 239.

Berneker V.L. (1998). Juan Carlos I (since 1975). *Spanish kings*. Rostov-na-Donu: Feniks. 423-456.

Ferrando Badia J. (1979). De la monarquía del 18 de julio a la monarquía parlamentaria del proyecto constitucional de 1978. *Las experiencias del proceso político constitucional en Mexico y España*. Mexico: Universidad nacional autónoma de Mexico. 15-96.

History of Europe. From the French Revolution of the Late 18th Century to the First World War. (2000). Moskva: «Nauka». 667.

Khenkin S.M. (2001). *Juan Carlos I: political portrait*. Moskva: INION. 88.

Khenkin S.M. (2002). Formation and Consolidation of Democracy: the Spanish version. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5). 170-179.

Monedero J.C. (2011). *La transición contada a nuestros padres. Nocturno de la democracia española*. Madrid: Catarata. 232.

Palacio Atard V.(1989). *Juan Carlos y el advenimiento de la democracia*. Madrid: Espasa-Calpe, 1989. 145.

Prego V. (1997). *Así se hizo la Transición* (1977). Barcelona: Plaza & Janes. 691.

Preston P. (1999). *Franco. A Biography*. Moskva: Tsentrpoligraf. 702.

Tamames R. (1977). *A donde vas, España?* Barcelona: Planeta. 236.

Villalonga J.L. (1993). *El Rey. Conversaciones con D.Juan Carlos I de España*. Barcelona: Plaza & Janes. 255.

Информация об авторе

Сергей Маркович Хенкин, доктор исторических наук, профессор, кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
sergkhenkin@mail.ru

About the Author

Sergey M. Khenkin, Doctor of History, Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergkhenkin@mail.ru

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-98-119

Елена Владимировна АНАНЬЕВА

Центр британских исследований, Институт Европы Российской академии наук
Моховая ул., 11-3В, Москва, 125009, Российская Федерация
e-ananieva@yandex.ru

Брекзит: причины, политический фон, последствия

АННОТАЦИЯ. В 1960-х гг. с распадом колониальной империи европейское направление стало для Британии важнее отношений с заморскими территориями. Членство в ЕЭС, а впоследствии в ЕС для Британии было вынужденной мерой за отсутствием альтернативы. Великобритания все же завоевала прочные позиции в интеграционной группировке, но стала в ней «неудобным партнером», требуя особых условий. В стране постоянно шла острая меж- и внутрипартийная борьба по «европейскому вопросу». Евроскептики были обеспокоены утратой страной национального суверенитета и идентичности, недовольны социальной моделью ЕС в духе социал-демократии. Еврооптимисты считали самоизоляцию от континента губительной для страны. Логика интеграции вела к углублению не только экономического сотрудничества, но и политического, что вызвало в Британии подъем евроскептицизма в условиях экономического кризиса 2008-2009 гг., кризиса еврозоны и миграционного кризиса. На этом фоне премьер-министр Д. Кэмерон вынужден был провести референдум о членстве Британии в ЕС. Итоги референдума о членстве Британии в ЕС продемонстрировали раскол общества: чуть более половины британцев проголосовали за выход страны из ЕС. Страна разобщена по социальному, возрастному, региональному признакам. За

Брекзит голосовали не только социально уязвимые, но и социально благополучные слои населения. Как результат глобализации, первых тревожит иммиграция, вторых – смещение экономической мощи на Восток. Политические последствия Брекзита серьезны. Шотландия, проголосовав за ЕС, нацелена провести новый референдум о независимости, Северная Ирландия опасается закрытия границы с Ирландией. На политической арене борьба между евроскептиками и еврооптимистами не прекратилась, вызвав смену лидера и премьер-министра (Консервативная партия) и обострение кризиса в Лейбористской партии. Преемница Д. Кэмерона на посту главы кабинета, Т. Мэй вынуждена была объявить досрочные парламентские выборы, рассчитывая укрепить позиции правящей партии и сторонников своей линии в ней в преддверии сложных переговоров об условиях выхода Британии из ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Брекзит, Европейский Союз, Великобритания, политические партии, политический кризис

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ананьева Е.В. (2017). Брекзит: причины, политический фон, последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 98-119. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-98-119

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-98-119

Elena V. ANANIEVA

Center for British Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3B, ul. Mokhovaya, Moscow, Russian Federation, 125009
e-ananieva@yandex.ru

Brexit: Reasons, Political Background, Implications

ABSTRACT. *In the 1960s after the collapse of the colonial empire, the European direction became more important for Britain than relations with overseas territories. For Britain membership in the EEC and subsequently in the EU was a forced measure for the lack of an alternative. Britain gained a strong position in the integration group, but became “an inconvenient partner” in it, demanding special conditions. In the country there was a constant inter- and intra-party struggle on the “European question”. Eurosceptics were concerned about the country’s loss of national sovereignty and identity, dissatisfied with the social model of the EU in the spirit of social democracy. Euro-optimists considered self-isolation from the continent as disastrous for the country. The logic of integration led to deepening not only economic cooperation, but also political, which caused the rise of europetceptism in Britain in the conditions of the economic crisis of 2008-2009, the crisis of the Eurozone and the migration crisis. Against this background, Prime Minister D. Cameron was forced to hold a referendum on Britain’s membership in the EU. The results of the referendum on Britain’s membership in the EU demonstrated a split in society: just over half of the British voted for the country’s withdrawal from the EU. The country is divided on social, age, and regional grounds. Not only socially vulnerable, but social-*

ly prosperous sections of the population voted for Brexit. As a result of globalization, the former concern immigration, the latter – the shift of economic power to the East. The political consequences of Brexit are serious. The political consequences of Brexit are serious. Scotland, having voted for the EU, is aiming to hold a new referendum on independence, Northern Ireland is wary of closing the border with Ireland. In the political arena, the struggle between eurosceptics and euro-opportunists did not stop, prompting the replacement of the leader and the Prime Minister (Conservative Party) and the aggravation of the crisis in the Labor Party. The successor of D. Cameron as head of the cabinet, T. May had to announce early parliamentary elections, hoping to strengthen the position of the ruling party and supporters of its line on the eve of difficult negotiations on the conditions for Britain’s withdrawal from the EU.

KEYWORDS: Brexit, European Union, Great Britain, political parties, political crisis

FOR CITATION: Ananieva E.V. (2017). Brexit: reasons, political background, implications. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 98-119. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-98-119

В марте 2017 г. Европейский союз впервые получил заявку на выход страны-члена из этой интеграционной группировки, и ею стала Британия. Соединенное Королевство, вступив в 1973 г. в тогда еще Европейское экономическое сообщество, практически сразу заняло в нем особую позицию. Взаимоотношения Британии с ЕС не были равными и во многом зависели от перипетий меж- и внутривластных борьбы, влиявших на курс правительства.

Британия и ЕС: трудное прошлое

Официальное отношение Британии к европейской интеграции, пожалуй, начинается с речи У. Черчилля в Цюрихе в сентябре 1946 г. Он тогда предложил создать подобие Соединенных Штатов Европы – региональное европейское объединение на основе союза Франции и Германии, чтобы положить конец войнам в Европе, решив «германский вопрос». Примечательно, что Британия и Британское содружество наций (БСН), США и Советская Россия, по плану Черчилля, не должны были входить в состав объединения, а стать «друзьями и покровителями новой Европы». В 1949 г. был создан Совет Европы, в формировании которого Британия играла ведущую роль, а в 1949 г. Британия вошла в НАТО, подерживала планы Европейского оборонительного сообщества. Позиция Соединенного Королевства заключалась в том, что оно было заинтересовано в укреплении европейской безопасности, но в экономическом отношении рассчитывало на глобальную торговлю и БСН. Соответственно, при создании в 1951 г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) – шага в направлении экономической интеграции, Британия не желала отдавать на наднациональ-

ный уровень управление своей сталелитейной и угольной отраслями. Однако в 1957 г. ЕОУС перерос в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Британия в противовес создала Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ) в 1960 г. для европейских стран, которые не могли или не желали присоединиться Общему рынку, поскольку участие в ЕАСТ не требовало уступок в вопросах национального суверенитета. В Британии считали, что страна должна быть с Европой, но не в ней, полагая, что членство в ЕЭС вынудит страну отменить «имперские преференции» – систему льготных тарифных условий в ее торговле с БСН (тогда на БСН приходилась почти половина внешнеторгового оборота Британии).

Однако в 1960-х гг. с распадом ее колониальной империи и уходом из районов «к востоку от Суэца» в Британии осознали, что страна может оказаться на обочине мировой экономики, а также в политической изоляции в Европе. В соперничестве между ЕАСТ и ЕЭС победу одержало последнее: Британия не смогла создать противовес ЕЭС как интеграционной группировке. Скорее, членство в ЕЭС (впоследствии ЕС) для Британии было вынужденной мерой за отсутствием альтернативы. В 1973 г. Соединенное Королевство вошло в Общий рынок, выйдя из ЕАСТ, присоединилось к Евратому и ЕОУС. Таким образом, европейское направление стало для Британии важнее отношений с заморскими территориями. Не включившись в евроинтеграцию на начальном ее этапе, Великобритания все же завоевала прочные позиции в уже созданной структуре, но стала «неудобным партнером» для его членов, отстаивая свои национальные интересы. Проблемы возникли уже на стадии подачи заявки.

Соединенное Королевство в 1960-х гг. дважды подавало заявки на вступление в ЕЭС, но президент Франции Ш.

де Голль, опасаясь, что Британия будет играть роль «троянского коня» США в Европе, налагал на них вето. Лишь после его ухода с политической арены Британия получила пропуск в ЕЭС. Действительно, две англосаксонские страны по-прежнему связывает общность истории, культуры, языка, традиций. Отношения между США и Британией со времен Второй мировой войны получили название «особых» именно из-за связей в сфере обороны и разведки, оставаясь и поныне «интимными», более тесными, чем с континентальными соседями. Соответственно, в ЕС позиции Британии, желающей быть самым верным союзником США, зачастую осложнялись из-за поддержки интересов США (как, например, во время Иракской войны, против которой выступали Франция и Германия). Между тем, ныне Германия выдвигается на роль ведущего партнера США в ЕС, тем более в свете Брекзита.

Однако противоречия интересов были характерны не только для межгосударственных отношений внутри ЕС (Франция – Германия – Британия) или между Лондоном и Брюсселем: в самом Соединенном Королевстве разногласия по «европейскому вопросу» никогда не прекращались.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО «ЕВРОПЕЙСКОМУ ВОПРОСУ»: ИНТЕРЕСЫ ИСТЕБЛИШМЕНТА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В Британии с 1973 г. и по настоящее время не сложился консенсус в отношении европейской интеграции. Курс правительства зависел от той партии, которая находилась у власти, от преобладающего влияния в ней евроскептиков или еврооптимистов в данный период, влияния групп интересов и СМИ.

Позиция в отношении места и роли страны в европейской интеграции стала политическим и государственным деятелем карьеры, а партии – утраты власти.

Так, Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) скептически относилась к европейской интеграции (Суслопарова, 2016, с. 49-53), и в 1962 г. она выступила против присоединения в ЕЭС, считая ее объединением монополий против трудящихся, в котором господствует принцип свободного рынка, препятствующий национальному планированию. Однако в 1967 г. лейбористское правительство Г. Вильсона подало заявку на вступление в ЕЭС (де Голль наложил второе вето), хотя в партии не утихали разногласия между левыми и правыми. Они обострились накануне вступления Британии в ЕЭС (в 1971 г. большинство лейбористской фракции проголосовало в парламенте против членства страны в ЕЭС) и после ее присоединения в 1973 г. (при правительстве консерваторов). Вновь возглавив правительство лейбористов, Г. Вильсон, уступая евроскептикам в собственной партии и в стране, провел в 1975 г. референдум о дальнейшем пребывании страны в ЕЭС. Около 70% голосовавших поддержали членство Британии в ЕЭС, поскольку европейскую интеграцию они ассоциировали больше с возможностью снизить безработицу и рост цен, чем с утратой суверенитета. В начале 1980-х гг., когда ЛПВ резко сдвинулась влево, руководство партии выступило за выход страны из ЕЭС¹. Между тем часть правого крыла, занимая «роевропейские» позиции, вышла из партии и впоследствии присоединилась к Либеральной партии. Таким образом и была создана Партия либеральных демократов

1 The New Hope for Britain. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab83.htm> (Accessed: 14.08.2017).

(ПЛД), которая однозначно и последовательно поддерживает укрепление евроинтеграции.

К концу 1980-х гг. Лейбористская партия при лидерах Н. Кинноке и особенно Т. Блэре сдвинулась к центру политического спектра и в целом стала выступать за углубление европейской интеграции. При правительстве лейбористов была ратифицирована Европейская социальная хартия, от чего ранее отказалось правительство консерваторов. Более того, Т. Блэр рассчитывал, что Британия станет «мостом» между США и ЕС, был активным приверженцем расширения ЕС на восток и выступал за присоединение страны к зоне евро. Против отказа от национальной валюты и перехода на евро возражал Г. Браун, министр финансов в кабинете Т. Блэра, что не позволило премьер-министру провести референдум о переходе на евро. Вместе с тем, сменив Блэра на этом посту, Г. Браун, опасаясь настроений евроскептицизма в стране, не стал выносить на референдум Лиссабонский договор, который заменил Европейскую конституцию, проваленную на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г. Британский парламент его ратифицировал в 2008 г. С тех пор и до референдума 2016 г. в Лейбористской партии, перешедшей в оппозицию, разногласия по «европейскому вопросу» были приглушены.

В Консервативной партии всегда были сильны евроскептики, причем одни и те же политические деятели меняли свою позицию в зависимости от обстоятельств, внутри- и внешнеполитических. Так, на референдуме 1975 г. будущий премьер-министр М. Тэтчер поддержала вступление страны в ЕС. Однако именно она, уже в качестве гла-

вы правительства, настаивала на возврате Лондону части британского взноса в бюджет ЕС (поскольку от субсидий в рамках Единой сельскохозяйственной политики ЕС выигрывали в основном французские фермеры), сожалела о подписании Единого европейского акта в 1986 г., поскольку он предполагал формирование не только единого рынка ЕС, но и политическое сотрудничество между членами ЕС с 1992 г. В своей знаменитой речи в Брюгге в 1988 г.² она выступила против «сверхгосударства» с централизацией власти в Брюсселе, отстаивая идею «национального суверенитета при процветании свободной торговли», впоследствии выступив против введения единой валюты ЕС.

С этого времени в Консервативной партии обостряется борьба евроскептиков и еврооптимистов (Перегудов, 1996, с. 210-229). Однако ее предвестником стала добровольная отставка еще в 1986 г. политического тяжеловеса, министра М. Хезелтайта. В своей книге 1990 г. он высказался за ЕС не только в качестве экономического, но и политического союза. Последовали «дело Ридли» – министра торговли и промышленности в 1990 г. В то время СМИ и общественность резко осудили его мнение о том, что планы единой финансовой политики ЕС представляют собой «германский рэкет, нацеленный на захват всей Европы», и если Лондон откажется от суверенитета в пользу Брюсселя, то это все равно, что «отдать его Гитлеру». Тэтчер вынуждена была принять отставку соратника-евроскептика. За ними последовала отставка Дж. Хау, заместителя премьер-министра и лидера Палаты общин, считавшего, что Британия должна стать органической частью Европейского сообщества (со-

2 Thatcher M. Speech to the College of Europe ("The Bruges Speech"). URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/107332> (Accessed: 14.08.2017).

лидаризируясь с бывшим премьер-министром Г. Макмилланом). Отставка Тэтчер была вызвана не в последнюю очередь распрями в партии по «европейскому вопросу». Незадолго до отставки, под давлением еврооптимистов (Дж. Мейджора и Д. Херда) М. Тэтчер включила Британию в Европейский механизм обменных курсов (ЕМОК). Дж. Мейджор стал лидером партии и премьер-министром, поскольку евроскептики оказались в меньшинстве. Однако уже в сентябре 1992 г. наступила «черная среда» – резкое падение курса фунта стерлингов, и преемник Тэтчер – Дж. Мейджор – вывел страну из ЕМОК.

Между тем, логика интеграции затем продиктовала не только на сотрудничество в области экономики, но и социальной политики, международных отношений и безопасности, правосудия и внутренних дел (Маастрихтский договор вступил в действие с 1993 г., положив начало нынешнему Европейскому союзу).

Проиграв парламентские выборы 1997 г. лейбористам во главе с Т. Блэром, Консервативная партия надолго погрузилась в кризис, а на части ее разрывало отношение к европейской интеграции. При сменявших друг друга лидерах партии тори – У. Хейге (1997-2001), Й. Данкан Смите (2001-2003), М. Ховарде (2003-2005) консерваторы не смогли преодолеть разногласия по ЕС, более того евроскептики в партии стали вновь набирать силу. Лишь потерпев третье поражение подряд на выборах в Вестминстер, тори избрали лидером молодого политика «умеренного евроскептика» Д. Кэмерона, и на время распри в партии улеглись ради завоевания государственной власти. Между тем, в Европарламенте Д. Кэмерон в 2009 г. вывел свою партию из правоцентристской фракции Европейская народная партия, создав фракцию Европейские консерваторы и реформисты

(члены которой выступают за децентрализацию ЕС и «сверхгосударства»).

На выборах 2010 г. консерваторы не смогли завоевать большинство мест в парламенте и вынуждены были вступить в коалицию с «проевропейской» Партией либеральных демократов. Соответственно, коалиционное соглашение предусматривало взаимные уступки, чем были недовольны сторонники обеих партий. Отказавшись вынести Лиссабонский договор на референдум (как планировал в оппозиции Д. Кэмерон), что вызвало недовольство евроскептиков, он провел закон о «замке референдума»: договор о передаче дополнительных полномочий на наднациональный уровень должен быть одобрен на референдуме. В свою очередь, ПЛД не могла провести свою идею о переходе Британии на евро.

Меж- и внутрипартийная борьба, естественно, отражала противоречия не только в истеблишменте, но и настроения в обществе, различных сегментов электората.

Общественное мнение в Британии относительно ЕС было весьма волатильно – за планку в 50% выходили доли и сторонников, и противников членства страны в ЕС. На протяжении нескольких лет твердых сторонников членства Британии в ЕС было примерно 30%, твердых сторонников выхода из ЕС – примерно 20%. Не выражали британцы и чувства евроскептицизма более выражено, чем граждане других стран ЕС. Их отношение к ЕС менялось в зависимости от состояния экономики в этом интеграционном объединении (Haughton, Copsey, 2014, p. 74-89), после первой волны расширения ЕС (2004 г.) – к иммигрантам из стран «новичков» (Восточной Европы), а в 2015-2016 гг. – к миграционному кризису (неконтролируемому потоку беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки в континентальные стран ЕС).

Между тем, нельзя сказать, что простые британцы проводят четкое различие между иммигрантами из третьих стран и приезжими из ЕС.

То, что называют «миграционным кризисом», не касалось Британии непосредственно, поскольку она не входит в Шенгенскую зону. Потоки мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, захлестнувшие континентальный ЕС, обошли стороной Британские острова³. Не будучи связанной Шенгенским соглашением, Британия не обязана и принимать беженцев по установленным в Брюсселе квотам. Тем не менее, британцы, видя ситуацию на континенте, примеривали ее и на себя, что повышало уровень евроскептицизма.

Что касается приезжих из ЕС (по терминологии Брюсселя, мобильных граждан ЕС), то даже в официальных британских источниках их называют «иммигрантами из стран ЕС» (например, в Бюро национальной статистики – Office for National Statistics). В общественном сознании обозначился феномен «польского сантехника» – человека иной бытовой и политической культуры, а также готового на меньшую, чем коренные жители, зарплату.

Феномен породили власти самой Британии: правительство выступало за прием в ЕС новых членов, поскольку рассчитывало на то, что распространение интеграции вширь замедлит ее распространение вглубь. Логика заключалась в том, что Брюсселю придется откладывать углубление интеграции в социальной и в политической сферах до тех пор, пока «новички» не подтянутся

до уровня «старожилов». Британия активно продвигала вступление в ЕС не только стран Центральной и Восточной Европы, но и Турции.

Однако подобные расчеты обернулись тем, что поток иммигрантов – мобильных граждан ЕС – в Британию вызвал неприятие островитян. Дело в том, что еще Т. Блэр открыл двери страны полякам в год вступления Польши в ЕС (2004 г.), отменив для них переходный период в 7 лет. Соответственно, диаспора поляков в Британии насчитывает 900 тыс человек (вторая самая крупная диаспора после индийцев – 1 млн человек). Поляки стали вторыми по численности после выходцев из Индии (бывшей британской колонии) среди рожденных за рубежом. Согласно данным последней переписи населения (2011 г.), польский становится вторым «основным» языком в стране после английского в Англии и валлийского в Уэльсе⁴. В целом в Британии проживает 1,3 млн. человек из стран «Новой Европы».

Евроскептицизм был обусловлен и более глубокими причинами – самой логикой интеграции, которая неизбежно требовала более тесного союза стран – членов ЕС, а Британия требовала исключений для себя (Бабынина, 2012).

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ ЛОНДОНА И БРЮССЕЛЯ

В связи с введением в действие Лиссабонского договора, который евроскептики считали шагом к федерализму, финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг., ухудшением эконо-

3 Британия заключила с Францией соглашение о пограничном контроле в Кале – на территории Франции, где и образовались так называемые «джунгли» – поселения мигрантов, пытавшихся перебраться через Ла Манш по тоннелю.

4 Polish workers in UK consider strike over anti-immigrant rhetoric. 04.08.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/11783297/Polish-workers-in-UK-consider-strike-over-anti-immigrant-rhetoric.html> (Accessed: 14.08.2017); Census 2011: Polish becomes the second language. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/9836825/Census-2011-Polish-becomes-the-second-language.html> (Accessed: 14.08.2017).

мического положения в странах еврозоны, настроения евроскептицизма и в британском истеблишменте, и в широких слоях общества нарастали. Меры, которые предлагал франко-германский тандем в виде укрепления валютно-финансового союза, в Лондоне расценивали как угрозу создания единого экономического правительства еврозоны. В 2012 г. Британия наложила вето на Бюджетный пакт ЕС (углубление интеграции в налоговой сфере, жесткое ограничение дефицита госбюджета – распространяется на еврозоны и некоторые другие страны), осталась вне Банковского союза (чтобы не передавать контроль над своими банками Брюсселю). Не поддержала она и введение должности европрокурора, увеличение многолетнего бюджета ЕС на 2013-2020 гг. выше уровня инфляции, как и другие планы ЕС. Великобритания, не желая участвовать в финансовом союзе и решать долговые проблемы стран еврозоны, намерена была по-прежнему пользоваться свободным доступом к единому европейскому рынку. «Собственно говоря, доступ к общему рынку – это главное (и достаточное) условие для Лондона» (Капитонова, 2014, с. 319).

Все более становилось очевидным формирование «Европы двух скоростей», то есть различных уровней интеграции: экономическое ядро из стран еврозоны и 10 остальных членов ЕС, из которых Британии не удалось создать блок.

Анатомия Брекзита

Политический класс Британии, правящая элита не была монолитна, и различные группы интересов не смогли прийти к соглашению относительно степени участия страны в евроинтеграции. Отсюда и возникла идея

провести референдум – обратиться к форме прямой демократии, как и в 1975 г. – «разрубить гордиев узел». Система сдержек и противовесов (checks and balances), которая складывалась веками для примирения позиций сторон, методы представительной демократии в образцовой, как ранее считали, англосаксонской демократии, были отринуты. Д. Кэмерон прибегнул к средству прямой демократии, вынеся вопрос об отношениях Британии с ЕС из партийных кулуаров на референдум.

В январе 2013 г. Д. Кэмерон дал обещание провести референдум, стремясь умиротворить евроскептиков в собственной партии, чтобы не допустить раскол в ней в преддверии парламентских выборов 2015 г. Часть партийной элиты консерваторов постоянно и ожесточенно выступала за парламентский суверенитет страны против «диктата наднационального Брюсселя», а расколотые партии выборы не выигрывают.

Вторая задача Д. Кэмерона – предотвратить отток избирателей-тори к Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК, UKIP) Н. Фараджа. ПНСК, однозначно выступая за выход Британии из ЕС, набирала голоса. Она аккумулировала недовольство населения уровнем иммиграции и с самого начала выступала за верховенство национального парламента, что и следовало из самого ее названия – Партия независимости Соединенного Королевства.

Отметим, что ПНСК последовательно наращивала политический вес на выборах по пропорциональной системе (на выборах в Европарламент в 2014 г. она обошла и тори, и лейбористов). Однако мажоритарная избирательная система не позволяла ей войти в национальный парламент. Последнее особенно симптоматично, поскольку при мажоритарной системе распространено так называемое тактическое

голосование⁵. Таким образом, можно предположить, что влияние ПНСК было намного выше доли ее голосов на выборах (на выборах 2015 г. она получила свыше 12% голосов избирателей и лишь 1 место в парламенте). Отсюда понятны результаты референдума по членству Британии в ЕС по системе простого большинства: недовольство нашло выход при появившейся возможности.

Представляется, что Д. Кэмерон не предполагал, что ему придется выполнить обещание. Дело в том, что референдум невозможно было провести, пока правительство носило коалиционный характер (то есть до выборов в мае 2015 г.), поскольку в него входила «про-европейски» настроенная Партия либеральных демократов. К тому же, задолго до выборов все опросы общественного мнения указывали на то, что по их итогам ни одна из партий не получит большинство. Отсюда следовало: правительство снова будет коалиционным (с консерваторами или без), что освобождало бы Кэмерона от обещания.

Однако жизнь опрокинула все прогнозы и опросы: Консервативная партия одержала убедительную победу на выборах, сформировала однопартийное правительство, и Д. Кэмерону, выигравшему «битву», пришлось сдержать слово. Таким образом, именно премьер-министр, пытаясь решить узкопартийные задачи, поставил под удар стратегические интересы страны (ведь, по его мнению, Британия должна остаться в ЕС). Премьер уже однопартийного правительства превратился в заложника собственных маневров для решения тактических задач, при-

чем поле для них все сужалось. В результате ему предстояла «война» – решение более сложной и судьбоносной для страны проблемы.

Правительство консерваторов, выполняя предвыборное обещание, внесло законопроект о референдуме в парламент, но попыталось техническими деталями способствовать положительному исходу предстоявшего голосования по членству Британии в ЕС. Сама формулировка вопроса референдума первоначально подспудно подталкивала к положительному ответу: «Должно ли Соединенное Королевство остаться членом ЕС?». Евроскептики-заднескамеечники (тори) и оппозиция в парламенте ее изменили: «Должно ли Соединенное Королевство остаться в ЕС или выйти из ЕС?». Подобная формулировка⁶ – приводит к некоторому снижению доли сторонников членства Британии в ЕС.

Другая деталь – сроки объявления референдума. Премьер-министр предполагал объявить о дате референдума за 4 недели. Однако оппозиция (Лейбористская партия, Шотландская национальная партия) и евроскептики-тори добились того, чтобы правительство не смогло провести «поспешный» (snap) референдум (то есть в момент благоприятной для себя политической конъюнктуры): о дате референдума оно обязано было объявить за 4 месяца до голосования.

ЛПВ выступила за сохранение членства страны в ЕС. Ее новый лидер Дж. Корбин, твердый левый, еще на референдуме 1975 г. голосовал за выход Великобритании из ЕЭС, но в 2016 г., следуя общей позиции партии, формально поддержал ее линию⁷. Евроскепти-

5 Избиратели голосуют не за «свою» партию, а за партию, которая и имеет шансы выиграть и наиболее близка избирателю своей политической платформой.

6 The European Referendum Question. 3 September 2015. URL: <http://ukpollingreport.co.uk/> (Accessed: 14.08.2017).

7 Jeremy Corbyn: Labour will campaign for UK to stay in the EU. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/sep/17/jeremy-corbyn-labour-campaign-for-uk-stay-in-eu>. (Accessed: 14.08.2017).

ки в партии обвинили его в предательстве прежних идеалов, а еврооптимисты – в «вялом» отношении к кампании в преддверии референдума⁸. На самом деле он отмечал различные – положительные и отрицательные – стороны членства в ЕС. Корбин говорил правду: если Британия останется в ЕС, то поток иммигрантов (мобильных граждан ЕС) не иссякнет, что трудовое и социальное законодательство ЕС благоприятно для трудящихся, что Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство ЕС с США (ТТИР) – невыгодно Европе. Между тем, бывшие премьеры от ЛПВ, Т. Блэр и Г. Браун, активно выступали за то, чтобы Британия осталась в ЕС.

Партия либеральных демократов (ПЛД) и Шотландская национальная партия (ШНП) вели кампанию за членство Британии в ЕС.

Что касается общественного мнения, то британцы в большинстве считали, что референдум по членству Британии в ЕС необходим («за» – более 60%, 24% – «против»)⁹. Однако их представления о действительных отношениях страны с ЕС были искажены: они преувеличивали под влиянием СМИ недостатки членства страны в ЕС¹⁰. Отметим, что лишь 25% респондентов полагали, что при отрица-

тельном исходе референдума Британия действительно выйдет из ЕС: 41% респондентов считали, что при подобном результате последуют новые переговоры и второй референдум¹¹, что отражало слабую меру гражданской ответственности.

Еще до начала официальных переговоров с ЕС в Британии разгорелась острая внутривнутриполитическая борьба, и в ход шли запрещенные приемы. Например, достоянием гласности стала просьба президента Конфедерации британской промышленности (СБИ) к правительству не «заигрываться» с переговорной позицией, не выставлять чрезмерно амбициозные требования и не провоцировать разлад с Брюсселем¹². Скандальность ситуации заключалась в том, что КБП должна была бы высказать свое мнение после завершения переговоров с ЕС.

Переговоры Британии с ЕС об изменении условий ее членства в интеграционной группировке вступили в решающую стадию: Д. Кэмерон направил официальное письмо Председателю Европейского совета Д. Туску¹³ с изложением предложений Соединенного Королевства и обосновал свою позицию публично¹⁴.

Отправные пункты Британии на переговорах сводились к следующему:

8 In quotes: Jeremy Corbyn and the EU Referendum. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35743994>. (Accessed: 14.08.2017).

9 Raines Th. Research paper. Internationalism or Isolationism? *The Chatham House–YouGov Survey. Europe programme*. January, 2015. URL: <http://www.chathamhouse.org/publication/internationalism-or-isolationism-chatham-house-yougov-survey> (Accessed: 14.08.2017).

10 Ibid.; Яковенко А.В. Европейская дилемма Британии. Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/diplomacy/Evropeiskaya-dilemma-Velikobritanii-17400> (Дата обращения: 14.08.2017).

11 Ibid.

12 URL: <http://www.express.co.uk/news/uk/616792/CBI-s-secret-pro-EU-push-revealed> (Accessed: 14.08.2017).

13 EU reform: PM's letter to President of the European Council Donald Tusk. 10 November 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/eu-reform-pms-letter-to-president-of-the-european-council-donald-tusk> (Accessed: 14.08.2017); URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/475679/Donald_Tusk_letter.pdf (Accessed: 14.08.2017).

14 Cameron D. The Future of Britain's Relationship with the European Union. 10 November 2015. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/special/20151110DavidCameron%20%28NEW%29.pdf>. (Accessed: 14.08.2017). См. также: URL: <https://www.chathamhouse.org/event/future-britains-relationship-european-union#sthash.J70SqE6w.dpuf>; Prime Minister's speech on Europe. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-europe> (Accessed: 14.08.2017).

1. в ЕС должны признать права стран, не входящих в зону евро, и не дискриминировать их;
2. предоставить больше полномочий национальным парламентам;
3. освободить Британию от обязательства продвигаться к «более тесной интеграции» (“ever closer union”), как записано в Лиссабонском договоре (то есть к европейскому «супергосударству», для чего требуется изменить Лиссабонский договор, что было нереалистично);
4. предоставить право Британии ограничить социальные права приезжих из других стран ЕС (на выплату пособий им и их детям).

Если Кэмерон в качестве первоочередных выдвинул вопросы финансовые (интересы лондонского Сити) и парламентского суверенитета (кто правит?) – пункты 1 и 2, то британцев больше волновали проблемы иммиграции. По большей части британцы желали бы сохранить доступ к европейским рынкам, но не участвовать в политическом союзе (требования 3 и 4 в письме Кэмерона)¹⁵.

Основной аргумент Д. Кэмерона для внутренней аудитории: членство Британии в ЕС – это вопрос не только экономической, но и национальной безопасности страны; Британия не должна попасть в положение подчиняющегося правилам других (подобно Норвегии по отношению к ЕС – rule-taker) вместо того, чтобы самой их устанавливать (rule-maker). Следовательно, Британия должна остаться в ЕС.

Евроскептики на переговорные требования Британии (письмо Д. Кэмерона Д. Туску) откликнулись, естественно, скептически: «И это всё?»¹⁶. Кэмероном были недовольны и сторонники ЕС (завышенные требования), и его противники (слишком малы).

Дело не столько в самой сути договоренностей с ЕС (компромисс), которых достиг премьер-министр в феврале 2016 года, сколько в их восприятии в стране. Ни «твердых» евроскептиков, ни «твердых» еврооптимистов было не переубедить. Первые объявили, что Кэмерон у ЕС «попросил полбатона, согласился на ломоть, а привез крохи». Вторые заранее, еще до оглашения содержания «сделки» Британии с Евросоюзом¹⁷, объявили о победе премьер-министра. Их мнение зависело от популярности правительства на момент референдума и от стереотипного представления о ЕС, а не знания фактов.

Разногласия в партии тори выплеснулись наружу в конце марта 2016 г., когда бывший лидер партии, ярый евроскептик Й. Данкан Смит, министр по делам труда и пенсий в правительстве Кэмерона, вышел из него под надуманным предлогом. На самом деле цель евроскептика – ослабить позиции правительства и особенно Дж. Осборна, которого расценивали как возможного преемника Кэмерона на посту лидера партии. В отношении Дж. Осборна маневр удался. Ранее заявил о своей поддержке выхода Британии из ЕС политический тяжеловес и еще один возможный претендент на лидерство в партии, бывший мэр Лондона Б. Джон-

15 Preferences for Britain's future role in Europe. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3381/Preferences-for-Britains-future-role-in-Europe.aspx>. (Accessed: 14.08.2017).

16 Donald Tusk: Deal on UK's EU renegotiation 'very tough'. 12.11.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-34803222>. (Accessed: 14.08.2017).

17 Официальный текст ЕС. European Council conclusions. 18-19 February 2016. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/19-euco-conclusions/> (Accessed: 14.08.2017). См. также: Бабынина Л. Сделка на саммите ЕС: Brexit не отменяется. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7303#top-content (Дата обращения: 14.08.2017).

сон. В результате имидж тори пострадал и почти сравнялся по нисходящей с рейтингом лейбористов¹⁸. Таким образом, обе ведущие партии проигрывали в глазах общественного мнения.

Британский бизнес в целом был настроен в пользу членства Британии в ЕС. Конфедерация британской промышленности (КБП) привела возможные потери страны от выхода из ЕС (1 млн рабочих мест и 100 млрд. ф.ст.)¹⁹, однако агентство «Moody's» полагало, что потери Британии будут небольшими, и она их быстро компенсирует. Банк Англии предупредил о серьезных рисках²⁰.

В полемику пытались вовлечь и монарха: газета «Сан» вышла с заголовком «Королева поддерживает Брекзит». Букингемский дворец, защищая политическую нейтральность монарха, предпринял беспрецедентную меру, напав жалобу в Независимую организацию по стандартам в прессе²¹.

Характерно, что искаженные представления вовсе не приблизились к действительности даже в разгар агитационной кампании перед референдумом (май 2016 г.). Опрос агентства Ipsos-MORI²² свидетельствовал о том, что подданные Ее Величества по-прежнему превратно судили о ключевых проблемах, по которым им предстояло принять историческое решение. Британцы считали, что граждане ЕС, проживающие в стране, составляют 15% населения, в то время как их всего 5% (причем сторонники

выхода Британии из ЕС полагали, что их 20%, а сторонники членства в ЕС – что их 10%). В любом случае и те, и другие завышали долю мигрантов из ЕС, как и долю иммигрантов извне ЕС. Точно так же респонденты завышали долю взносов Британии в бюджет ЕС (в 2014 г. ее взнос составил 11% бюджета ЕС). Что касается животрепещущего вопроса о пособиях на детей, которые Британия выплачивает мигрантам из ЕС, то 4 из 10 британцев завышали эту долю от 40 до 100 раз по сравнению с действительной (0,3%). Представления о демократии в ЕС также были слабыми: лишь 60% респондентов знали, что депутатов Европарламента избирают в каждой стране. Британцы полагали, что 27% бюджета ЕС составляют расходы на административный аппарат ЕС (на деле – 6%). Примечательны и представления о доле инвестиций ЕС в Британию: британцы были убеждены, что она составляет 30% вместо реальных 48%. В то же время они считали, что доля Китая составляет 19% вместо 1% в действительности. К тому же, британцы перед референдумом были уверены, что Брекзит не затронет их личный кошелек.

Обе стороны, Bremain и Brexit (соответственно, сторонники и противники членства Британии в ЕС), неизбежно упрощали аргументацию, причем не стесняясь в методах. Парламентский комитет осудил обе стороны за некорректное ведение полемики и манипулирование цифрами²³.

18 Division on Europe hurting Tory image. URL: <https://yougov.co.uk/news/2016/03/18/division-europe-hurting-tory-image> (Accessed: 18.07.2017).

19 EU referendum: CBI warns of UK exit 'serious shock'. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35855869> (Accessed: 18.07.2017).

20 Bank of England warns of EU referendum risks. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35918471> (Accessed: 18.07.2017).

21 Queen 'Brexit' story: Grayling rejects Labour's inquiry call. *BBC News*. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-35805132> (Accessed: 18.07.2017).

22 Ipsos MORI. The Perils of Perception and the EU. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3742/The-Perils-of-Perception-and-the-EU.aspx> (Accessed: 18.07.2017).

23 Costs and benefits of UK's EU membership report published. URL: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/commons-select/treasurycommittee/news-parliament-2015/eu-referendum-report-16-17/> (Accessed: 18.07.2017).

За неделю до референдума доля сторонников Брекзита превысила долю сторонников членства Британии в ЕС²⁴.

Исход референдума – раскол Британии

Конституционные изменения обычно требуют квалифицированного большинства голосов. Однако в Британии историческое судьбоносное решение было принято пусть с беспорным, но не столь значительным перевесом голосов (51,9 : 48,1) при беспрецедентной явке в 72%. Некоторые обозреватели считают, что Британия явила не пример демократии, а сыграла в русскую рулетку. Итоги носят обязательный характер, а не консультативный, хотя в законе о референдуме такой статус не обозначен. Об этом однозначно заявлял премьер-министр перед референдумом, но, главное, с политической точки зрения игнорировать «волю народа» невозможно.

Референдум расколол страну: молодежь в большинстве (75%) голосовала за членство страны в ЕС, старшее поколение – за Брекзит; в меньшинство входят Шотландия (38 : 62) и Северная Ирландия (44,2 : 55,8), убедительным большинством высказавшись в пользу ЕС; Англия (53,4 : 46,6) и Уэльс (52,5 : 47,5)²⁵ – против ЕС, мегаполисы – за «остаться», малые города и глубинка – за «выйти».

В целом людей больше волновали внутренние проблемы (иммиграция – 88% и суверенитет – 90%, существенно меньше экономика – 15%), нежели взаимоотношения Британии с ЕС. Четыре фактора обеспечили перевес на чаше весов. Во-первых, более высокий

абсентеизм среди сторонников ЕС, во-вторых, голосовали даже те, кто не участвовал в парламентских выборах 2015 г.; в-третьих, общественности были ясны последствия выхода страны из ЕС для уровня иммиграции и суверенитета страны, но не воздействие Брекзита на экономику и на их личное материальное положение; в-четвертых, они не столько придерживались позиции «своей» партии, сколько газеты, которую читают. Разделение на правых-левых не столь влияло на позицию по ЕС, сколько по социальным вопросам. Явка среди старшего поколения и сторонников Брекзита была выше, чем среди молодежи и сторонников членства Британии в ЕС. Три группы поддерживали выход Британии из ЕС: экономически уязвимые, настроенные против иммиграции (12% населения, 95% за Брекзит), экономически благополучные евроскептики (23% населения, 75% за Брекзит), старшее поколение из рабочего класса (23% населения, 75% за Брекзит). Таким образом, сложилась довольно широкая коалиция. В нее вошла треть чернокожих и азиатского происхождения участников референдума. Таковы объективные характеристики «брекзитеров».

7 лет «жесткой экономии» после финансово-экономического кризиса 2008 г. (повышение налогов и сокращение социальных расходов, снижение жизненного уровня) изменили предпочтения британцев. Многие из тех, кто голосовал за Брекзит, не столько негативно оценивали ЕС, сколько негативно воспринимали падение своего относительного дохода и осознания, что их дети будут жить хуже, чем они.

Большой бизнес активно участвовал в кампании: более 50% пожертвова-

24 EU Referendum poll tracker. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-36271589> (Accessed: 18.07.2017).

25 UK votes to LEAVE the EU. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results. (Accessed: 18.07.2017).

ний на кампанию перед референдумом поступило от 10 богатых спонсоров (6 из которых поддерживали Брекзит), а 95% – от 100 спонсоров. Данные обнародовала организация “Transparency International UK”. Как сказал ее директор Д. Хеймс, «дебаты вокруг важнейшего вопроса за поколение финансировала кучка невероятно богатых спонсоров, что опасно для любой демократии. Это свидетельствует об общей зависимости политических партий страны от клуба миллионеров в 50 человек», а 76% респондентов считают, что богачи пользуются влиянием на правительство в своих интересах⁹³. Только в голосовании участвовали в подавляющем большинстве рядовые граждане.

Таким образом, интересы Сити, экономическая целесообразность споткнулись об идентичность: свобода передвижения капитала, услуг и товаров – экономические, функциональные показатели не смогли перевесить те, что имеют двойственную природу, будучи и экономическими, и эмоциональными и социальными – свобода передвижения рабочей силы под вывеской свободы передвижения людей.

Если отбросить эмоции, то миллионы избирателей из рабочего класса – жертвы глобализации, жесткой экономики и экономического неравенства, пришли на референдум, «чтобы «поставить фонарь» политической элите, и евроскептицизм с латентным расизмом оказались ни при чем»²⁷.

Брекзит стал симптомом протеста против правящего политическо-

го класса, против неразличимости политических партий. Так, в Британии, например, на последних парламентских выборах 2015 г. тори утверждали, что они – «партия трудящихся», а лейбористы, что они – партия «фискальной ответственности». На краях политического спектра возникли партии, движения и объединения, выражающие интересы социальных групп, которые основные партии исключили из своей повестки дня. Однако речь идет не только, например, о ПНСК с ее харизматичным бывшим лидером Н. Фараджем. Протестные настроения вылились и в кризис Лейбористской партии, лидером которой избран приверженец «твердых левых» взглядов Дж. Корбин, вопреки правому крылу²⁸. В личностях Н. Фараджа и Дж. Корбина простые граждане увидели возможность реализовать свой запрос на искренность и открытость в политике, на то, чтобы называть вещи своими именами.

Экономисты занимались проблемой бедности, но не занимались проблемой неравенства доходов. Предполагалось, что поскольку ВВП («пирог») растет, то каждый так или иначе будет получать все «большой кусок». Акцент на объемах производства подкреплял эту концепцию социального мира, а акцент на доходах поднимает чреватый социальным конфликтом вопрос о том, кто сколько получает и за что²⁹. Тем не менее, экономическое неравенство не представляет собой корень проблемы. Причина недовольства – утрата контроля.

26 Take Back Control: How big money undermines trust in politics. URL: <http://www.transparency.org.uk/publications/take-back-control/> (Accessed: 18.07.2017); Lusher A. More than half of donations to EU referendum campaigns came from just ten wealthy donors. *The Independent*. 16.10.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-eu-referendum-donations-ten-wealthy-political-donors-make-up-half-vote-leave-remain-nigel-a7348321.html> (Accessed: 18.07.2017).

27 Lambert S. Why Labour must listen to Jon Cruddas and use our patriotism to see off UKIP's threat to our working class vote. *LabourList*. URL: <http://labourlist.org/2017/02/why-labour-must-listen-to-jon-cruddas-and-use-our-patriotism-to-see-off-ukips-threat-to-our-working-class-vote/>. (Accessed: 10.02.2017).

28 Подробнее см. (Ананьева, 2016. с.79-92).

29 Galbraith J.K. отмечал в своей книге “The Affluent Society” (1958), что «неравенство перестало занимать умы людей». См.: (Lepenies, 2016).

За Брекзит самые крупные чеки написали богатые бизнесмены. И основной мишенью для рядовых британцев были другие бедные люди – иммигранты, а не богатые люди. Объединяет «брекзитеров» общее ощущение беспокойства из-за неспособности контролировать свои судьбы. На всех ступенях распределения доходов люди испытывают тревогу. Парадоксально, сторонники Брекзита испытывают последствия глобализации потому, что неравенство в доходах в мире снизилось: глобализация привела к тому, что в странах формирующихся рынков сотни миллионов поднялись над уровнем бедности. В 1990-х гг. совокупный ВВП (по обменному курсу) формирующихся рынков составлял едва 1/3 от совокупного ВВП «большой семерки», а к 2016 г. разрыв нивелировался. Не растущее неравенство доходов в отдельных странах, а снижение неравенства в доходах в мире усиливает давление на мировой порядок. Ощущение утраты контроля испытывают политические элиты этих стран, равно как и обычные граждане.

Британия и ЕС после референдума

ПЛАН МЭЙ ПО ВЫХОДУ БРИТАНИИ ИЗ ЕС

Основное недовольство британцев вызывала иммиграция, и эта основная проблема продиктовала исходные позиции британского правительства на переговорах с ЕС после референдума. В январе 2017 г. премьер-министр Т. Мэй объявила, что Брекзит будет «жестким», то есть страна выйдет из единого рынка и таможенного союза из-за необходимости контролировать иммиграцию из ЕС

(въезд мобильных граждан ЕС). Дело в том, что и Брюссель изначально занял жесткую позицию: Британия не может пользоваться тремя свободами единого рынка (передвижения капиталов, товаров, услуг, без четвертой – рабочей силы, людей). Из таможенного союза Британия выходит, поскольку иначе она не сможет заключать торговые соглашения с третьими странами. Между тем, Великобритания принимает участие в европейских торговых сделках с более чем 50 странами по всему миру и получает прибыль от более выгодных условий, связанных с членством в Евросоюзе. Соединенному Королевству остается либо договор о свободной торговле с ЕС, либо правила ВТО. Проблема с договором о свободной торговле заключаются в том, что из него всегда бывают исключения, и для Британии исключения составят рыбную и сельхоз продукцию.

29 марта 2017 г. Т. Мэй направила в ЕС уведомление о выходе Британии из ЕС в соответствии со ст. 50 Лиссабонского договора. Мэй исключила выход из ЕС «без сделки» (что подразумевает торговлю по правилам ВТО).

План правительства по переговорам был опубликован в «Белой книге»⁹⁷ в феврале 2017 г. Он был составлен на основе 12 принципов премьер-министра (17 января 2017 г.). К ним относятся:

- определенность и ясность (неопределенность негативно влияет на рынки);
- контроль над законами страны (Британия, восстанавливая свой суверенитет, выйдет из юрисдикции Суда Европейского союза (Европейский суд), но будет разрабатывать механизм урегулирования споров (например, торговых);

30 The United Kingdom's exit from and partnership with the EU. White Paper. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf (Accessed: 18.07.2017).

- укрепление единства государства (дальнейшая деволюция в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии по мере передачи процесса принятия решений от Брюсселя Лондону);
- сохранение исторических связей и открытой границы с Ирландией;
- контроль над иммиграцией, обеспечение прав граждан ЕС в Британии и британцев в ЕС (будет создана новая система контроля над въездом в страну мобильных граждан ЕС, но ограничивать иммиграцию Британия станет поэтапно, чтобы бизнес приспособился (восполнил нехватку квалифицированных работников и в вузах учились «настоящие» студенты). И ЕС, и Британия заинтересованы в том, чтобы урегулировать проблему экспатов возможно скорее. Однако ЕС еще до начала официальных переговоров обозначил свою позицию: на граждан ЕС в Британии должно распространяться законодательство ЕС пожизненно, что вряд ли устроит Лондон;
- защита прав трудящихся,
- обеспечение свободной торговли на рынках ЕС (Британия выйдет из единого рынка, но будет договариваться о таможенных правилах и соглашении о свободной торговле с ЕС);
- заключение новых торговых соглашений с третьими странами;
- привлекательность Британии для научных исследований и инноваций;
- сотрудничество в борьбе с преступностью и терроризмом;
- поэтапный (smooth), упорядоченный выход из ЕС. Метафорическое описание Брекзита получило уточнение: если раньше его называли «жестким» (hard – выход из единого рынка и таможенного союза),

то сейчас «жестким-но-гладким» (hard-but-smooth).

Безусловно, Британия не стала раскрывать полностью свои переговорные позиции. По всей видимости, переговоры будут полны сюрпризов, тем более что в ЕС существуют разные мнения относительно концепции взаимоотношений с Британией: от «казнить» из Брюсселя, до «помиловать» из Ирландии, Нидерландов и Дании.

ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БРЕКЗИТА ДЛЯ БРИТАНИИ

В «Белой книге» и в выступлениях Т. Мэй, особенно в ходе предвыборной кампании, говорится о защите прав трудящихся. Все же представляется, что трудовое законодательство после выхода страны из ЕС будет ужесточено, поскольку Британия всегда настаивала на «гибком» рынке труда. Социально-экономические последствия Брекзита невозможно рассматривать отдельно от судьбы целых отраслей экономики страны.

Предприниматели будут следить за тремя пунктами переговоров: миграцией, таможенными пошлинами и тарифами, хотя значимость каждого из них для компаний неодинакова.

В первую очередь, компании стремятся сохранить доступ на рынок ЕС – самый крупный для Британии. Таков важнейший пункт переговоров. Если торговое соглашение не будет заключено, британские компании столкнутся с экспортными и импортными тарифами, тщательными проверками на таможне и контролем над соблюдением прав работников из ЕС. Уже сейчас более 80% крупных фирм лоббируют правительство в связи с Брекзитом, хотя оно должно отстаивать интересы стра-

ны, а не отдельных компаний или отраслей³¹.

Тем не менее, в первую очередь, правительство будет отстаивать интересы автостроительной промышленности (19 млрд ф. ст., 800 тыс работников) с длинной цепочкой комплектующих из разных стран, а также финансового сектора (120 млрд ф.ст., 1,1 млн работников), который заинтересован продолжать миллиарды трансграничных операций без бюрократических проволочек, а также опасается перевода штаб-квартир банков из лондонского Сити в страны ЕС. Финансовый сектор входит в сферу услуг, а ее доля в ВВП составляет 80%. Нетарифные барьеры будут касаться, прежде всего, этого сектора.

Еще одна отрасль – сельское хозяйство и пищевая (92 млрд ф. ст., 1 млн работников), самый крупный промышленный сектор страны, по стоимости превышающий автостроение и аэрокосмическую отрасли вместе взятые. Фермеры и пищевики упирают на продовольственную безопасность страны: они настаивают на нулевых тарифах (лишь 52% продуктов питания производится внутри страны)³². Более того, свыше половины доходов фермеры получают благодаря субсидиям ЕС, и 90% ферм могут обанкротиться, если субсидии не будут возмещены³³. Вместе с тем, отмена квот ЕС на объемы производства может открыть этому сектору экономики большие возможности.

Обеспокоены возможным повышением цен в розничной торговле (93 млрд ф. ст., 2,8 млн работников, из них 120 тыс – граждане ЕС). Фармацевтическую промышленность (16 млрд ф. ст., 62 тыс работников) волнуют не столько тарифы, сколько регулирование (20% мировой торговли рецептурными лекарствами). К этой отрасли относится принцип поддержки научных исследований и инноваций.

Условия Брекзита – принцип определенности и ясности – касаются не только крупных, но мелких и средних компаний (99% компаний в основных отраслях и 15,7 млн работников). В мелких фирмах 20% занятых составляют граждане ЕС, 92% экспорта и 85% импорта мелких фирм приходится на рынок ЕС.

С экономическими и социальными последствиями выхода Британии из ЕС, которые еще не обозначились в полной мере, связаны и политические. Именно они не заставили себя ждать.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БРЕКЗИТА

Референдум о членстве Британии в ЕС выявил глубокий раскол в британском обществе по региональному, возрастному, социальному, образовательному и в целом классовому (казалось, забытому в годы экономического процветания постиндустриального общества) признакам³⁴.

Первые политические последствия референдума проявились сразу. Пре-

31 Macadam D. Brexit: What do businesses want from Article 50 talks? URL: <http://www.bbc.com/news/business-39257947> (Accessed: 14.08.2017).

32 UK should produce more of its own food to protect prices, report says. URL: <http://www.bbc.com/news/business-38995446>

33 URL: <https://www.agra-net.com/agra/agra-europe/news-and-analysis/> (Accessed: 14.08.2017).

34 EU Referendum results. The Electoral Commission. URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/upcoming-elections-and-referendums/eu-referendum/electorate-and-count-information> (Accessed: 18.07.2017); EU referendum: full results and analysis. URL: <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2016/jun/23/eu-referendum-live-results-and-analysis> (Accessed: 18.07.2017); EU referendum: How the results compare to the UK's educated, old and immigrant populations. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/24/eu-referendum-how-the-results-compare-to-the-uks-educated-old-an/> (Accessed: 18.07.2017).

мьер-министр Д. Кэмерон, проиграв референдум, вышел в отставку. Новым лидером консерваторов и, соответственно, премьер-министром стала Т. Мэй, опытный политик, занимавший пост министра внутренних дел 6 лет в кабинете Кэмерона. Оба поста она получила без выборов (в партии на последнем этапе ее соперница сняла свою кандидатуру). Тереза Мэй лишь под давлением осторожно высказалась перед референдумом за «Бремейн», а после референдума заявила, что «Брекзит означает Брекзит».

Мэй изначально не намеревалась вести «политические игры» и проводить досрочные выборы, чтобы получить мандат избирателей в качестве премьер-министра, опасаясь, что внутрипартийная борьба, как и межпартийная, вновь обострится, раскалывая страну.

Примечательно, что не только в Консервативной партии избрали нового лидера, но и в Лейбористской партии произошел беспрецедентный бунт против ее лидера Дж. Корбина за вялое (lukewarm) ведение кампании в пользу ЕС. Члены его «теневого кабинета» массово вышли в отставку, а 80% членов парламентской фракции лейбористов выразили ему недоверие. Правых больше волнует способность партии одержать победу на парламентских выборах и прийти к власти в стране, чтобы сбросить правительство консерваторов, а не стойкие принципы. В преддверии и после референдума в партию вступило более 100 тыс. человек³⁵. Парламентская фракция, выразив Корбину недоверие, спровоцировала новые вы-

боры лидера партии. Корбин победил на них с более убедительным результатом – во всех категориях электората партии, чем в 2015 г.

Исторически партийная лояльность для многих людей была единственным способом выразить политические взгляды. Однако после референдума возникла иная шкала предпочтений, в соответствии с которой избиратели могут идентифицировать свои политические предпочтения.

Половина британцев не столь интересуется политикой, чтобы определить свои политические предпочтения. Другая половина британцев по-прежнему лояльна своей политической партии. Из них половина сейчас чувствует больше единения с теми, кто голосовал так же на референдуме, даже если они принадлежат к другой политической партии (33%), чем в однопартийцами, голосовавшими на референдуме иначе (16%)³⁶. К тому же, появилась категория лиц, которых называют «реливерами» (Re-Leavers)³⁷, которые голосовали за то, чтобы остаться в ЕС, но полагают, что правительство обязано исполнить волю народа. Таким образом, появилась иная шкала политических предпочтений, нежели привычный спектр правые-левые.

ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

«Бремейны» не смирились с результатами референдума. Они выиграли в Верховном суде дело против правительства, которое считало, что кабинет обладает полномочиями напра-

35 McTernan J. Is the Labour Party just about Jeremy Corbyn—or is it bigger than that? July 8, 2016. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/politics/labour-party-jeremy-corbyn-membershi-surge> (Accessed: 18.07.2017).

36 Brits have more in common with their Brexit brethren than their party political pals. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/13/brits-have-more-common-their-brexith-brethren-their> (Accessed: 18.07.2017).

37 Forget 52%. The rise of the “Re-Leavers” mean the pro-Brexit electorate is 68%. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/05/12/forget-52-rise-re-leavers-mean-pro-brexith-electora/> (Accessed: 18.07.2017).

вить уведомление о выходе из ЕС. Согласно постановлению суда, оно вынуждено было внести законопроект о выходе из ЕС в парламент. Не без проволочек, но парламент одобрил его. Встретив серьезное сопротивление в Вестминстере, Т. Мэй объявила о досрочных выборах 8 июня 2017 г., обвинив уже своих политических противников в «политических играх» и рассчитывая укрепить консервативное большинство в нижней Палате общин на фоне кризиса в основной оппозиционной Лейбористской партии. Также правительство надеялось, что пошатнутся позиции ШНП, угрожавшей Лондону новым референдумом о независимости Шотландии. Действительно, личный рейтинг Т. Мэй держался на уровне 50% (против 14% у Корбина), консерваторы опережали лейбористов в небывалом соотношении 44 : 23³⁸, и аналитики говорили о длительном «медовом месяце» нового премьер-министра с избирателями. Решившись на досрочные выборы, Т. Мэй рассчитывала на «обвальную» победу тори. Неоспоримое большинство в парламенте укрепляло бы позиции правительства Британии на переговорах с ЕС, заглушило бы голоса «бремейнов» в собственной партии, устранило бы препоны для правительства в Палате общин и Палате лордов (где у консерваторов нет большинства), позволило бы с более сильных позиций вести диалог с ШНП.

Однако уже в ходе предвыборной кампании популярность премьер-министра и позиции правящей партии стали ослабевать. Прежде всего, неприятие общества вызвал отказ Т. Мэй участвовать в прямых теледебатах с

Дж. Корбином, еще большее неприятие – социальная программа предвыборного манифеста тори. Повлияли и теракты, причем не столько теракт в Манчестере 22 мая, сколько на Лондонском мосту в ночь со 2 на 3 июня. Учитывая теракт у Вестминстера ранее в марте, складывалось впечатление, что речь идет не о случайных промахах, а о провалах системы, которую Т. Мэй возглавляла в течение 6 лет в качестве министра внутренних дел в кабинетах Д. Кэмерона. Между тем, Лейбористская партия и Дж. Корбин удачно выступили с предвыборным манифестом, пусть большинство участников опросов считали его положения невыполнимыми. Опросы общественного мнения по преимуществу стали указывать на «простую», а не триумфальную победу консерваторов.

С формальной точки зрения, Консервативная партия выиграла, получив самую высокую долю голосов и мест в парламенте (42,4% голосов и 318 мест, минус 13). Лейбористы получили всего на 2% голосов меньше – 40% голосов и 262 места в парламенте (на 30 больше, чем в 2015 г.). ШНП получила 35 мест, утратив 21 место – в основном в пользу консерваторов, ПЛД – слегка нарастила политический вес (14 мест, на 4 больше), ПНСК – ни одного (1,8% против 12,6% в 2015 г.)³⁹. По существу, партии, победившие формально (тори, ШНП в своем регионе), проиграли морально, а партии, формально проигравшие, победили морально (лейбористы, консерваторы в Шотландии, ДЮП).

Результат оказался провальным для Т. Мэй и ее партии: своей цели Мэй не достигла. Позиции Корбина в пар-

38 Voting Intention: Conservatives 44%, Labour 23% (12-13 Apr). URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/04/17/voting-intention-conservatives-44-labour-23-12-13-/> (Accessed: 14.08.2017).

39 Election 2017 Results. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2017> (Accessed: 14.08.2017).

тии укрепились (результаты выборов в партии расценивают как успех – в основном за счет голосов молодежи, «бремейнов»). Лидер ШНП Н. Стерджен признала, что шотландцы не желают проводить повторный референдум о независимости. ПНСК, вероятно, сойдет с политической арены, выполнив свою «историческую миссию» – добившись выхода Британии из ЕС (ее избиратели отошли в основном к консерваторам).

Т. Мэй как действующий премьер-министр получила право сформировать правительство. Однако политическое поле Британии слишком фрагментировано, и идейная реполяризация партий, прежде неразличимых в погоне за голосами политического центра, зашла довольно далеко. Для Т. Мэй оставался только один партнер – Демократическая юнионистская партия, одна из партий Северной Ирландии (10 мест). Т. Мэй решила сформировать правительство меньшинства при поддержке в парламенте со стороны ДЮП при голосовании по Тронной речи королевы, в которой излагается программа правительства на 2 года (фактически вотуму доверия), и бюджету.

В Северной Ирландии, прежде всего, беспокоятся, что в результате «жесткого» Брекзита, на который нацелена Т. Мэй, может оказаться закрытой граница между Северной Ирландией и Республикой Ирландия. Возражает ДЮП и против суровых мер социальной политики консерваторов.

К тронной речи королевы (21 июня) стороны еще не достигли соглашения. Основное содержание речи сводилось к намерению правительства сформировать «максимально широкий консенсус в отношении будущего страны за пределами Европейского союза». Очевидно, «жесткий» Брекзит правительству придется смягчить. В свете выхода Британии из ЕС (и независимо от ис-

хода переговоров с Брюсселем) в программу включены 8 законопроектов, которые будут подготовлены до выхода Британии из ЕС:

- иммиграция (контроль над въездом мобильных граждан ЕС, отбор по профессиональной квалификации, и их подчинение британским законам); международных санкций;
- ядерные гарантии (ввиду выхода страны из Евратома с наделением Агентства по ядерному регулированию);
- рыболовство (Британия должна нести ответственность за доступ к рыбным запасам и регулировать свои воды)
- таможенного контроля (изменение ставки НДС, ставок акцизов. Ныне установленных ЕС) с целью обеспечить «независимую торговую политику»;
- сельское хозяйство (обеспечить стабильность в отрасли и систему поддержки фермеров и производителей пищевой продукции при замене Общей сельскохозяйственной политики ЕС национальной);
- международные санкции (самостоятельно вводить санкции, помимо наложенных ООН, совместно с союзниками).

Основное: будет отменен Акт о Европейских сообществах 1972 г. и отменена юрисдикция Европейского суда; в законодательство Соединенного Королевства будут инкорпорированы законы ЕС, а затем парламент будет решать, какие из них в целом или частично будут сохранены.

Даже соединив усилия, тори и ДЮП смогут контролировать лишь 328 голосов в парламенте, при необходимом большинстве в 326 голосов (рабочее большинство составляет 319 голосов,

поскольку депутаты от североирландской Шинн Фейн не участвуют в заседаниях парламента – избрано 7 депутатов).

Лидер оппозиции Ее Величества – Дж. Корбин – заявляет, что Лейбористская партия будет действовать в режиме «постоянной избирательной кампании», и он готов возглавить лейбористское правительство меньшинства. В дальнейшем расстановка политических сил во многом будет зависеть от хода и итогов переговоров Британии с ЕС. Аналитики прогнозируют еще одни досрочные выборы в конце 2017- начале 2018 г.

Объективными факторами негативного исхода референдума о членстве Британии из ЕС послужили противоречие интересов различных групп бизнеса; размежевание в обществе между выигравшими и проигравшими от глобализации. На объективные факторы наложились и субъективные: непримиримая позиция евроскептиков-то-ри, угрожавших правительствам Д. Кэмерона «бунтом-заднескамеечников» в парламенте; и стремление премьер-министра в узкопартийных интересах сохранить государственную власть за консерваторами. К ним относится и волатильность общественного мнения, обусловленная экономической конъюнктурой и слабыми представлениями рядовых подданных королевства об истинном характере взаимоотношений Британии и ЕС.

Британцам предложили дать простой ответ на сложный вопрос. С политической точки зрения, «отменить» Брекзит невозможно, и борьба продолжится вокруг «жесткого» и «мягкого» вариантов Брексита, что сродни неразрешимой задаче квадратуры круга. Политический кризис, вызванный Брекзитом, в обозримом будущем лишь усугубится.

Список литературы

Ананьева Е. (2016). Исчезающий центр. *Международная жизнь*, (10). 79-92.

Бабынина Л.О. (2012). *Гибкая интеграция в Европейском союзе: Теория и практика применения*. М.: Издательство ЛКИ. 304.

Еремина Н.В. (2017). Корни Брексита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 87-105. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-01-87-105

Капитона Н.К. (2014). Британия в Евросоюзе: эволюция взглядов. Громыко А.А., Ананьева Е.В. (ред.). *Дилеммы Британии. Поиск путей развития*. М.: Весь мир. 297-323.

Лабин Д.К., Ретюнский В.С. (2017). «Брекзит» и его последствия для международных инвестиционных и торговых договоров Великобритании. *Московский журнал международного права*, 1 (101). 41-49.

Молчаков Н.Ю. (2017). Конституционно-правовой статус Шотландии сквозь призму британского регионализма. К очередному юбилею Акта о Соединении 1707 г. *Московский журнал международного права*, 2 (2016). 161-173.

Перегудов С.П. (1996). *Тэтчер и тэтчеризм*. М.: Наука. 301.

Суслопарова Е.А. (2016). Отношение ЛПВ к европейской интеграции. Ананьева Е.В., Бударгина А.В. (ред.). *Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия*. Ч.1. М.: Институт Европы РАН. 49-53.

Clarke H.B., Goodwin M., Whiteley P. (2017). *Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press. 272.

Evans G., Menon A. (2017). *Brexit and British Politics*. London: Polity. 140.

Haughton T., Copsey N. (2014). Farewell Britannia? “Issue Capture” and the

Politics of Cameron's EU Referendum Pledge. *Journal of Common Market Studies*, 52 (51). P. 74-89. DOI: 10.1111/jcms.12177

Lepeniev P. (2016). *The Power of a Single Number*. New York: Columbia University Press. 208.

Oliver C. (2017). *Unleashing Demons: The Inside Story of Brexit*. London: Hodder. 448.

References

Ananieva E. (2016). The hewing center. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (10). 79-92.

Babynina L.O. (2012). *Flexible integration into the European Union: Theory and practice of application*. Moskva: Izdatel'stvo LKI. 304.

Clarke H.B., Goodwin M., Whiteley P. (2017). *Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press. 272.

Eremina N.V. (2017). The Roots of Brexit: Conflict of Identities in the United Kingdom. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 10 (1). 87-105. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-01-87-105

Evans G., Menon A. (2017). *Brexit and British Politics*. London: Polity. 140.

Haughton T., Copsey N. (2014). Farewell Britannia? "Issue Capture" and the

Politics of Cameron's EU Referendum Pledge. *Journal of Common Market Studies*, 52 (51). P. 74-89. DOI: 10.1111/jcms.12177

Kapitona N.K. (2014). Britain versus the European Union: the evolution of views. Gromyko A.A., Anan'eva E.V. (eds.). *Dilemmas of Britain. Search for development paths*. Moskva: Ves' mir. 297-323.

Labin D.K., Retyunskii V.S. (2017). Brexit and its Implications for the UK International Investment and Trade Agreements. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1 (101). 41-49.

Lepeniev P. (2016). *The Power of a Single Number*. New York: Columbia University Press. 208.

Molchakov N.Yu. (2017). Constitutional Status of Scotland in the light of the British regionalism. To the Jubilee of the Act of the Union of 1707. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2 (2016). 161-173.

Oliver C. (2017). *Unleashing Demons: The Inside Story of Brexit*. London: Hodder. 448.

Peregudov S.P. (1996). *Thatcher and Thatcherism*. Moskva: Nauka. 301.

Susloparova E.A. (2016). The attitude of Labour Party to European integration. Anan'eva E.V., Budargina A.V. (eds.). *The UK EU Membership Referendum. Campaign, results and implications. Part 1*. Moskva: Institut Evropy RAN. 49-53.

Информация об авторе

Елена Владимировна Ананьева, кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований, Институт Европы Российской академии наук

125009, Российская Федерация, Москва, Моховая ул., 11-3В
e-ananieva@yandex.ru

About the Author

Elena V. Ananieva, Cand. Sci. (Philosophy), Head of the Center for British Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3B, ul. Mokhovaya, Moscow, Russian Federation, 125009
e-ananieva@yandex.ru

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-120-137

Александр Владимирович КОРОЛЬКОВ

АО «Российские космические системы»

Авиамоторная ул., 51, Москва, 111020, Российская Федерация

korolkov_av@spacescorp.ru

Татьяна Юрьевна РУСАКОВА

Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

Докучаев пер., 4, Москва, 107078, Российская Федерация

rusakova@centero.ru

Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле

АННОТАЦИЯ. История человечества знает немало примеров, когда отдельные личности круто меняли ход истории стран и народов. 5 марта 2013 года ушел из жизни один из самых влиятельных политиков Латинской Америки. Однако личность Уго Чавеса до сих пор является предметом дискуссий и доминирует в венесуэльской политической повестке дня, оставляя в тени нынешнего президента Николаса Мадуро. Как это ни парадоксально, но рейтинг одобрения Чавеса даже почти через пять лет после его смерти остается на уровне 50%. Мадуро и его правительству приходится довольствоваться скромным рейтингом в 20% и обвинениями в коррупции и доведении страны до коллапса.

Статья ставит задачу проанализировать, какие факторы способствовали возникновению феномена Уго Чавеса и какие последствия имело харизматическое лидерство для политических процессов, которые происходят в современной Венесуэле.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: популизм, харизматическое лидерство, Венесуэла, Уго Чавес

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корольков А.В., Русакова Т.Ю. (2017). Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 120-137. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

Alexander V. KOROLKOV

Joint Stock Company "Russian Space Systems"
51, ul. Aviomotornaya, Moscow, Russian Federation, 111020
korolkov_av@spacecorp.ru

Tatiana Yu. RUSAKOVA

Association of Independent Experts "Center for Crisis Society Studies"
4, per. Dokuchaev, Moscow, Russian Federation, 107078
rusakova@centero.ru

Charismatic Leadership as a Factor of Power in Venezuela

ABSTRACT. *The history of mankind knows a lot of examples when individuals abruptly changed the course of the history of countries and peoples. On March 5, 2013, one of the most influential politicians of Latin America passed away. However, the identity of Hugo Chavez is still the subject of debate and dominates in the Venezuelan political agenda, leaving behind the present President Nicolas Maduro. Paradoxically, Chavez's approval rating even remains almost 50% after almost five years after his death. Maduro and his government have to be content with a modest rating of 20% and accusations of corruption and bringing the country to a collapse.*

The article sets the task to analyze the factors contributed to the emergence of the phenomenon of Hugo Chavez and the consequences of the charismatic leadership for the political processes in modern Venezuela.

KEYWORDS: *populism, charismatic leadership, Venezuela, Hugo Chavez*

FOR CITATION: Korolkov A.V., Rusakova T. Yu. (2017). *Charismatic Leadership as*

a Factor of Power in Venezuela. Outlines of global transformations: politics, economics, law, 10 (6). 120-137. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

Харизматическое лидерство: эволюция теории

Рассматривая феномен харизматического лидерства в Латинской Америке, невозможно не упомянуть тот теоретический багаж по проблеме политического и харизматического лидерства, который накопили социальные науки более чем за два столетия.

Изначально исследователи рассматривали феномен харизмы как неотъемлемую черту власти. Само это явление было промежуточной стадией, предвещающей институционализацию политической власти. Социолог-классик Макс Вебер, на чьи труды принято прежде всего опираться при исследовании феномена харизмы, считал, что харизма – это некое «сакральное» ощущение, на котором основывается автори-

тет лидера, и оно полностью иррационально в отличие легального господства, которое единственное из всех типов власти, выделенных Вебером, выступает эффективно рациональным. Лидерство, которое основывается на харизматическом господстве, абсолютно чуждо институциональным правилам (Вебер, 1990).

После Макса Вебера интерес к исследованию харизматического лидерства усилился, и ученые объясняли этот феномен с точки зрения различных аспектов, сформировав два научных направления – психологическое и социально-историческое. Первое сфокусировалось на психологической природе харизматического лидерства и на том, как лидера воспринимают его последователи, полагая это ключевым элементом возникновения и функционирования харизматического лидерства (Willner, 1984, p. 77-88, Navarro, 1982, p. 126-138). Были выявлены ряд индикаторов харизматического лидерства, которые объясняли «картинку» нужного восприятия у последователей. С точки зрения Э. Уиллнер, последователи лидера отождествляют его со спасителем или даже с богом, уверены в его всемогуществе и особых качествах, а также сильно связаны с ним эмоционально, например, используют объекты, которых касался лидер, в качестве реликвий, готовы пожертвовать собой во имя него (Willner, 1984, p.12).

Вторая научная школа, занимающаяся исследованием феномена харизматического лидерства, первопричиной этого явления полагает социальный и исторический контексты, впрочем, не отказываясь от фактора эмоционального восприятия и психологизма. Исследователи социально-исторической школы утверждают, что искать причины, послужившие «взлету» лидеров, необходимо в обществе, так как харизматические личности, сами являясь по

сути общественным продуктом, тонко чувствуют все общественные настроения и умело этим пользуются (Ratnam, 1964, p. 341-354).

Когда в стране царят фрустрация и социальная дезинтеграция, когда социальные институты ослаблены и по каким-то причинам не выполняют свои функции, харизматический лидер приходит на помощь, чтобы снова «собрать» общество в единое целое.

Кроме того, харизматическое лидерство – это, прежде всего, не только феномен, характеризующий определенную эпоху и фазу развития нации, но инструмент для управления массами, которые могут быть мобилизованы в контексте социального, экономического или политического кризиса (Di Tella, Germani, Ianni, 1973, p. 73; Germani, 1978, p.89). В социально-исторической школе харизматический лидер рассматривается в качестве «медиума» (Niekerk van, 1974, p. 211), который служит посредником в возникновении классового альянса для достижения неких общих целей. Фактически харизматический лидер задает новые жизненные направления социальным слоям, помогая им вновь «обрести себя», а также уменьшить уровень агрессии в обществе и повысить уровень лояльности к режиму.

Венесуэла была образцом демократии, где почти 40 лет, сменяя друг друга, правили две политические партии – АД и КОПЕИ. Двухпартийная система оказалась скомпрометирована коррупцией чиновников и политиков и потеряла свою легитимность к началу 90-х годов прошлого века. Кроме того, ее подтачивал серьезный экономический кризис, вызванный обвалом цен на нефть и огромный внешний долг. Последней каплей, забившей гвоздь в крышку гроба бипартизма, стал бунт Каракасо в 1989 году, как народный ответ на действия власти впервые с 1935

года (Ellner, 1988, p.31), и жестоко подавленный правительством. Каракасо обнажил всю неприглядную изнанку ситуации в Венесуэле – огромных масштабов социальное неравенство, исключение из политической жизни многих социальных слоев, потребность общества изменить систему. Боливарианский социализм – это последствие возникновения в свою очередь «дикого» неолиберализма в Латинской Америке и в Венесуэле, в частности. Тогдашний президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, пришедший на второй срок, в разгар экономического кризиса, руководствовался в своих реформах чисто экономическими мотивами в неолиберальном стиле, не учитывая при этом политические последствия. Так что в конце февраля 1989 года нереализованные ожидания и фрустрация народа вкупе с неспособностью политических партий артикулировать общественные интересы привела к серьезным народным волнениям, которые, в свою очередь, как снежный ком, потянули за собой попытку переворота 1992 года, последующий путь Чавеса к президентскому креслу уже по демократическим правилам и его оглушительный триумф на президентских выборах 1998 года.

Архетипы политической культуры как фактор возникновения харизматического лидера

Без сомнения, объясняя феномен появления и успеха харизматического лидера у масс, стоит принимать во внимание как аспекты, фокусирующиеся на личных характеристиках харизматичных политиков, так и социально-политическую обстановку, в которой формируются их личности. Однако не во всех странах наличие особенных условий, например, социально-политиче-

ского или экономического кризисов гарантирует появление харизматического лидера-популиста. Некоторые страны более склонны формировать политиков такого плана. Латинская Америка дала истории множество ярких неординарных личностей от Эвиты и Жетулио Варгаса до Рафаэля Корреа, Эво Моралеса и, разумеется, Уго Чавеса. Ответ на вопрос, каковы причины «взрывной» популярности политических деятелей, чью политику обычно характеризуют как популизм, с нашей точки зрения, необходимо искать в особенностях политической культуры Латинской Америки и Венесуэлы, в частности.

Понятие «политическая культура» имеет богатую историю, впервые его в конце XVIII века употребил немецкий философ И. Гердер (Гердер, 1977, с. 368), однако более тщательное осмысление термин получил в работе «Сравнительные политические системы» американского политолога Г. Алмонда в 50-х гг. прошлого века, и чье определение политической культуры принято считать классическим. Алмонд считает политическую культуру политической системой, усвоенной в чувствах, сознании и оценках населения (Almond, Verba, 1965, p.81). Таким образом, это есть не что иное, как набор неких типовых образцов социального поведения, которые передаются от поколения к поколению.

Такие «шаблоны» есть в каждой стране. Они непрерывно воспроизводятся в рамках исторического процесса, иногда претерпевая некоторые изменения в зависимости от социально-политического контекста. Каждая политическая культура обладает набором типичных, разнородных, иногда противоречивых характеристик, из которых складывается уникальный «культурный код» нации. В случае с Венесуэлой – ключевыми характеристика-

ми можно назвать «сплав» взглядов, характерных для государств с традиционным укладом (сакрализация своего исторического прошлого, примат государственных интересов над личными, инертность, склонность к авторитарным методам правления), с воззрениями, присущими западной цивилизации с ее гипертрофированным индивидуализмом, фокусированием на правах и свободах человека и культом потребления. Этот элемент накладывается на не всегда мирное сосуществование субкультур нации, основанных на этнических, классовых и территориальных различиях. Эту гетерогенность усиливает типичная для относительно молодых латиноамериканских государств склонность к политическому противостоянию и абсолютизации роли насилия для политической борьбы. Отсюда проистекает еще одна ключевая характеристика венесуэльской политической культуры, которую мы назвали антинормичностью из-за склонности венесуэльцев к дихотомиям вроде «демократия – авторитаризм».

Сакрализация своего исторического прошлого – это практически религиозный трепет по отношению к национальным героям Венесуэлы. Вряд ли будет кощунством утверждать, что популярность самой главной исторической фигуры для венесуэльцев, Симона Боливара, даже может посоперничать с католической церковью. Венесуэльцы воспринимают Боливара теологически, буквально обожествляя его.

Венесуэла сделала своим народным заступником Симона Боливара (Dineen, 2001). Его заслуги по освобождению стран Латинской Америки от испанского колониализма и породили культ Боливара у венесуэльцев, сделав его сакральной фигурой.

Таким образом все, что связано с Боливаром, априори сакрально, поэтому закономерно. Этим не преминул воспользо-

ваться в 20-х гг. прошлого века венесуэльский диктатор Хосе Висенте Гомес, возглавлявший страну с 1909 по 1935 гг. Именно при нем была создана теория демократического цезаризма для оправдания и легитимации диктаторских методов правления. По этой теории, народ всегда находится во власти инстинктов, по своей природе деструктивен и сам неспособен на позитивные изменения. Поэтому народ нуждается в демократическом цезаре. Он является защитником социального порядка и национального суверенитета. Такой правитель является необходимым жандармом для народа. Создатель теории демократического цезаризма Лауреано Вальенилья Ланс приводил в пример Боливара и полагал, что процветание латиноамериканских наций возможно только тогда, когда у власти находилась сильная личность (Carrera Damas, 1969, p.170). После длительной диктатуры Гомеса в Венесуэле установился стабильный демократический период, однако массы продолжали неявно желать сильную личность в качестве главы государства (Pion-Berlin, 2001, p.161).

Стремление венесуэльцев к «сильной руке» можно объяснить и историческими, и социально-психологическими факторами. Так называемый эффект «нефтяной культуры», несмотря на стремительное падение уровня цен на углеводороды в конце 80-х годов и, как следствие, резкое ухудшение уровня жизни населения, продолжал иметь определяющее значение для венесуэльцев. Став обществом потребления в «тучные» годы высоких нефтяных цен, привыкнув на выходные летать в Майами, где за привычку сорить деньгами венесуэльцы получили от местных меткую кличку «дайте два», средний и высший классы венесуэльского общества оказались в ситуации ожидания мгновенного решения всех проблем, как правило, за счет высоких нефтяных по-

ступлений, без структурных экономических реформ. Все это способствовало росту инертности и апатии в обществе. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет назвал такие общественные настроения диагнозом «человек-масса» (Ortega y Gasset, 1996, p.131), явлением, которое всегда характеризовало современную западную цивилизацию. Экономический крах конца 80-х годов только усугубил апатичные и безответственные настроения в обществе, и это на долгое время стало его характеристикой.

Уровень абсентеизма также демонстрировал нежелание изменений в венесуэльском обществе. По данным Национального избирательного совета Венесуэлы, начиная с выборов 1988 года этот показатель стал расти и к президентским выборам 1998 года достиг 36%¹. Однако учитывая изначальную противоречивость венесуэльской политической культуры, инертность всегда шла вровень с культурой протестов, которая, как и инертность, присуща западной цивилизации, которая берет свое начало с 90-х гг. XX века. Как свидетельствуют цифры венесуэльской НКО по правам человека за 10 лет наблюдений, которые делала организация с 1989 по 1999 гг., она фиксировала в среднем по две протестных акции за день (López Maya, 2003, p.215). Поэтому наряду с апатичными настроениями мы можем наблюдать зарождающийся процесс мобилизации и стремление к изменениям, которые возникли по причине тяжелого экономического и политического кризиса в Венесуэле.

Чавес выступал «реинкарнацией Боливара», освобождая народ от «оков неолиберализма», и это нашло живой отклик в сердцах избирателей. В таком контексте его приход к власти выглядел

как «божье провидение». Умело апеллируя к образу национального героя, Чавес вселил в общество надежду на национальное возрождение Венесуэлы.

Образ отважного подполковника-десантника, который активно эксплуатировал Уго Чавес в своей предвыборной гонке в 1998 году, был востребован избирателями и вызывал симпатии к этому необычному кандидату в президенты, которые со времен провала в 1992 г. возглавляемого Чавесом военного переворота только усилились. Несмотря на подавление путча правительством, в то время градус политического напряжения был крайне высок, недоверие населения к властям росло, и его симпатии были на стороне мятежников.

В то же время, как это ни парадоксально, граждане Венесуэлы, однозначно позитивно относившиеся к мятежным офицерам, считали демократию наиболее предпочтительной формой правления для страны. Как показали цифры исследовательского агентства «Латинобарометро», за демократию высказывались от 60 до 64% населения Венесуэлы. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что венесуэльцы в некоторых случаях не отвергали и возможность авторитарного правления, считая, что иногда такой режим может быть предпочтительнее демократического, хотя эти цифры и гораздо меньше, чем сторонников демократического правления – около 24% (Murillo, 2005, p. 120). Все это дает основания утверждать, что венесуэльская политическая культура представляет собой подобие «лоскутного одеяла», где причудливым образом смешиваются составляющие традиционного и современного общества. Это, в свою очередь, ведет к вре-

1 Elecciones presidenciales. Cuadro comparativo (1958-2000). URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 28.11.2017).

менами неразрешимым политическим противоречиям, расколу общества и дальнейшему нарастанию социально-политического напряжения.

Следует заметить, что не в последнюю очередь на такую ситуацию влияет еще один важный элемент венесуэльской политической культуры – наличие множества субкультур в рамках единой доминирующей. Современная народная венесуэльская культура – это результат смешения трех культур: индейской, африканской и испанской, которые встретились друг с другом в начале процесса колонизации Америки. В XIX веке на территорию страны эмигрировали немцы, французы и итальянцы, а в XX веке с развитием нефтяной промышленности пришли и американцы. В период гражданской войны в Испании в Венесуэлу прибыла вторая волна эмигрантов из европейских стран. Все эти этнические группы и сформировали современную венесуэльскую культуру.

Несмотря высокий уровень ассимиляции, есть индивиды и целые социальные и этнические группы, ценности которых не успели окончательно встроиться в единый «плавыльный котел» доминирующей культуры. С учетом такого многообразия существующие субкультуры нередко конфликтуют между собой, особенно во времена кризисных ситуаций в стране.

В качестве господствующих элементов политической культуры Венесуэлы в этой связи нельзя не упомянуть о такой ее черте как склонность к конфликтам и конфронтации, не только в повседневной, но и в политической жизни. Российский исследователь Сергей Семенов считает, что «абсолютизация роли насилия в политической жизни присуща всей культуре Латинской Америки на протяжении ее существования» (Семенов, 1999, с.51), что объясняется длительным историческим пе-

риодом нестабильности, существованием диктатур и, как следствие, наличием политического насилия. Венесуэла здесь не является исключением. По мнению венесуэльского исследователя Альберто Грусона, за всю свою историю Венесуэла пережила несколько временных периодов виоленсии (Gruson, 2004, p.67). С 70-х годов XIX века виоленсия постепенно усиливалась, а ее пик пришелся на народное восстание Каракасо в 1989 году и продолжал расти еще последующие десять лет, выражаясь в резком увеличении совершенных в стране преступлений и закреплении виоленсии практически на всех институциональных уровнях.

Толерантность к насилию и его восприятие как самого надежного инструмента для решения всех проблем протекает, прежде всего, не только из политической сферы. Виоленсия затрагивает и социальные отношения, что, в свою очередь, напрямую влияет на характер венесуэльской политической культуры. Под термином «насилие» здесь понимаются не только и не столько уголовные преступления. Насилие в Венесуэле – это некий социальный паттерн, который закреплён на институциональном уровне, и поэтому одобряем всеми – от политиков до обычных граждан. Насилие применяется к конкретным личностям, к предприятиям, к экономике в целом, к политическим акторам. Во времена правления диктатора Х.В. Гомеса власти применяли жестокое насилие к несогласным, чтобы защитить свой политический режим. Пребывание у власти М. Переса Хименеса, который был свергнут путем переворота в 1958 году, так же отмечилось нарушениями прав человека и кровавыми репрессиями. Полиция ликвидировала оппозиционеров, обладая на то специальными полномочиями. По некоторым данным таким образом устранили 300 человек (Rico, 1998, p.114). Раскрутившийся маховик

политического насилия не удалось остановить даже тогда, когда к власти пришло демократическое правительство, и в Венесуэле установилась двухпартийная система. На улицах страны по-прежнему случались манифестации, которые жестко пресекала полиция, с многочисленными ранеными и убитыми.

Апогей насилия пришелся на конец 80-х гг. Жестокое столкновение правительства и граждан Венесуэлы в 1989 году было вызвано как серьезным кризисом государственных институтов, так и экономическим кризисом. Все это привело к утрате социальных связей, потере чувства безопасности, а также к желанию восстановить социальную справедливость. Экономический кризис усилил социальное расслоение, которое временно было замаскировано благополучием нефтяного бума 70-х годов, и окончательно разрушил хрупкое перемирие социальных классов в Венесуэле. Страну захлестнула новая волна преступности. Всего за два года (с 1992 до 1994) число убийств в абсолютном выражении выросло вдвое² и составило 22 человека на сто тысяч (Londoño, Gaviria, Guerrero, 2000. p. 263). Разрушалась двухпартийная система власти под гнетом коррупции и плачевного состояния экономики. После неудавшегося переворота с участием венесуэльских офицеров государство перестало обладать монополией на законное насилие. Образовался властный вакуум. Другие институты, например церковь, не имели сильного влияния на поведение людей. В 1998 году в Венесуэле по данным венесуэльской НКО Observatorio de violencia, было совершено 4,5 тыс. убийств³. Насилие прочно внедрилось в повседневный быт граждан Венесуэ-

лы. Кризис государства и власти происходил из-за отрицания их авторитета в их существующей конфигурации.

На фоне стремления восстановить социальную справедливость и жажды кардинальных изменений политической системы Чавес выступал как бунтарь и реформатор. В то же время, учитывая тот факт, что он был военным, он подспудно воспринимался как «сильная личность», обещающая решение существующих проблем «твердой рукой», что усилило его позиции среди избирателей, которые разочаровались в старой властной системе. Кроме того, именно потому что Чавес был военным, его в венесуэльском обществе изначально считали «своим». В Венесуэле армия всегда рассматривалась как инструмент социальной мобильности, и в отличие от других военных институтов в Латинской Америке венесуэльская армия всегда имела в себе сильную «народную» компоненту. Большинство офицеров, которые служили в венесуэльских ВС, имели скромное социальное происхождение и надеялись с помощью службы в армии потом занять достойное место в жизни и иметь определенную власть. Поэтому армия и гражданское общество в Венесуэле имели сильную связь.

Нельзя не сказать и о доминирующем в культуре Венесуэлы (как впрочем и во всех остальных странах Латинской Америки) феномене так называемого «мачизма», оказывающем сильное влияние и на политическую культуру. В венесуэльском обществе бытует стереотип об «идеальном мужчине», «мачо», который бескомпромиссен, иногда жесток, его не пугает открытый конфликт. В глазах других он выглядит бесстраш-

2 В 80-е гг. на каждые 100 тыс. чел приходилось 10 убийств.

3 Briceño-León R. Violence in Venezuela oil rent and political crisis. 2007. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&id=S1413-81232006000200010 (Accessed: 19.11.2017).

ным защитником и храбрым воином. Картинка такой мужественности настолько прочно закрепилась в венесуэльском обществе, что мальчиков еще с детства приучают соответствовать «правильным» общественным ожиданиям. Драки между мальчиками поощрялись матерями (Gruson, 2004, p.107). Доходило до того, что матери сами приводили своих сыновей к сопернику домой, чтобы после спровоцированной драки дети сумели доказать, что они «мачо». Помимо общественных установок мужественность также поддерживается на институциональном уровне, например, в армии, что логично для этого государственного института. Кроме того, армия как государственный институт – едва ли не единственный, который обладает относительной стабильностью даже в кризис и при политических изменениях, будучи консервативным по своей природе. Консерватизм военных воспринимается обществом как единственный институт, который в состоянии обеспечить закон и порядок, даже если все остальные государственные институты не работают. Такое видение общественного сознания по отношению к армии также способствовало увеличению рейтинга Уго Чавеса в канун президентских выборов и в итоге привело его к победе.

Высокая конфликтность венесуэльского общества и его политической культуры, сочетание в ней противоречивых и даже взаимоисключающих элементов характеризуют ее антиномичность и цикличность. Ключевая антиномия венесуэльской политической культуры – «демократия – авторитаризм», «насилие – мир», которая в зависимости от исторических обстоятельств и социально-политических факторов преобладает одна из категорий, вторая же является второстепенной и формирует циклы. Самый яркий пример – венесуэльское партизанское

движение 60-х годов и вышедшая из него левая политическая партия «Движение к социализму» (Movimiento a socialismo, MAS). Несмотря на то, что партизанское движение было подавлено венесуэльскими вооруженными силами, фактор силы – не единственный, который поспособствовал поражению герильи. Прекращению вооруженного конфликта способствовала и благоприятная экономическая ситуация, а также политика государства, которое, используя доходы от нефтяного экспорта, осуществило социальные и аграрные реформы, начав давать населению кредиты на покупку земель, построив школы и больницы, а также разработав жилищные программы для населения. Все это в конечном итоге способствовало повышению уровня жизни сельского населения, и стало очевидно, что на конкретном историческом этапе попытка решать проблемы насильственным путем провалилась, и бывшие партизаны предпочли демократический путь интеграции в политическую жизнь страны. Экс-герильерос создали свою собственную партию, участвовали в выборах без каких-либо препятствий со стороны государственной власти, и смогли окончательно встроиться в легальную демократическую повестку политической жизни Венесуэлы, переродив таким образом все левое движение и поспособствовав мирному завершению конфликта. MAS отказалась от радикального социализма и превратилась в умеренно-консервативную партию, руководствуясь в своей политической деятельности прагматическими мотивами и демонстрируя политическую гибкость. По мнению венесуэльского общественного деятеля Ф. Муньоса, в случае с MAS впервые в истории нации социализм был инкорпорирован в политическую культуру (Ellner, 1988, p. 149).

Метаморфозы, которые произошли с венесуэльским левым движением, показывают смену «революционного» цикла развития страны на консервативный. Установившаяся двухпартийная политическая система, где партии имели минимальные идеологические различия, ознаменовала довольно длительный период политической стабильности. Этому способствовали стремление партийных лидеров «сглаживать углы» в риторике, структура социальной базы партий, где в основном преобладал средний класс, а не маргиналы, а также институционализация партий, которые были тесно связаны с профсоюзами и иными политическими структурами.

Однако после того, как в 80-х годах прошлого века разразился экономический и социально-политический кризис, радикальный цикл политического развития снова восстановил свои позиции. Произошел раскол общества:росло классовое расслоение, усилилась социальная поляризация, резко вырос неформальный сектор в экономике. Венесуэльское общество разочаровалось в демократическом режиме правления, снова стала доминировать идея «сильной руки», усилились патерналистские установки. Эти факторы в конечном итоге и поспособствовали появлению яркого харизматического лидера, популиста, который опирался в своей политической деятельности на «разочарованный демократией» электорат.

Дуализм венесуэльской политической культуры, склонной в разное время и к демократическому плюрализму, и в то же время к авторитаризму (Crisp, 2000, p.18), отличает ее от политической культуры западных демократий. В то же время есть ученые, которые считают, что подъем демократических настроений и сорокалетняя политическая стабильность были лишь временными эпизодами, которые в целом

не подорвали авторитарную традицию венесуэльской политической культуры (Wiarda, MacLeish Mott, 2003, p.19). Тем не менее целесообразно говорить о ней как о цикличной, противоречивой, гетерогенной и конфликтной. В странах, где доминирует такой тип политической культуры, более вероятно появление и длительное пребывание у власти харизматических лидеров.

Конструирование популистского дискурса

В поисках ответа на вопрос о том, как стало возможным появление такого политика, как Уго Чавес, нельзя не остановиться на проблеме формирования нового дискурса, в том смысле, как его понимает аргентинский исследователь Эрнесто Лакло. Дискурс выступает здесь как особая область, в которой создаются значения и смыслы. Любой объект, который попадает в социальное поле, обретает свое значение лишь благодаря конфигурации поля дискурса, который и наполняет смыслом тот или иной объект (Laclau, 2006, p.15).

В частности, дискурс как совокупность языковых практик формирует особое поле, где действует актор и создается общественно-политическая реальность. Различные дискурсы соперничают и могут сменять друг друга в зависимости от ситуации. Будучи жестко ритуализированным и имеющий дискриминационную природу, властный политический дискурс изначально ограничивает число индивидов, включенных в него. Некоторые индивиды могут быть отлучены от властного дискурса на том основании, что их дискурсивные практики рассматриваются в качестве «ложных» (Фуко, 1996, с. 55). Именно это и произошло с венесуэльскими партиями Демократическое действие (Acción Democrática,

AD) и Партией христианских демократов (Comité de Organización Política Electoral Independiente, COPEI), которые безраздельно господствовали в политике Венесуэлы четыре десятилетия. Их дискурсы во время президентской гонки и после прихода Уго Чавеса в президентский дворец однозначно обозначались Чавесом ложными⁴.

Политический дискурс У. Чавеса как политическая практика охватывает всю историю Венесуэлы – от провозглашения независимости и до конца 20 века. Чавес «переработал» историю Венесуэлы, характерными чертами которой стали ориентация на революцию и такие ценности, как национализм, образование, создание новой конституции и нового общества. В итоге это вылилось в боливарианский проект и образ «спасителя нации». Та борьба, которую вел Чавес в дискурсивном поле, по сути, продолжение войны Венесуэлы за независимость. Внешняя политика, которую проводила Венесуэла во время его президентства, это подтверждает. Особое внимание он уделял интеграционным процессам в регионе, которые не ограничивались созданием торговых альянсов со странами Латинской Америки (прежде всего речь идет о вхождении в МЕРКОСУР). Чавес стремился создать абсолютно новую систему региональной интеграции, которая строилась бы не на «капиталистических основах», а была бы «чем-то глобальным», сочетала бы в себе элементы государственной экономики и анти-капиталистической демократии и носила анти-американистский характер. Воплощая эти идеи в интеграционном блоке под названием Боливарианский альянс для

народов нашей Америки (ALBA), Чавес говорил, что «Латинская Америка начала меняться..., умирает эпоха и ей на смену приходит новая»⁵.

«Освободительный» и «революционный» дискурс Чавеса описывается концепцией, которую сам он называл «Дерево с тремя корнями». Символическими «корнями» этого дерева были три национальных героя Венесуэлы. Симон Боливар олицетворял свободу и независимость, его учитель Симон Родригес – интеграционную модель объединения Америк, а народный герой Эсекиэль Самора воплощал борьбу низших слоев венесуэльского общества против олигархии (Chávez, 1992, p. 22).

Рассматривая поля политического дискурса Венесуэлы 1999-2012 гг., мы полагаем важным остановиться на лингвистических инструментах его конструирования, прежде всего, на применении Уго Чавесом особенных лексических приемов и широкого использования в своей риторике ярких эпитетов, метафор, оксюморонов и т. д.

При общении со своим электоратом Чавес, описывая какую-то ситуацию или объект, умело оперирует рядом символов, чтобы закрепить в сознании слушателя желаемый образ (Méndez, 2004, p.156). Так, овца у Чавеса – олицетворения трусости и нерешительности, меч – символ непримиримой борьбы со старым политическим укладом, сердце – как символ любви к народу и стране. Риторика Чавеса, лишенная абстракций и оттого понятная всем, яркая, высокохудожественная, образная, – уникальна и неповторима. В ней – ключ к пониманию того успеха, которого венесуэльский президент добился при про-

4 Chávez Frías H. Discurso de toma de posesion 02.02.1999. URL: <http://vtv.gob.ve/especial-comandante-chavez-jura-ante-la-moribunda-constitucion-de-1961-para-refundar-la-republica/> (Accessed: 15.09.2017).

5 Hugo Chávez, motor de la integración latinoamericana y caribeña. URL: <https://www.telesurtv.net/multimedia/Hugo-Chavez-motor-de-la-integracion-latinoamericana-y-caribena-20150724-0057.html> (Accessed: 18.09.2017).

движении своих политических идей и консолидации своего режима, напрямую взаимодействуя со своей социальной базой. Важнейший элемент дискурса Уго Чавеса – способность к «отзеркаливанию» и убеждению электората, в том, что он «один из них», человек из народа. Такой эффект достигается риторикой, специально адресованной социальным слоям, которые поддерживают президента (Narvája Argoux, 2008, p. 18).

Лингвистический арсенал Чавеса – это также использование гипербола, отсылка на речи Боливара, тексты из Библии, упоминание Христа и Бога: «Дай мне свой терновый венец, Христе, дай мне его, чтобы я кровоточил, дай мне свой крест, сотню крестов, и я понесу их вместо Тебя. Но дай мне жизнь, чтобы я мог работать для моего народа и моей страны. Не забирай меня пока»⁶. «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем оппозиция выиграет выборы у Чавеса»⁷. Довольно часто в его риторику вплетается и теология освобождения, если вспомнить, что Чавес называл Иисуса Христа величайшим социалистом в истории⁸.

Не менее активно используется Чавесом и спортивная лексика. В молодости Чавес планировал стать профессиональным игроком в бейсбол. Бейсбол любим многими венесуэльцами и даже считается национальным видом спорта, поэтому в речах Чавеса так часто можно встретить специфическую терминологию, использующую бейсболистами: «Когда я играл в бейсбол, са-

мые сильные удары я наносил всегда по направлению к правой линии. Сейчас, на поле боя в политике и за революцию, эти строки, которые я начинаю писать сегодня, будут направлены во все стороны с одинаковой силой»⁹.

Профессия Чавеса также наложила отпечаток на его манеру общения. В речах и обращениях Чавеса всегда присутствует военная лексика и рефрен борьбы: «Я, по своей сути, солдат... Все те обстоятельства, которые были в моей жизни, превратили меня в солдата революции»¹⁰. «Мы должны давать бой в повседневной борьбе против капиталистических ценностей»¹¹.

Некоторые венесуэльские исследователи, анализируя нарративную структуру высказываний Чавеса, выделяют сформировавшееся концептуальное трио: герой, то есть сам Чавес, жертва – народ и антиподы героя – оппозиционеры, старая политическая система (Krauze, 2008, p. 167).

Главная цель такой риторики – дискредитация и отчуждение легитимности своих предшественников. С помощью риторических приемов, свойственных всем харизматическим лидерам, которые умеют общаться с аудиторией, Чавес добивается от своих сторонников моментальной эмоциональной реакции на свои речи, причем, стоит отметить, реакций поляризованных, крайне позитивных или негативных, без «золотой середины».

По мнению Чавеса, Венесуэла, которая во времена пребывания у власти КОПЕЙ и АД, «страдала гангре-

6 Chávez: Christo, dame vida porque todavía me quedan cosas que hacer. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wsCL11SNpnw> (Accessed: 17.10.2017).

7 Chávez dice que antes pasa un burro por una aguja que el pierde unos comicios. URL: <http://www.eltiempo.com.ec/noticias/mundo/5/272294/chavez-dice-que-antes-pasa-un-burro-por-una-aguja-que-el-pierde-unos-comicios> (Accessed: 28.11.2017).

8 Cristo el más grande socialista de la historia URL: <https://www.infobae.com/2007/01/10/295925-cristo-el-mas-grande-socialista-la-historia/> (Accessed: 28.11.2017).

9 Las líneas de Chavez. URL: <http://mppic.gob.ve/wp-content/uploads/2016/12/LINEAS-DE-CHAVEZ-1.pdf> (Accessed: 30.09.2017)

10 Ibidem.

11 Primer Encuentro Nacional de Cajas Rurales 2006. Ministerio de Comunicación e Información. Caracas. 2006. P. 40.

ной», а ее политическое устройство было «агонизирующей, умирающей системой и не имело никаких шансов на выздоровление». Политический курс АД и КОПЕИ – это «корабль без капитана», «корабль, терпящий крушение». Даже венесуэльская конституция, с точки зрения нового президента, была «умирающей», о чем он и заявил, когда присягал на конституции в феврале 1999 года¹². Причиной этой умирающей конституции послужили традиционные демократические партии АД и КОПЕИ – политические соперники Чавеса. Их долгое правление страной, как утверждал Уго Чавес, привело к небывалому размаху коррупции и ослаблению институтов власти¹³.

Дискурс делегитимации власти соперников Чавеса плавно переходит к предложению единственно верного решения, способного покончить с острым политическим кризисом в стране. Оно, по мнению Чавеса, состоит в созыве Национальной Конституционной Ассамблеи (НКА). Учреждение НКА – это стремление создать «с нуля» все институты власти в стране, тем самым кардинально изменив существовавшую в Венесуэле политическую систему. Ее создание – это намерение Чавеса перекроить всю политическую систему Венесуэлы и создать совершенно новые, чистые властные институты. Во время президентской компании именно многочисленные высказывания о возможности созыва такого органа были основой дискурса Чавеса. Он подготовил почву для последующих радикальных изменений и дал понять обществу, что сам выступает как агент властной реконструкции и несет рождение новой политической системы, которая навсег-

да изменит существующую Венесуэлу в интересах народа.

Венесуэльские медиа-войны

Уго Чавес, как любой другой современный популистский лидер, использовал средства массовой информации как возможность поддерживать прямой контакт со своими избирателями, принимая на себя функции государственных институтов и в каком-то смысле заменяя их. Это «президент-медиум», который осуществляет свою политическую деятельность, не используя между собой и народом никаких посредников. Его политика крайне персонализирована. Начало такому общению было положено еще в 1992 году, в день неудавшегося государственного переворота, когда Чавесу, тогда еще неизвестному подполковнику, руководившему путчем, был предоставлен 30-секундный эфир. Именно в том коротком телеэфире Чавес проявил «магию» общения с низшими и средними классами венесуэльского общества.

Когда Чавес пришел к власти в 1999 году, на медиарынке Венесуэлы преобладали частные средства массовой информации. В руках правительства было всего два телеканала и одно новостное агентство с ограниченной аудиторией. Попытка госпереворота в 2002 году изменила этот расклад. Чавес не мог простить частным СМИ их информационное молчание и трансляцию мультфильмов в дни переворота. Чавес пришел к выводу, что нужно не только взять существующие медиа под контроль, но и создать альтернативные.

12 Chávez Frías H. Discurso de toma de posesion 02.02.1999. URL: <http://vtv.gob.ve/especial-comandante-chavez-jura-ante-la-moribunda-constitucion-de-1961-para-refundar-la-republica/> (Accessed: 15.09.2017).

13 Ibid.

Президент начал «кампанию» наступления на частные СМИ и приступил к созданию собственных для контроля над своей социальной базой. Большое внимание тогда государство уделяло финансированию, запуску и использованию новых средств коммуникации – например, запустив в космос телекоммуникационный спутник «Симон Боливар – ВЕНЕСАТ-1» в 2008 году с целью обеспечить доступ гражданам к информации. В 2009 году стала выходить правительственная газета «Коррео дель Ориноко», которая по сути была перезапуском газеты, основанной Боливаром в 1818 году. Запустилась радиопередача «Внезапный Чавес» на государственных радиостанциях, набирала обороты программа «Ало, Президенте», где Чавес каждую неделю отвечал на вопросы граждан, исполнял их просьбы, отчитывался перед электоратом, раздавал поручения членам правительства, пел, читал стихи собственного сочинения и клеймил США. В 2005 году открылся телеканал ТелеСур как альтернатива западным телеканалам, в 2009 году начали вещание сразу несколько радиостанций «боливарианской» направленности. Чавес сам стал СМИ, заведя аккаунт в Твиттере, который мог похвастаться несколькими миллионами подписчиков. Он активно добывал себе «монополию» на общение с народом, вытесняя из этой сферы частные средства массовой информации, причем порой весьма репрессивными методами. Принятие закона о СМИ в 2004 году дало Чавесу большой контроль над существующими средствами массовой информации. Суть за-

кона, который был принят большинством в Национальной Ассамблее, заключался в том числе в запрете для СМИ до 11 вечера распространять в эфире кадры, содержавшие насилие или сексуального характера (в интересах детей), или тех, которые «подстрекают к нарушению общественного порядка». В декабре 2010 действие этого закона распространилось и на Интернет. Правительство могло просить провайдеров о блокировке сайтов, которые нарушали закон. Кроме того, Закон о социальной ответственности радио и телевидения обязывает все СМИ транслировать каждый день до 15 минут специальных объявлений правительства пропагандистского характера – «каден» (тематика может быть разной: от объявления экономических достижений правительства до коротких образовательных и культурных программ)¹⁴. Неповиновение грозит СМИ отзывом лицензии на вещание.

Такой инструмент в руках правительства давал ощутимые преимущества перед оппозицией, которая не могла широко транслировать свою политическую повестку. В частности, это превратилось в своего рода административный ресурс и помогало Чавесу в избирательных кампаниях (в том числе и в последней президентской).

По данным неправительственной организации «Гражданский мониторинг», только за 2012 год Чавес использовал кадены 145 часов. Причем 13 января этого же года, он установил своеобразный рекорд, пробыв в эфире своей передачи, несмотря на болезнь, 9 часов 49 минут¹⁵.

14 Ley de Responsabilidad Social en Radio Television y Medios Electrónicos. Artículo 10. URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 10.10.2017).

15 Monitoreo ciudadano. Caden-o-metro. URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 10.10.2017).

Харизма: жизнь после смерти (вместо заключения)

Еще в 1999 году известный американский писатель Пол Берман после беседы с Чавесом сказал, что тот «радиоактивен и у него раз в 10 больше энергии, чем у нормальных людей... Такие люди не ощущают себя человеческими существами, а ощущают богами» (Krauze, 2008, p. 10). Очевидно, что появление на венесуэльской политической сцене политиков масштаба Уго Чавеса в обозримом будущем маловероятно.

Николас Мадуро, наследник Уго Чавеса, пытается копировать политику своего предшественника. Например, так же, как Чавес в 1999 году, Мадуро в июле 2017 организовал выборы в Национальную конституционную ассамблею, чтобы внести поправки в основной документ страны. Тем не менее однако политический капитал «чавизма» ощутимо уменьшается, оставив ослабленное ядро ПСУВ, чавистов-диссидентов и народное недовольство. Чавес контролировал свое движение и своих сторонников. Сейчас чавизм очень ослаблен, так как, безусловно, популярность Чавеса как политика была ощутимо выше, чем Мадуро.

Социолог Иммануил Валлерстайн предположил, что последователи Чавеса постараются продолжать его политику, институционализируя ее¹⁷. Однако на наш взгляд здесь можно говорить о сакрализации. Мадуро, не обладая той энергией, харизмой и человеческим обаянием, которые были у Чавеса, пытается сакрализировать его, чтобы использовать политический капи-

тал Чавеса, как тот использовал образ Боливара.

Неуклюжие попытки Мадуро после смерти Чавеса позиционировать себя как продолжателя идей социализма 21 века, а соответственно, и очередного «воплощения Боливара», провалились. Высказывания Мадуро о том, что Чавес якобы являлся ему в образе птички, чтобы дать совет или напутствие, вызывали смех и недоумение даже у самых заядлых чавистов, не говоря уж об оппозиции. Все это пошатнуло позиции нового венесуэльского президента, который остро нуждался в дополнительной легитимизации своего правления, а Боливар, как и другие национальные герои, вроде Эсекиэля Саморы, по-прежнему упрямо продолжали ассоциироваться общественностью с Чавесом и его социалистическими преобразованиями, которые проводились в стране в то время, когда еще кризис не достиг своего апогея.

Спустя два года после смерти Чавеса Мадуро нашел рецепт своего политического позиционирования, обратившись к образу Сталина, который выступает как фигура сильного и жесткого правителя, практически «советского демократического цезаря». На фоне деградирующего боливарианского проекта, который не в силах справиться со множеством проблем (инфляция, преступность, дефицит и т.п.), очевидно, что подобные отсылки к «сильным личностям» провоцируют новые витки «венесуэлофобии» в мире, усиливают поляризацию и пауперизацию внутри венесуэльского общества, что в дальнейшем может спровоцировать социальный взрыв.

16 Chávez, su legado y la guerra de símbolos. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2013/04/01/opinion/017a1pol>. (Accessed: 30.11.2017).

17 Мадуро: «Stalin se parecía a mí, el bigote es igualito». URL: <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/maduro-stalin-parecia-mi-bigote-igualito-342429> (Accessed: 30.11.2017).

Список литературы

- Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 643-706.
- Гердер И. (1977). *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука. 703.
- Семенов С.И. (1999). Мутациилевой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки. *Аналитические тетради ИЛА РАН*. Выпуск 6. М.: ИЛА РАН. 96.
- Фуко М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь. 448.
- Almond G., Verba S. (1965). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in five Nations*. Boston, MA: Little, Brown and Co. 562.
- Carrera Damas G. (1969). *El culto a Bolívar*. Caracas: UCV. 303.
- Chávez H. (1992). *Un brazalete tricolor*. Valencia. 73.
- Crisp B. (2000). *Democratic Institutional design: the powers and incentives of Venezuelan politicians and interest groups*. Stanford: Stanford University Press. 273.
- Di Tella T., Germani G., Ianni O. (1973). *Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica*. México: Popular Era. 149.
- Dineen M. (2001). *Culture and customs of Venezuela*. New Jersey: Greenwood. 216.
- Ellner S. (1988). *Venezuela's movimiento al socialismo: from guerrilla defeat to innovative politics*. Durham: Duke University Press Books. 279.
- Ellner S., Helinger D. (eds.). (2003). *Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 259.
- Germani G. (1978). *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Jersey: Transaction Books. 292.
- Gruson A. (ed.). (2004). *Una lectura sociológica de Venezuela actual*. Caracas. 140.
- Krauze E. (2008). *El poder y el delirio*. México: Tusquets Editores. 373.
- Laclau E. (2006). *La razón populista*. México: Fondo de Cultura Económica. 312.
- Londoño J., Gaviria A., Guerrero R. (ed.). (2000). *Asalto al desarrollo: violencia en America Latina*. Washington: BID. 291.
- López Maya M. (2003). Movilización, institucionalidad y legitimidad en Venezuela. (2003). *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*, 9 (1). 211-226.
- Méndez A. (2004). *Democracia y discurso político: Caldera, Pérez y Chávez*. Caracas: Monte Avila Editores Latinoamericana. 190.
- Murillo M. V. (2005). *Sindicalismo, coaliciones partidarias y reformas de mercado en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 318.
- Narvaja Arnoux E. (2008). *El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez*. Buenos Aires: Editorial Biblos. 173.
- Navarro M. (1982). *Evita's Charismatic Leadership*. Conniff M. (ed.). *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 126-138.
- Niekerk van A.E. (1974). *Populism and Political Development in Latin America*. Rotterdam: Universitaire Pers Rotterdam. 230.
- Ortega y Gasset J. (1996). *La rebelión de las masas*. Santiago de Chile. 287.
- Pion-Berlin D. (ed.). (2001). *Civil-Military relations in Latin America: new analytical perspective*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 320.
- Ratnam K. J. (1964). Charisma and political leadership. *Political Studies*, 12 (3). 341-354. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1964.tb00732.x
- Rico J. M. (1998). *Crimen y justicia en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 317.
- Wiarda H., MacLeish Mott M. (2003). *Politics and social change in Latin America: still a distinct tradition?* London: Praeger. 309.

Willner A. (1984). *The Spellbinders: Charismatic Political Leadership*. New Heaven: Yale University Press. 212.

Willner A., Willner D. (1965). The Rise and Role of Charismatic Leaders. *The Annals of American Academy of Political Science*, (358). 77-88. DOI:10.1177/000271626535800109

References

Almond G., Verba S. (1965). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in five Nations*. Boston, MA: Little, Brown and Co. 562.

Carrera Damas G. (1969). *El culto a Bolívar*. Caracas: UCV. 303.

Chávez H. (1992). *Un brazalete tricolor*. Valencia. 73.

Crisp B. (2000). *Democratic Institutional design: the powers and incentives of Venezuelan politicians and interest groups*. Stanford: Stanford University Press. 273.

Di Tella T., Germani G., Ianni O. (1973). *Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica*. México: Popular Era. 149.

Dineen M. (2001). *Culture and customs of Venezuela*. New Jersey: Greenwood. 216.

Ellner S. (1988). *Venezuela's movimien-to al socialismo: from guerrilla defeat to innovative politics*. Durham: Duke University Press Books. 279.

Ellner S., Helinger D. (eds.). (2003). *Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 259.

Foucault M. M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Moskva: Kastal'. 448.

Gerder I. (1977). *Ideas to the philosophy of the history of mankind*. Moskva: Nauka. 703.

Germani G. (1978). *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Jersey: Transaction Books. 292.

Gruson A. (ed.). (2004). *Una lectura sociológica de Venezuela actual*. Caracas. 140.

Krauze E. (2008). *El poder y el delirio*. México: Tusquets Editores. 373.

Laclau E. (2006). *La razón populista*. México: Fondo de Cultura Económica. 312.

Londoño J., Gaviria A. , Guerrero R. (ed.). (2000). *Asalto al desarrollo: violencia en America Latina*. Washington: BID. 291.

López Maya M. (2003). Movilización, institucionalidad y legitimidad en Venezuela. (2003). *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*, 9 (1). 211-226.

Méndez A. (2004). *Democracia y discurso político: Caldera, Pérez y Chávez*. Caracas: Monte Avila Editores Latinoamericana. 190.

Murillo M. V. (2005). *Sindicalismo, coaliciones partidarias y reformas de mercado en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 318.

Narvaja Arnoux E. (2008). *El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez*. Buenos Aires: Editorial Biblos. 173.

Navarro M. (1982). *Evita's Charismatic Leadership*. Conniff M. (ed.). *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 126-138.

Niekerk van A.E. (1974). *Populism and Political Development in Latin America*. Rotterdam: Universitaire Pers Rotterdam. 230.

Ortega y Gasset J. (1996). *La rebelión de las masas*. Santiago de Chile. 287.

Pion-Berlin D. (ed). (2001). *Civil-Military relations in Latin America: new analytical perspective*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 320.

Ratnam K. J. (1964). Charisma and political leadership. *Political Studies*, 12 (3). 341-354. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1964.tb00732.x

Rico J. M. (1998). *Crimen y justicia en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 317.

Semenov S.I. (1999). Mutations of the left political culture in the civilizational context of Latin America. *Analytical notebooks of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. Issue 6.* Moskva: ILA RAN. 96.

Weber M. (1990). Politics as Vocation. *Selected works.* Moskva: Progress. 643-706.

Wiarda H., MacLeish Mott M. (2003). *Politics and social change in Latin Ameri-*

ca: still a distinct tradition? London: Praeger. 309.

Willner A. (1984). *The Spellbinders: Charismatic Political Leadership.* New Heaven: Yale University Press. 212.

Willner A., Willner D. (1965). The Rise and Role of Charismatic Leaders. *The Annals of American Academy of Political Science*, (358). 77-88. DOI:10.1177/000271626535800109

Информация об авторах

Александр Владимирович Корольков, кандидат исторических наук, АО «Российские космические системы»

111020, Российская Федерация, Москва, Авиамоторная ул., 51
korolkov_av@spacecorp.ru

Татьяна Юрьевна Русакова, кандидат политических наук, научный сотрудник, Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев пер., 4
rusakova@centero.ru

About the Authors

Alexander V. Korolkov, Cand. Sci. (History), Joint Stock Company "Russian Space Systems"

51, ul. Aviomotornaya, Moscow, Russian Federation, 111020
korolkov_av@spacecorp.ru

Tatiana Yu. Rusakova, Cand. Sci. (Pol.), Research fellow, Association of Independent Experts "Center for Crisis Society Studies"

4, per. Dokuchaev, Moscow, Russian Federation, 107078
rusakova@centero.ru

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-138-154

Виктор Анатольевич НАДЕИН-РАЕВСКИЙ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
nrv2004@mail15.com

Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс формирования личности президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана – харизматичного лидера, одного из создателей Партии справедливости и развития и адепта «умеренного исламизма». Для Турции исторически всегда была характерна сильная централизованная власть, и потребность турок в харизматических лидерах проявляется и в настоящее время. Эрдоган – упрямый и последовательный, верный религиозному воспитанию в семье и религиозном лице имам хатибов, всегда проявлял религиозность и со студенческих лет примкнул к политикам-исламистам. В студенческие годы он возглавил стамбульскую молодежную организацию исламистской Партии национального спасения, в рядах которой прошел школу организатора. Кризис в рядах исламистов после неоднократных запретов исламистской партии привел к расколу в ее рядах и Эрдоган со своими соратниками создал Партию справедливости и развития (ПСР). Создавая ПСР, Эрдоган и его соратники получили поддержку со стороны известного мусульманского проповедника, писателя и философа Фетхуллага Гюлена, проживающего в штате Пенсильвания (США). Поддержка Гюлена, имеющего несколько миллионов последова-

телей в Турции и хорошо организованную образовательную систему «Хизмет», действующую не только в Турции, но и в 140 странах мира, помогла ПСР одержать победу на выборах в турецкий парламент. Выпускники частных школ, лицеев и университетов Гюлена заняли ведущие позиции в бизнесе, правоохранительных органах и вооруженных силах Турции и стали опорой Эрдогана. Экономические реформы, проведенные ПСР, существенно укрепили экономику Турции, повысились доходы населения, удалось справиться с инфляцией. Соответственно вырос и авторитет Эрдогана, в лице которого избиратели видели успешного лидера и умелого политика. Вместе с тем Эрдоган постепенно возвращал в повседневную жизнь исламскую религию, что вызывало недовольство сторонников светского развития страны. Неоднократные попытки отстранить ПСР от власти не увенчались успехом. При поддержке структур Гюлена в судебной системе Эрдогану удалось организовать громкие судебные процессы против армейского руководства, политиков, журналистов – сторонников светского пути развития страны. В результате всенародного референдума армия была отстранена от влияния на политическую систему страны. Однако постоянная критика политики Эрдогана

со стороны Гюлена привела к разрыву отношений двух лидеров. Используя неудавшуюся попытку переворота, Эрдоган обвинил в его организации Фетхуллаха Гюлена и начал широкие репрессии против его сторонников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Турция, Реджеп Тайип Эрдоган, Фетхуллах Гюлен, Неджметтин Эрбакан, «Акинджи», «Серые

волки», Абдуллах Гюль, Движение «Хизмет», «глубинное государство», «параллельное государство»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Надеин-Раевский В.А. (2017). Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 138-154. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-138-154

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-138-154

Victor A. NADEIN-RAEVSKIY

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
nrv2004@mail15.com

R.T. Erdogan as an Example of a Charismatic Politician

ABSTRACT. *The article examines the process of formation of identity of Turkish President Recep Tayyip Erdogan – a charismatic leader, an adept of “moderate Islamism” one of the founders of the Justice and Development Party. Historically strong centralized authority was always normal for Turkey and the need for Turks in the charismatic leaders is evident even at the present time. Erdogan is stubborn and consistent, thanking to religious education in his family and in religious Lyceum Imam Hatib. He was always religious and since his student years, joined Islamic politicians. In his student years he became the head of the Istanbul Youth organization of the Islamist National Salvation Party, in whose ranks and files he received good practice of a political organizer. The crisis in the ranks of the Islamists after repeated bans of the Islamist party led to a split in its ranks and Erdogan and his asso-*

ciates established the Justice and Development Party (AKP). Creating the AKP, Erdogan and his colleagues received a very important support from the well-known Muslim preacher, writer and philosopher Fethullah Gülen living in Pennsylvania (USA). The political support of Gülen who has millions of followers in Turkey and a well-organized educational system of the “Hizmet” Movement operating not only in Turkey but also in 140 countries helped the AKP to win the elections to the Turkish Parliament. Numerous graduates of private schools, colleges and universities of F. Gülen has occupied leading positions in business, police, juridical structures and the armed forces of Turkey and became supporters of Erdogan. Economic reforms of the AKP has substantially strengthened the Turkish economy, increased the income of the population and managed to cope successfully with inflation. On this ground

Erdogan's credibility consequently grew in the face of voters who saw him a successful leader and skilled politician. However, Erdogan gradually returned to the daily life of Turks the Islamic religion, which caused discontent among the supporters of secular development of the country. Repeated attempts to remove the AKP from power were not successful. Using strong support from F. Gülen's structures in the judiciary, Erdogan managed to organize high-profile lawsuits against the army leadership, politicians, and journalists – supporters of secular development of the country. In a popular referendum, the army was excluded from influence on the political system of the country. However, constant criticism of the policies of Erdogan from the side of F. Gülen led to the crisis of union between the two leaders. Using the failed coup attempt Erdogan accused in its organization Fethullah Gülen and began a wide crack-down against his supporters.

KEYWORDS: Turkey, Recep Tayyip Erdogan, Fethullah Gülen, Nejmettin Erbakan, "Akinji", "Grey Wolfs", Abdullah Gül, "Hizmet" Movement, "the deep state", "the parallel state"

FOR CITATION: Nadein-Raevskiy V.A. (2017). R.T. Erdogan as an Example of a Charismatic Politician. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 138-154. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154

Харизматическая личность во главе страны – характерное явление для Турции. В османский период страну возглавляли султаны – халифы всех мусульман, что однозначно предполагало и светскую и духовную власть. После национальной революции страну возглавил харизматический лидер Мустафа Кемаль-паша, которому Великое национальное собрание Турции присвоило почетную фамилию «Ататюрк» –

отец турок. Харизматическая личность вождя позволила провести революционные реформы и превратить империю в республику. Был ликвидирован халифат, запретили феску, турок переодели в европейскую одежду, запретили ношение чадры и паранджи, начались реформы в системе образования, а арабский алфавит заменили на турецкий и провели масштабную реформу языка, заменив иностранные слова на новые турецкие слова (Владимирский, 2014, с. 214-271).

Ататюрк национализировал вакфы – собственность мечетей и суфийских тарикатов (братств), а сами тарикаты запретил (Шлыков, 2011, с. 97-117). Свою роль сыграла и масштабное присвоение собственности уничтоженных в ходе геноцида 1915-1923 гг. армян, греков, айсоров, йезидов – «тюркизация брошенной собственности», продолжавшаяся и в республиканский период. Авторитет Кемала Ататюрка был настолько высок, что никто не осмеливался сопротивляться его реформам.

После смерти вождя (1938 г.) личности такого масштаба в турецкой политике так и не появилось. Отдельные харизматичные лидеры в стране появлялись, но стать вождями нации никому не удавалось. При этом турецкая традиция суфийских орденов – тарикатов с духовными вождями с непрерываемым авторитетом оставалась «в крови» нации.

В этих условиях появление новых харизматиков вполне соответствовало потребностям общества, и место нового вождя постепенно занял Реджеп Тайип Эрдоган. Формирование личности Эрдогана, его системы нравственных ценностей и политических взглядов в значительной степени связано с его семьей и воспитанием. Будущий политик родился 26 февраля 1954 года в Бейоглу – одном из старейших рай-

онов Стамбула¹. Родители Реджепа были родом из Ризе, небольшого города на северо-востоке страны. Значительную часть населения города составляли лазы – грузины-мусульмане. Отсюда и появились утверждения о грузинских корнях этого турецкого политика. В 2014 году Эрдоган резко отверг подобные утверждения, посчитав себя оскорбленным².

Отец Реджепа – Ахмет Эрдоган служил в береговой охране, и семья с годовалым Реджепом поселилась в Ризе. В 1965 году Эрдоган получил начальное образование в школе Пийале Паша, а в 1973 году – среднее в религиозном лицее Имам Хатибов в Стамбуле. Семья Эрдогана была религиозной, и юный Реджеп полностью соответствовал этой семейной традиции. Отец, как и дед Реджепа Эрдогана, были приверженцами суфийского ордена «Накшбандийя». Еще в школе Эрдоган получил прозвище – «ходжа». Семья Эрдоганов жила бедно, и юный Реджеп торговал на улицах Стамбула лимонадом и булочками. При этом Эрдоган занимался футболом и выступал в составе нескольких юношеских команд, скрывая это увлечение от отца, не одобрявшего это занятие³.

После школы в 1981 г. Реджеп окончил факультет экономики и коммерческих наук в Университете Мармара в Стамбуле⁴.

Таким образом, уже в молодые годы Эрдоган проявил такие качества, как безусловная и искренняя религиозность, верность суфийским традици-

ям, которые в будущем станут важной чертой всей новой власти при строительстве новой Турции. В то же время он проявил и характерное «турецкое упрямство» и крайне важное качество, которое поможет ему и в жизни и в политической борьбе, – умение до поры до времени скрывать свои намерения.

Начало политической карьеры

Еще в студенческие годы Р. Эрдоган заинтересовался политикой и в 22 года вступил в ряды Национальной турецкой студенческой ассоциации. В 1976 г. молодой активист возглавил отделение Бейоглу молодежной организации исламистской Партии национального спасения, и в том же году Эрдоган стал руководить стамбульским молодежным отделением партии⁵. До военного переворота 12 сентября 1980 молодой политик работал и в политических структурах, и в стамбульских транспортных организациях.

Карьера Эрдогана формировалась в непростой политической обстановке. Слабость гражданской власти была очевидна – в период с марта 1971 г. до начала 1980 г. в Турции сменилось 11 кабинетов министров, а на улицах страны разворачивалось противостояние правых и левых. В стране фактически началась гражданская война между правыми и левыми, до двадцати человек ежедневно погибало в стычках, погромах и перестрелках.

1 Recep Tayyip Erdoğan'ın hayatı. URL: <http://www.ensonhaber.com/recep-tayyip-erdoganin-hayati2014-07-01.html> (Accessed: 05.09.2017).

2 Is 'Armenian' an insult? Turkey's prime minister seems to think so. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/08/06/is-armenian-an-insult-turkeys-prime-minister-seems-to-think-so/> (Accessed 12.09.2017).

3 Реджеп Тайип Эрдоган: политический портрет. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2398000/2398025.stm (Дата обращения: 22.08.2017).

4 Эрдоган Реджеп Тайип. URL: <https://lenta.ru/lib/14176388/> (Дата обращения: 10.09.2017).

5 Там же.

6 Recep Tayyip Erdoğan'ın hayatı. URL: <http://www.ensonhaber.com/recep-tayyip-erdoganin-hayati-2014-07-01.html> (Accessed: 05.09.2017).

Неофашисты из Партии националистического движения и исламисты из Партии национального спасения создали боевые отряды и сумели внедрить своих сторонников во все звенья государственного аппарата и местные органы власти. Турецкая секретная служба (МИТ) раскололась на две соперничающие группировки правого и левого толка, и правительство не получало информации о возможных инцидентах⁷. В 1975 – 1977 гг. правые полицейские создали свою организацию «Пол Бир»⁸. В ответ левые полицейскими была создана организация «Пол Дер», которая насчитывала 16 тыс. человек. Вооруженные столкновения этих организаций фактически парализовали работу полиции.

На правом фланге активно действовали «Серые волки» («Бозкурт») – отряды Партии националистического движения и исламисты из «Акинджи» – молодежной организации Партии национального спасения, которые были знамениты длинными ножами – для использования против своих врагов из стана левых радикалов. Отряды «Серых волков» проходили подготовку в 34 специальных лагерях, которыми руководили партийные функционеры⁹. В операциях против левых – разгоне демонстраций, нападениях на собрания левых и отдельных активистов – обе организации координировали свои действия и проводили совместные акции.

По официальным данным, начиная с 1979 года и до переворота 1980 года, в результате террора неофашистов Тюр-

кеша, исламистов Эрбакана, левацких и промаоистских группировок погиб 5241 человек, искалечено 14152 человека¹⁰. Соответственно, последовала реакция военных. 12 сентября 1980 года военные взяли власть в стране, правительство было отправлено в отставку, а парламент распущен. Деятельность всех политических партий была запрещена, их лидеры и активисты отданы под суд. Наиболее знаковые молодежные организации правых – «Бозкурт» и «Акинджи» были запрещены. Были арестованы и отданы под суд десятки тысяч партийных функционеров и рядовых участников массового террора.

При этом Эрдоган, хотя и занимал знаковый пост партийного функционера в крупной молодежной организации, не был арестован и не попал под судебное преследование. Впрочем, репрессии коснулись и его. После переворота 1980 г. Эрдоган работал в транспортных структурах города. Его начальник в городском совете транспорта, полковник в отставке, приказал Эрдогану сбрить усы. Для Эрдогана усы символизировали его религиозность. Эрдоган проявил принципиальность и отказался выполнять указание начальства, и в результате был уволен с работы¹¹. В последующие несколько лет Эрдоган работал менеджером в частном секторе и занимался бизнесом, а в 1982 году служил в армии¹².

Реализовать свои политические амбиции Эрдоган сумел после возобновления деятельности политических партий. 9 июля 1983 года была создана Партия Благоденствия или, как ее на-

7 The Guardian. December 28, 1979.

8 Espresso. 29 ottobre 1978.

9 Guardian. August 18, 1969.

10 Comment. September 19, 1981.

11 Реджеп Тайип Эрдоган: политический портрет. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2398000/2398025.stm (Дата обращения: 22.08.2017).

12 Эрдоган Реджеп Тайип. URL: <https://lenta.ru/lib/14176388/> (Дата обращения: 10.09.2017).

зывали, «Рефах». Фактически это было воссоздание Неджметтином Эрбаканом запрещенной военными Партии национального спасения. Только в 1987 г. Эрбакан вернулся к руководству Партии Благоденствия¹³.

Этот период возрождения политического ислама стал благоприятным для политической карьеры Эрдогана. В 1984 году он возглавил отделение партии в стамбульском районе Бейоглу, а уже в 1985 году – стамбульское отделение и вошел в высший руководящий совет партии¹⁴. С 1984 года Эрдоган неоднократно баллотировался на выборах в депутаты различного уровня, однако безуспешно, и только в 1994 году он выиграл выборы на пост мэра Стамбула. Доверие и популярность среди избирателей Эрдоган завоевал успехами в озеленении города, решением ряда проблем, связанных с вывозом мусора и обеспечением водой, а также решением некоторых социальных вопросов¹⁵. Эрдоган был последователен в убеждениях – ограничил продажу спиртных напитков в ресторанах Стамбула¹⁶.

Рост исламистских настроений в турецком обществе привел к усилению противоречий между Партией благоденствия и военными, которых не устраивал явный крен премьера-исламиста Эрбакана к усилению влияния ислама на турецкую внутреннюю и внешнюю политику. К неудовольствию военных, на выборах в парламент в декабре 1996 партия оказалась сильней-

шей, и ее лидер Неджметтин Эрбакан стал премьер министром¹⁷.

Армия сместила Эрбакана и его партию в феврале 1997 года, а в январе 1998 года конституционный суд принял решение распустить «Рефах». Все эти годы Эрдоган был активным членом «Рефах» и правой рукой ее председателя Н. Эрбакана, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии Эрдогана, неизменно располагающегося по правую руку от своего «босса»¹⁸.

Защищая интересы партийного политического курса, в декабре 1997 года Эрдоган выступил с пиар-акцией в области Сиирт, где на митинге публично декламировал следующее стихотворение:

«Минареты – наши штыки,
купола – наши шлемы,
Мечети – наши казармы,
верующие – солдаты,
Это божественная армия
ждет нашу религию,
Аллах велик, Аллах велик»¹⁹.

Это отрывок из поэмы известного турецкого философа Зии Гёк Альпа. Парадоксально, но книга Зии была рекомендована для чтения в школах Министерством образования Турции. Сама фигура Зии Гёк Альпа – философа-пантюкиста и исламиста носила знаковый характер, да еще и в период нового демарша военных. За эту акцию 1998 г. Эрдоган был обвинен в разжигании религиозной ненависти.

13 Религиозные партии и движения в Турции/ URL: <http://ru.assakina.com/?p=464> (Дата обращения: 15.09.2017).

14 Recep Tayyip Erdoğan'in hayatı.URL: <http://www.ensonhaber.com/recep-tayyip-erdoganin-hayati-2014-07-01.html> (Accessed: 05.09.2017).

15 Эрдоган Реджен Тайип. URL: <https://lenta.ru/lib/14176388/> (Дата обращения: 10.09.2017).

16 Turkey: A Politician At The Top Of His Game.URL: <https://www.rferl.org/a/1077771.html> (Accessed: 11.09.2017).

17 Ibidem.

18 Erbakan, Erdoğan ve Gül TRT'ye dizi oluyor. URL: <http://www.platinhaber.com/erbakan-erdogan-ve-gul-trtye-dizi-oluyor-603931h.htm> (Accessed: 15.09.2017); Recep Tayyip Erdoğan'in siyasi yaşamı. URL: <http://aa.com.tr/tr/pg/foto-galeri/recep-tayyip-erdoganin-siyasi-yasami/0/59353> (Accessed: 15.09.2017).

19 Who's Mr. Erdogan? URL: <http://news24today.info/whos-mr-erdogan.html> (Accessed: 12.09.2017).

Суд приговорил его к десятимесячному заключению. Правда, в тюрьме он провел только четыре месяца, но вынужден был покинуть пост мэра Стамбула²⁰. Это событие дало Эрдогану толчок к самостоятельному выходу в большую политику, да еще и в образе гонимого и преследуемого властями «борца за правду» и «интересы народа».

В 1999 г. была создана Партия добродетели, наследница «Рефах», а Эрдоган возглавил её реформистское крыло. Однако и Партия добродетели была запрещена в июле 2001 г., а уже в августе того же года Эрдоган выступил в качестве одного из учредителей Партии справедливости и развития (ПСР) и был избран ее председателем²¹. Эрдоган постарался модернизировать идеологию новой партии и придать ей «европейское лицо» вопреки мнению своего политического учителя Н. Эрбакана. Фактически Эрдоган и его единомышленники раскололи «старый добрый «Рефах», стараясь максимально дистанцироваться от обвинений в попытках разрушить светскую Турцию.

Именно в этот период и сложилась харизма Эрдогана как общетурецкого лидера. Твердость в религиозных убеждениях оценили сторонники возрождения ислама, успехи в практической работе в Стамбуле принесли популярность руководителю, а последующие судебные преследования создали ореол честного политика, преследуемого властями за свои убеждения. Важно и другое – новые настроения в пользу возрождения ислама и смягчения политики ограничений религиозной активности, постепенно захваты-

вали турецкое общество. Таким образом, приходило время Эрдогана и его единомышленников.

Эрдоган и новый образ политического ислама

Когда Эрдоган и его соратники создавали ПСР, им требовалась серьезная поддержка турецких религиозных авторитетов и прежде всего – Фетхуллаха Гюлена. Политический тупик, в котором оказались турецкие исламисты, требовал новых подходов. Требовалось и не потерять старый электорат, и расширить его через мобилизацию молодежи, ориентированной и на ислам, и на «европейские ценности».

Основные, «реформистские» положения новой партии – «демократичность, диалог и сотрудничество», коллективные действия, а не «слепое подчинение» лидеру; решение вопросов волнующих всех граждан Турции – безработицы, неравенства и социальной несправедливости, реформы образования, здравоохранения и улучшения социального обеспечения. Вместо политических споров ПСР обещала социальное примирение, открытый диалог и сотрудничество с другими партиями. Отдельно декларировалось стремление войти в Европейский союз.

Вопрос хиджаба обещалось решать «в рамках прав человека», как и решение «экономических и социальных проблем женщин» и обеспечение их «политического участия, свободы и равенства»

ПСР уверяла, что будет поддерживать республиканскую систему и принципы Ататюрка, и поэтому «не будет

20 Recep Tayyip Erdoğan'ın hayatı. URL: <http://www.ensonhaber.com/recep-tayyip-erdoganin-hayati-2014-07-01.html> (Accessed: 05.09.2017.).

21 Recep Tayyip Erdoğan. AKP official site. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/yonetim/genel-baskan> (Accessed: 15.09.2017).

вступать в столкновение с турецкими Вооруженными Силами»²².

Как турецкие, так и зарубежные политологи отмечают, что именно Фетхуллах Гюлен оказал наибольшее влияние на формирование взглядов лидеров ПСР Реджепа Эрдогана и Абдуллаха Гюля. Суть учения Ф. Гюлена – возврат к религиозным ценностям, но в отличие от, например, саудовских идеологов, Гюлен выступает за адаптацию исламского вероучения к современности (Гюлен, 2006). Фетхуллах Гюлен проповедует диалог цивилизаций, гуманизм в исламе, сотрудничество с другими религиями (Ставицкий, Табасаранцев, 2012, с. 47-54). Гюлен – автор 80 книг, переведенных на многие языки мира²³.

Под руководством движения «Хизмет» Ф. Гюлена действует огромная сеть лицеев и университетов в 140 странах мира. К этой же структуре относятся и разветвленная сеть коммерческих фирм, мелких и средних предприятий, обеспечивающих финансовую сторону деятельности движения.

В турецких школах и лицеях системы «Хизмет» проходили подготовку к поступлению в университеты несколько сот тысяч учащихся в год. За последние двадцать лет в Турции выросло целое поколение приверженцев «нового ислама». Отметим, что из государственных школ в ВУЗы поступало всего 8% выпускников (Емельянова, 2008). Получив образование в образовательных учреждениях движения «Хизмет», adeпты Гюлена заняли ответственные посты в системе органов государственной власти, силовых структурах – полиции, жандармерии. Многие стали и во главе турецкого бизнеса.

В образовательных заведениях «Хизмет» внешне не делается упора на религиозное образование. Вся работа по воспитанию слушателей в «традиционном духе» проходит в общежитиях, где проживают слушатели. Здесь они приобретали корпоративное сознание, наполненное как стойкими религиозными убеждениями, так и глубоким уважением к своему духовному лидеру.

К сторонникам Гюлена в Турции насчитывали от двух до пяти миллионов человек. К тому же, по данным турецких правоохранительных органов, очевидной была связь между Гюленом и многочисленными последователями Саида Нурси. Поиски поддержки со стороны Ходжа-Эфенди («Учитель» – непременно с заглавной буквы!) и привели Эрдогана и его соратников в штат Пенсильвания (США), куда известный богослов выехал из Турции под предлогом лечения, но фактически скрывался от преследования турецких властей, обвинявших его в попытке исламизации Турции.

Встреча Р. Эрдоган и Ф. Гюлена состоялась в 2000-х годах и была описана одним из ближайших соратников Фетхуллаха Гюлена – Османом Шимшекком²⁴. Фетхуллах Гюлен разглядел в Эрдогане потенциал политического лидера и поверил в искренность его убеждений. По мнению Гюлена: «Для процветания и светлого будущего нашей страны он (Ф. Гюлен. – Прим. авт.) подчеркнул необходимость демократии с духовным измерением, открытость всему миру вместо закрытости в себе; обращая лицо к Западу, находиться в тесных отношениях с регионами, где живет большинство мусульман; укрепить

22 Религиозные партии и движения в Турции. URL: <http://ru.assakina.com/?p=464> (Дата обращения: 22.08.2017).

23 Список книг Фетхуллаха Гюлена на турецком языке (с переводом названий на русский). URL: <http://www.fgulen.com/ru/fethullah-gulen-works-ru/spisok-knig/44816-knigi-na-tureckom?hitcount=0> (Дата обращения: 15.09.2017).

24 Подробности см. в: Осман Шимшек. Визит Эрдогана к Гюлену в Пенсильванию и письмо 2006 года. URL: <http://www.hizmet.today/vizit-erdogana-k-gyulenu/> (Дата обращения: 28.03.2016).

понятие прозрачного и способного отчитываться государства и создание конституции, предельно уважающей права человека»²⁵.

На выборах 2002 г. ПСР позиционировала себя как «консервативная демократическая массовая партия, которая занимает позицию в центре политического спектра»²⁶. Немалую роль в успехе ПСР на выборах сыграло падение доверия избирателей практически ко всем действующим политическим партиям. В результате на парламентских выборах в ноябре 2002 г. ПСР одержала уверенную победу, получив 34,3% голосов избирателей (Саркисян, 2012, с. 73), и смогла сформировать однопартийное правительство. В этой победе поддержка Гюлена сыграла свою роль.

Однако по закону Эрдоган не мог ни избираться в парламент, ни входить в правительство, потому что имел судимость из-за злосчастного стихотворения. Поэтому правительство возглавил соратник Эрдогана Абдулла Гюль. Только к весне 2003 года парламент внес в законодательство необходимые изменения, и Эрдоган был избран депутатом парламента от Сиирта 9 марта, получив 85% голосов избирателей, а 15 марта президент Турции Ахмет Недждет Сезер назначил его премьер-министром²⁷.

При правительстве Эрдогана Турция пошла на серьезные либеральные реформы: были снижены налоги на прибыль, ликвидированы таможенные барьеры для импорта технологий и оборудования, созданы тепличные условия для притока иностранного капитала, сформированы промышлен-

ные зоны, где производители получают фискальные льготы. Соответственно резко увеличились иностранные инвестиции в экономику Турции (Ульченко, Шлыков, 2012, с. 63-78).

Существенно вырос уровень жизни турок, а доля живущих за чертой бедности сократилась с 30% в 2002 г. до 2% в 2016 г. Увеличилась продолжительность жизни населения. Даже после кризиса 2008 г. экономика быстро оправилась²⁸. Турция неуклонно сокращала разрыв по сравнению с развитыми экономикой. Эти позитивные изменения избиратели связывали именно с именем Эрдогана.

К политическим, хотя и временным достижениям администрации Эрдогана можно отнести и попытку остановить войну против курдов на Востоке Турции. Свое видение урегулирования через предоставление автономии Турецкому Курдистану изложил и лидер Курдской рабочей партии Абдуллах Оджалан (Оджалан, 2011, с. 93-112), однако и эту политическую линию Эрдоган не довел до конца, отказавшись от каких бы то ни было уступок.

Эрдоган и Фетхуллах Гюлен: от сотрудничества к вражде

Вместе с тем попытки «ползучей исламизации» обострили сопротивление сторонников «лаицизма» – светского развития страны. Реформы Атакюрка укоренились на турецкой почве даже среди верующих турок. Потребовалась борьба против «глубинного госу-

25 Осман Шимшек. Визит Эрдогана к Гюлену в Пенсильвании и письмо 2006 года. URL: <http://www.hizmet.today/vizit-erdogana-k-gyulenu/> (Дата обращения: 28.03.2016).

26 Conservative democrat political identity. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/2023-political-vision#bolum_ (Accessed: 12.09.2017).

27 Recep Tayyip Erdoğan'ın hayatı. URL: <http://www.ensonhaber.com/recep-tayyip-erdoganin-hayati-2014-07-01.html> (Accessed 5.09.2017).

28 Агрессивная политика Эрдогана душит экономику Турции. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/73482> (Дата обращения: 30.09.2016).

дарства» (в Турции как называют военные и гражданские структуры, верные секуляризму). Эта борьба и проводилась сторонниками Гюлена и Эрдогана. Необходимо было загнать армию в казармы и запретить вмешательство армии в политику.

Главной опорой в этой борьбе стали воспитанники образовательной системы Гюлена, «взрастившей» новое поколение молодежи, критически настроенной к светскому строю. Против военных были инициированы судебные процессы, и летом 2013 г. турецкие суды вынесли приговоры по делам «Эргенекон» и «Балиюз». Сотни высших офицеров армии, жандармерии и полиции, университетских профессоров, популярных журналистов получили суровые приговоры. Неудивительно, что именно воспитанники «Хизмет» заняли посты в правоохранительных структурах страны.

При этом работа судебных органов как по делу «Эргенекон», и особенно делу «Балиюз» («Кувалда»), напоминали фантазмагорию, плод чьей-то безумной фантазии. В самом деле, «террористические организации» по версии прокуроров объединяли и кемалистов, и крайне правых националистов, и левоцентристов, и коммунистов, и маоистов, и сепаратистов... При этом Евросоюз приветствовал эти процессы. В 2012 году на всенародном референдуме в конституцию страны были внесены поправки, положившие конец вмешательству армии в политическую жизнь страны. Представители армии были выведены из Совета национальной безопасности, и парламент страны ограни-

чил функцию военных «сохранением и защитой Турецкой Республики»²⁹.

Сторонники секуляризации пытались протестовать против исламизации страны. В 2013 году, когда власти собрались провести реконструкцию стамбульского парка Гези, а заодно и некоторых памятных мест у площади Таксим, население города вышло протестовать. Полиция действовала жестко и решительно: брандспойты, слезоточивый газ. В ответ появились радикалы, бутылки с зажигательной смесью и прочее.

Беспорядки охватили 48 городов Турции за две недели наиболее активных выступлений по всей стране число протестующих достигло сотен тысяч³⁰. Реакция Фетхуллы Гюлена на массовые протесты последовала достаточно быстро. «Мы все разделяем вину» за эти беспорядки, отметил Гюлен³¹. По его мнению, народными выступлениями ни в коем случае нельзя пренебрегать и необходимо выслушивать оппонентов. Критика Ходжа-Эфенди вызвала крайнее недовольство Эрдогана, которого уже давно раздражал этот проповедник. Однако образ Гюлена – религиозного мыслителя, мудрого проповедника, сдержанного, но доброжелательного в словах и многочисленных книгах, был крайне популярен в Турции.

Эрдоган же говорил простым языком, хорошо понятным массам приверженцев. Он яркий оратор, способен увлечь, но не разъясняет сложных духовных вопросов или высоких моральных истин. В то же время у нации не может быть двух духовных лидеров. К тому же «Хизмет» проник во все поры общества, его последователи заняли про-

29 Парламент Турции принял поправку против военных переворотов. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1683464.html (Дата обращения: 15.08.2017).

30 Около 30 адвокатов задержаны за поддержку протестующих в Стамбуле. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/11/advokat-anons.html> (Дата обращения: 12.06.2013).

31 Гюлен призвал Эрдогана отнестись к протестам серьезно. URL: <http://wordyou.ru/v-islame/gyulen-prizval-erdogana-otnes-tis-k-protestam-serezno.html> (Дата обращения: 10.06.2013).

курорские и полицейские должности. Они умело разделились с армией, используя юридическую подготовку, полученную в университетах Гюлена, но, по мнению Эрдогана, они фактически стали «параллельным государством».

В этих условиях Эрдоган наносит свой удар – начинает программу реформирования турецкой школы и объявляет о закрытии «дерсханелер» – системы Гюлена.

Движение «Хизмет» ответило на атаку Эрдогана. 17 декабря 2013 г. турецкие правоохранительные органы в рамках операции «Большая взятка» объявили о расследовании сразу трех дел о коррупции, взорвавших обстановку³². Премьер-министр Эрдоган усмотрел в расследовании планомерные действия против его правительства. По словам Эрдогана, некоторые «круги внутри и за пределами Турции» стремятся помешать быстрому росту Турции³³. Виновным был объявлен Фетхуллах Гюлен и началась борьба против его последователей в структурах полиции и судебных органах³⁴.

Начались массовые увольнения полицейских чинов, проявивших «нелояльность». В ходе первой и второй волны было уволено четыреста полицейских из департамента полиции Стамбула³⁵. По всей Турции в ходе кадровой чистки пострадало более 500 полицейских чинов.

Гюлен ответил немедленно: «Обвинения в коррупции, взяточничестве и контрабанде могут быть в любой стране. Именно поэтому существуют независимые судебные органы для их расследования»³⁶. По его словам о законности можно говорить до тех пор, пока государство и общество борются с коррупцией³⁷. Фетхуллах Гюлен проклинал тех, кто несет ответственность за чистку в рядах сотрудников полиции, проводивших расследование дел о коррупции³⁸.

Однако правоохранителями Эрдоган не ограничился. От своих обязанностей был отстранен вице-президент Агентства по банковскому регулированию и надзору Озан Джангюсель и его сотрудники³⁹.

Укрепившись во власти, Эрдоган, ранее опиравшийся на Движение Фетхуллаха Гюлена, не собирался смириться с масштабным участием «Хизмет» в политической жизни и его влиянием на государственные структуры Турции.

Попытка переворота – «подарок Аллаха»?

Большую роль в укреплении имиджа Эрдогана как несомненного лидера нации сыграла неудавшаяся попытка военного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. Внешне все выглядело несколько нетрадиционно для опыта

32 Подробнее см.: Скандальное расследование в Турции затрагивает контакты с Ираном и Россией. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747365.html (Дата обращения: 19.12.2013).

33 В Турции заговорили о политическом заговоре в связи с арестами чиновников и бизнесменов. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747360.html (Дата обращения: 20.12.2013).

34 Там же.

35 Кадровые перестановки в полиции Турции затронули около 500 человек. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1749771.html (Дата обращения: 26.12.2013).

36 Исламский богослов опровергает свою причастность к арестам в Турции. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747679.html (Дата обращения: 19.12.2013).

37 Там же.

38 Исламский богослов проклинал ответственных за чистку турецкой полиции. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1748363.html (Дата обращения: 21.12.2013).

39 High-ranking banking watchdog officials expelled amid gov't purge. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/high-ranking-banking-watchdog-officials-expelled-amid-govt-purge.aspx?pageID=238&nlID=61228&NewsCatID=346> (Accessed: 19.01.2014).

турецких военных. На улицах Стамбула и столицы страны – Анкары появились танки, зазвучали выстрелы. На захваченном канале было зачитано заявление: турецкая армия полностью взяла под контроль территорию страны.

Барражировавшие в воздухе столицы страны ударные вертолеты открыли огонь по демонстрантам – сторонникам Эрдогана, а затем обстреляли из пулеметов и нанесли бомбовый удар по зданию парламента⁴⁰.

Но попытка захватить президента Эрдогана, проводившего отпуск в курортном городе Мармарис, оказалась безуспешной. Группа захвата опоздала, президент покинул гостиницу, а перехватить президентский самолет истребители заговорщиков не смогли – не хватило горючего. Вернувшись в Стамбул, Р.Т. Эрдоган выступил с обращением к гражданам страны и призвал народ выйти на улицы и остановить мятежников. Большую роль в мобилизации сопротивления путчистам сыграли религиозные круги страны, для которых Эрдоган стал и вождем и надеждой. Призывы «защитить демократию» зазвучали практически со всех минаретов многочисленных мечетей, и десятки тысяч турок, заполнили улицы и площади городов страны. Толпы демонстрантов перегородили дороги, заблокировав танки и бронетранспортеры, начали разоружать солдат, и уже через несколько часов президенту и его соратникам удалось полностью овладеть ситуацией⁴¹.

По словам Эрдогана, в результате неудавшейся попытки мятежа погибло 246 человек (не считая путчистов), а 2185 человек были ранены. Началась охота на путчистов, и в первые же дни было арестовано 4060 человек, из которых 103 – генералы. В общей сложности сразу после подавления мятежа власти задержали около 10,4 тыс. человек⁴².

Отметим, что Эрдоган сразу заявил, что попытка путча – это «подарок Аллаха». Он не скрывал, что теперь удастся справиться «со всеми врагами». В стране развернулась масштабная чистка армии, жандармерии, полиции, государственных органов, средств массовой информации, бизнес-структур в рамках расследования деятельности запрещенной в стране «Террористической организации Фетхуллахистов» (сокращенно – ФЕТÖ – так называют в Турции сторонников Движения «Хизмет»)⁴³.

Впрочем, еще до путча, по данным Human Rights Watch, в 2016 году в Турции были заключены в тюрьму 148 журналистов и работников СМИ, 169 издательств и СМИ были закрыты. 1500 журналистов стали безработными. 90 журналистов подверглись нападению. Были заблокированы доступы к более чем 200 новостных сайтов, а 24 крупных телеканала в Турции были закрыты⁴⁴.

Эрдоган нанес сокрушительный удар по сторонникам «Хизмет» в системе образования Турции. В связи с подозрениями в причастности к террористической организации «ФЕТО» бы-

40 Турция обвинила США в укрывательстве организатора переворота: Мы больше не друзья. URL: <http://ren.tv/novosti/2016-07-16/turciya-obvinila-ssha-v-ukryvatelstve-organizatora-perevorota-my-bolshe-ne-druzya> (Дата обращения: 17.08.2016).

41 «Сейчас в руках Эрдогана настоящий карт-бланш». Эксперт РАН о последствиях путча в Турции. URL: <http://spektr.press/sejchas-v-rukah-erdogana-nastoyaschij-kart-blansh-em-ekspert-ran-o-posledstviyah-putcha-v-turcii-em/> (Дата обращения: 17.08.2016).

42 Эрдоган: в Турции возможна новая попытка путча. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3476195> (Дата обращения: 20.08.2016).

43 В Турции арестовали 32 тысячи человек в связи с попыткой госпереворота. URL: <https://rg.ru/2016/09/28/v-turcii-arestovali-32-tysiachi-chelovek-v-sviasi-s-popytkoj-gosperevorota.html> (Дата обращения: 05.10.2016).

44 Терракты, война и тирания: Турция за 2016 год. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2226545.html> (Дата обращения: 12.02.2017).

ли отстранены от работы и лишены лицензий 27715 учителей⁴⁵.

Попытка переворота помогла Эрдогану добиться расширения президентских полномочий. По турецкой конституции основные полномочия были сосредоточены в руках премьер-министра. Провести конституционные изменения через парламент Эрдоган не мог – не хватало конституционного большинства. От основных конкурентов в партии он избавился вполне успешно, умело убрав в тень старого соратника Абдуллаха Гюля, верного соратника и автора идеи «неоосманизма» Ахмета Давутоглу.

Турецкий парламент, опираясь на поддержку ПСР со стороны ультраправой ПНД, одобрил поправки к пакету изменений в конституцию страны о введении президентской формы правления. За принятие закона о референдуме проголосовали 339 депутатов⁴⁶. Референдум был проведен 16 апреля 2017 г. В ходе референдума 51,41% голосовавших поддержали Эрдогана⁴⁷.

Полномочия, которые получил Эрдоган, сделали его власть практически безраздельной. Измененная конституция позволяет президенту назначать министров, будет ликвидирован пост премьер-министра, а пять вице-президентов будет назначать президент. Судьи всех верховных инстанций будут тоже назначаться президентом. Соответственно такой набор полномочий не имеет аналогов в Европе. Впрочем, новый вариант конституции вступит в силу после президентских выборов 2019 г.

Внешняя политика и харизма Эрдогана

Для амбиций Эрдогана масштаб одной только Турции оказался слишком мал. Уже с первых лет после прихода к власти ПСР Эрдоган озаботился укреплением своей популярности за пределами страны. Надо отдать ему должное – некоторые инициативы Эрдогана действительно получили поддержку на международной арене. Впрочем, большую роль в укреплении авторитета как самой Турции, так и ее политиков на международной арене, сыграла неутомимая деятельность Ахмета Давутоглу на посту министра иностранных дел. Именно этот политик считается автором политики «неоосманизма» – создание союза ближневосточных стран, некоего подобия Османской империи, подконтрольного Турции (Аватков, 2014, с. 71-78, Tanaskovic, 2013, р. 67-81). Эти идеи Давутоглу изложил в изданной в 2001 г. книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» (Davutoğlu, 2004, s. 97-119). К разработкам Давутоглу относится и политика «Ноль проблем с соседями»⁴⁸ – идея регионального урегулирования проблем с использованием «политики «мягкой силы» (Аватков, Дружиловский, 2013, с. 75-80).

Под лозунгом «ноль проблем с соседями» Эрдоган предпринял попытку прекратить конфронтацию с Арменией. Состоялись взаимные визиты с посещением футбольных матчей, были выработаны «Цюрихские протоколы»,

45 Учеба началась с арестов. URL: <https://rg.ru/2016/09/20/bole-27-tysiach-uchitelej-v-turcii-popali-pod-podozrenie-v-sviaziah-s-giulenom.html> (Дата обращения: 22.09.2016).

46 В Турции проведут референдум в связи с одобрением перехода на новую форму правления. URL: <http://ren.tv/novosti/2017-01-21/v-turcii-provedut-referendum-v-svyazi-s-odobreniem-perehoda-na-novuyu-formu> (Дата обращения: 23.01.2017).

47 Шамиль Султанов: «Эрдоган стал харизматичным лидером, на которого молятся». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/351596> (Дата обращения: 23.08.2017).

48 Кандидат на пост премьер-министра Турции Ахмет Давутоглу. Биография. URL: <http://tass.ru/info/1403920> (Дата обращения: 28.09.2017).

которые позволили бы двум странам нормализовать отношения. Однако и в этом Эрдоган не прошел до конца по пути нормализации. Жесткие протесты в Азербайджане с сожжением турецких флагов, проклятиями в адрес «турецких братьев» как со стороны властей, так и со стороны мобилизованной общественности, остановили процесс, и турки отложили протоколы в долгий ящик. Перечить Азербайджану – главному партнеру в реализации еще одной турецкой идеи – идеи «турецкого единства», которую Турция продвигала на постсоветском пространстве, Эрдоган не решился. Пантюркистская идея создания некоего огромного тюркского государства или союза государств к тому времени уже получила развитие. Были созданы наднациональные парламентские и правительственные структуры, более 26 тысяч студентов из тюркских республик уже прошли обучение в турецких вузах, а тысячи «турок» постсоветского пространства уже прошли обучение в десятках «турецких лицев», созданных по всему постсоветскому пространству усилиями структур Фетхуллага Гюлена.

Поворот Эрдогана на Восток разрушил союзнические отношения с Израилем. На заседании Всемирного экономического форума в Давосе 29 января 2009 г. Эрдоган обвинил президента Израиля Шимона Переса в гибели палестинцев в ходе операции «Литой свинец». «Вы хорошо знаете, как убивать людей!» – сказал Эрдоган Пересу, покидая зал заседаний⁴⁹. В Турции Эрдогана встретили как героя, и такая же реакция последовала в арабских странах.

Эрдоган продолжал жесткую критику политики Израиля, а в 2010 г. был организован гуманитарный конвой

«Флотилия свободы» по прорыву блокады сектора Газа. 31 мая 2010 г. флотилия подошла к территориальным водам Израиля. Израильский десант высадился на турецкий корабль «Мави Мармара». Турецкие участники акции атаковали пришельцев, впрочем, используя только ножи. Израильцы не стали церемониться со своими союзниками и пустили в ход оружие. В результате девять участников акции погибли от рук израильских командос.

Эрдогану удалось выставить Израиль в крайне невыгодном свете в глазах Европы, получить ранее не виданную поддержку не только в арабском, но и в исламском мире. Да и Израиль был вынужден пойти на смягчение блокады Палестинской автономии. В центре всех событий стояла фигура Эрдогана, который стал воистину кумиром арабской улицы.

В то же время Эрдоган в противовес Израилю улучшил отношения с Сирией, с которой у Турции всегда были проблемы. Эрдоган и Асад даже отдыхали семьями, а место Израиля в совместных маневрах заняла Сирия. Эрдоган улучшил отношения с Ираном и даже предлагал вывезти иранский уран на турецкую территорию в рамках урегулирования иранской ядерной проблемы.

Так продолжалось до начала «арабских революций». События у арабских соседей Эрдоган встретил с воодушевлением. К власти в Тунисе пришли исламисты, в Египте победили идейно родственные турецкой ПСР «братья мусульмане». На этой волне популярность Эрдогана и его ПСР резко выросла. Арабские исламисты даже присваивали своим партиям название ПСР. Турция оказала решительную поддержку ливийским исламистам в свержении правительства Муаммара Каддафи.

49 Турецкий премьер демонстративно покинул заседание в Давосе. URL: <https://ria.ru/world/20090129/160494284.html> (Дата обращения: 28.09.2017).

Таким образом, Эрдоган сумел осуществить разворот во внешней политике, продолжая уверять и западных союзников в верности обязательствам по отношению к США и блоку НАТО. Эта линия не ставится под вопрос и турецкими политологами (Güncel..., 2013, s. 70-86).

Однако Эрдоган слишком увлекся исламистским проектом, и когда арабские революции были экспортированы в Сирию, он опять развернул внешнеполитический курс на 180 градусов. «Лучший друг» Башар Асад превратился в злейшего врага. На турецкой территории развернулись не только лагеря беженцев-сирийцев, но и центры подготовки террористов. Десятки тысяч боевиков развернули масштабные военные операции на территории Сирии при активной финансовой поддержке Саудовской Аравии и Катара, который не мог простить Башару Асаду отказ от строительства «мусульманского трубопровода» для экспорта катарского газа в Европу. Турция попыталась объединить разрозненную сирийскую оппозицию в единую систему «борцов против режима», впрочем, без особых успехов.

В свою очередь, вмешательство Турции в сирийскую ситуацию привело к ухудшению российско-турецких политических отношений, которые до этих новаций переживали свой самый успешный период (Аватков, Дружниковский, Федорченко, 2013, с. 126-136). Особенно успешными в эти годы стали отношения в сфере энергетики (Бингол, 2010, с. 35-48). Однако новый поворот политики Турции изменил ситуацию. Кризис на Украине Эрдоган встретил новыми резкими выпадами в адрес России. Турция изначально позиционировала себя как «защитницу» крымских

татар, которых, по заявлениям турецких политиков, «собирались лишить их законных прав», а референдум в Крыму Турция не признала и поддержала киевские власти (Аватков, 2015, с. 47-49.).

После катастрофы малазийского «Боинга». Р. Эрдоган – премьер-министр Турции и кандидат в президенты публично обвинил в этой трагедии именно Россию. На предвыборном митинге в провинции Бурса 18 июля 2014 г. Эрдоган заявил: «Малазийский лайнер, к несчастью, был сбит ракетой, выпущенной Россией... Что это за мышление, которое говорит: «Я сильный, я могу стрелять, как хочу, я могу сбивать, если хочу»⁵⁰.

Примерно такая же ситуация сложилась и со сбитым российским бомбардировщиком. Турецкая общественность была полностью лишена информации, кроме официальной, по которой российский самолет «нарушил» турецкое воздушное пространство.

Соответственно Эрдоган отыграл в свою пользу сложившуюся ситуацию и получил нужные ему политические очки, укрепив свой образ решительного защитника турецких интересов. Впрочем, поддержка Эрдогана со стороны турецкого электората росла в течение первых двух-трех месяцев, а потом заработал обратный процесс – осознание экономических потерь, которые постепенно начали сказываться на экономике страны и особенно в туристических регионах. Необходимость восстановить отношения стала очевидной. Отсюда и письмо с извинениями, и форсирование восстановления отношений (Avatkov et. al., 2016, p. 6-10). На данном этапе для оказавшейся в изоляции в регионе и мире Турции нужен и союз с Россией, и взаимодействие с Ираном, а ситуация в

50 Erdoğan says Russia downed Malaysian plane. URL: http://www.todayszaman.com/diplomacy_erdogan-says-russia-downed-malaysian-plane_353564.html (Accessed 12.08.2014).

Сирии стала угрожать внутривнутриполитической стабильности в стране.

Амбиции Эрдогана устремлены далеко за пределы Турции. Стремление стать лидером не только среди мусульманских государств, ранее входивших в состав Османской империи («неоосманизм»), но и придать Турции руководящую роль в исламском мире, как минимум идейную, что вполне соответствует панисламистским устремлениям времен конца девятнадцатого века.

В то же время Эрдоган продолжает линию на активизацию деятельности и в рамках «Тюркского союза» как по линии культурного сотрудничества, так и интеграционного, укрепляя межпарламентские структуры тюркских государств, сотрудничество по линии министерств и ведомств (Турция..., 2012, с. 62-68). Эта линия вполне соответствует пантюркистским устремлениям предшественников Эрдогана. Впрочем, такой «вселенский размах» не является прерогативой восточных харизматиков.

Список литературы

- Аватков В.А. (2014). Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции. *Свободная мысль*, (3). 71-78.
- Аватков В.А. (ред.). (2015). *Внешинополитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015 г.)*. Коллективная монография. М.: ООО «Паблис». 88.
- Аватков В.А., Дружиловский С.Б. (2013). Внешнеполитические идеологии Турции. *Обозреватель (Observer)*, 6 (281). 73-89.
- Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Федорченко А.В. (ред.). (2013). *Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы*. М.: Изд. МГИМО – Университет МИД России. 150.
- Бингол Хасан Фатих. (2010). *Россия и Турция: энергия сотрудничества. Взаимодействие в сфере энергетической политики*. М.: Издательский дом «Политическая мысль». 134.
- Владимирский А.В. (2014). *Великий Ататюрк. «Отец народа», «Человек судьбы»*. М.: Яуза:Эксмо. 352.
- Юлен Ф. (2006). *Жизнь и исламская вера*. М.: «Издательство Новый Свет». 400.
- Емельянова Н. (2008). Частные школы в турецкой образовательной системе. Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю. (ред.). *Турция на рубеже XX-XXI веков*. М.: ИВ РАН. 162-179.
- Оджалан А. (2011). *Проблемы демократизации в Турции. Модели урегулирования ситуации в Курдистане: «Дорожная карта»*. М.: «Onebook.ru». 128.
- Саркисян С. (2012). Эволюция турецкой армии в контексте политических изменений в стране. *21-й ВЕК*, 5 (25). 53-80.
- Ставицкий В.А., Табасаранцев С.И. (сост.). (2012). *Толерантность религий и цивилизаций. Взгляды Фетхуллы Гюлена*. М.: Экономика. 359.
- Турция: новая роль в современном мире. (2012). М.: ЦСА РАН. 60.
- Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. (ред.). (2012). *Турция в период правления партии справедливости и развития. Сборник статей*. М.: Типография «Вишневый пирог». 238.
- Шлыков П.В. (2011). *Вакфы в Турции: трансформация традиционного института*. М.: Изд. Дом Марджани. 560.
- Avatkov V. [et. al.]. (2016). *New Stage of Russia–Turkey Economic Relations*. Moscow: NPMP RIAC. 33.
- Davutoğlu A. (2004). *Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. Istanbul: Küre Yayınları. 584.
- Güncel gelişmeler ışığında Türk dış politikası: zorluklar ve fırsatlar sempozyumu. (2013). Antalya: Uluslararası Antalya Üniversitesi Yayınları. 156.

Tanaskovic D. (2013). *Neo-ottoman-ism. A Doctrine and Foreign Policy Practice*. Belgrade: Cigoja stampa. 102.

References

Avatkov V. [et. al.]. (2016). *New Stage of Russia–Turkey Economic Relations*. Moscow: NPMP RIAC. 33.

Avatkov V.A. (2014). Neoosmanizm. Basic Ideology and Geostrategy of Turkey. *Svobodnaya mysl'*, (3). 71-78.

Avatkov V.A. (ed.). (2015). *Foreign Policy Discourse of the Leading Subjects of Turkish Politics (2010 – summer 2015). Collective monograph*. Moskva: OOO "Pablis". 88.

Avatkov V.A., Druzhilovskii S.B. (2013). Foreign Policy Ideologems of Turkey. *Obozrevatel' (Observer)*, 6 (281). 73-89.

Avatkov V.A., Druzhilovskii S.B., Fedorchenko A.V. (eds.). (2013). *Russian-Turkish Relations: 2002-2012*. Moskva: Izd. MGIMO – Universitet MID Rossii. 150.

Bingol Khasan Fatikh. (2010). *Russia and Turkey: the energy of cooperation. Interaction in the Sphere of Energy Policy*. Moskva: Izdatel'skii dom "Politicheskaya mysl". 134.

Davutoğlu A. (2004). *Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. Istanbul: Küre Yayınları. 584.

Emel'yanova N. (2008). Private schools in the Turkish educational system. Zaitsev I.V., Ul'chenko N.Yu. (eds.). *Turkey at the Turn of the 20th and 21st Centuries*. Mosk-

va: IV RAN. 162-179.

Gülen F. (2006). *Life and Islamic belief*. Moskva: "Izdatel'stvo Novyi Svet". 400.

Güncel gelişmeler ışığında Türk dış politikası: zorluklar ve fırsatlar sempozyumu. (2013). Antalya: Uluslararası Antalya Üniversitesi Yayınları. 156.

Odzhalan A. (2011). *Problems of Democratization in Turkey. Models for the Settlement of the Situation in Kurdistan: "Road ma"*. Moskva: "Onebook.ru". 128.

Sarkisyan S. (2012). The Evolution of the Turkish Army in the Context of Political Changes in the Country. *21-i VEK*, 5 (25). 53-80.

Shlykov P.V. (2011). *Waqfs in Turkey: the transformation of a traditional institution*. Moskva: Izd. Dom Mardzhani. 560.

Stavitskii V.A., Tabasartantsev S.I. (compl.). (2012). *Tolerance of Religion and Civilization*. Moskva: Ekonomika. 359.

Tanaskovic D. (2013). *Neo-ottoman-ism. A Doctrine and Foreign Policy Practice*. Belgrade: Cigoja stampa. 102.

Turkey: a new role in the modern world. (2012). Moskva: TsSA RAN. 60.

Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V. (eds.). (2012). *Turkey during the Rule of the Party of Justice and Development. Collection of articles*. Moskva: Tipografiya "Vishnevyy pirog". 238.

Vladimirskii A.V. (2014). *Great Atatürk. "Father of the people", "Man of fate"*. Moskva: Yauza:Eksmo. 352.

Информация об авторе

Виктор Анатольевич Надеин-Раевский, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
nrv2004@mail15.com

About the Author

Victor A. Nadein-Raevskiy, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
nrv2004@mail15.com

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168

Петр Викторович ОСКОЛКОВ

Факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-51, Москва, 119991, Российская Федерация
petroskolkov@yandex.ru

Егор Александрович СЕРГЕЕВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
sergeev-ea@yandex.ru

Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается партийная система Королевства Нидерландов с точки зрения двух ключевых факторов: исторически существовавшей в стране системы опор, предопределившей современную партийную сегментацию, и европейской интеграции, наложившей свой отпечаток на партийные программы (в данном аспекте авторы сконцентрировались на евро-скептицизме, свойственном ряду нидерландских партий). Нидерландская партийная система сформировалась под влиянием корпоративизма начала XX века, и, в отличие от других элементов системы опор, подвергшихся эрозии в 60-70-х годах столетия под влиянием внешне- и внутриполитических факторов, по-прежнему опирается на «опорный» каркас. При этом каркас в основном остаётся лишь формой институционализации, в то время как идеологии всех партий (кроме ортодоксально-кальвинистских) подверглись размытию и сме-

стились к центру; также нельзя не отметить формирование «партий нового типа» в процессе слома системы опор и общеевропейской тенденции создания надсистемных популистских партий, а также «партий новой волны». Европейская интеграция, интенсивно институционализировавшаяся с начала 1990-х годов, наложила отпечаток на программы всех партий, как «старых», так и «новых»; при этом мягкий евроскептицизм характерен и для тех, и для других (несмотря на благожелательное отношение к европейской интеграции со стороны партий, вышедших из либеральной, объединённой умеренно-клерикальной и умеренно-социалистической опор), во многом являясь отражением страха малых стран Европы перед наднационализацией и потерей суверенитета (а в случае клерикальных партий – перед дальнейшей либерализацией общественного порядка). Однако евроскептицизм в большинстве случаев (кроме правопопулист-

ских партий; речь идёт также о радикально-социалистических и радикально-религиозных) является фоновым элементом программ, основное внимание в которых уделяется социально-экономическим аспектам, и не влияет напрямую на электоральную мобилизацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Нидерланды, система опор, общественная демокра-

тия, евроскептицизм, европейская интеграция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осколков П.В., Сергеев Е.А. (2017). Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 155-168. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-155-168

Point of View

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-155-168

Petr V. OSKOLKOV

Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University
1-51, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991
petroskolkov@yandex.ru

Egor A. SERGEEV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergeev-ea@yandex.ru

Party System of the Netherlands: between Pillarization and European Integration

ABSTRACT. *In the article, the party system of the Netherlands is examined in the focus of two key factors: the historically inherent pillarization system that shaped the current party segmentation, and the European integration that left its impact on the party programs (the authors' intention was to analyze especially Euroscepticism of several Dutch parties). The Dutch party system was shaped under the influence of the early 20th century corporatism, and, unlike other elements of the pillarization that was eroded in 1960-1970 years under the pressure of exogenous and endogenous factors, it is still based on the pillars backbone. This*

backbone largely remains as a form of institutionalization, while the party ideologies (except for orthodox Calvinist parties) moved to the center; it should also be noted here that, as a part of the depillarization process and the pan-European tendency of antiestablishment party formation, several "new type" and "new wave" parties were created. The European integration, intensively institutionalized after 1992, left an impact on the programs of all parties, old and new; soft Euroscepticism is inherent in all of them, being largely a reflection of the fear that small EU countries have towards supra-nationalization and the loss of sover-

eighty (in the case of clerical parties, it is also fear of the further liberalization of societal order). However, in most cases, Euroscepticism is just a background element (except for right-wing populist parties); programs are largely focused on socio-economic aspects, and the Eurosceptic features do not influence directly electoral mobilization.

KEYWORDS: *the Netherlands, pillarization, consociational democracy, Euroscepticism, European integration*

FOR CITATION: Oskolkov P.V., Sergeev E.A. (2017). Party System of the Netherlands: between pillarization and European integration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 155-168. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168

Одно из самых известных исследований демократии – «Демократия в многосоставных обществах» Аренд Лейпхарта (Arend Lijphart). В этой небольшой книге, совмещающей теорию демократии с теорией «нового» корпоративизма, автор предлагает модель демократии, которая может избавить гетерогенные в этническом, социальном и других смыслах общества от видимых признаков раскола. Причём, в отличие от схожих построений Герхарда Лембруха, модель Лейпхарта может быть привнесена в общество извне (или построена «сверху»), что открывает массу возможностей для новых демократий. При этом политолог объясняет свои идеи на практических примерах успешно функционирующих общественных демократий – Бельгии, Швейцарии, Австрии и Нидерландов (как отмечал сам Лейпхарт, в настоящее время «тенденция общественности пошла на спад, но, заметим, не в результате провала общественной демократии, а потому что общественность стала себя изживать именно благодаря свое-

му успеху» (Лейпхарт, 1997, с. 36). Выборка кейсов, безусловно, неслучайна. В четырёх странах А. Лейпхарт обнаружил все необходимые структурные элементы общественной демократии. Но не возникает сомнения в том, что именно в родных для него Нидерландах сегментированность общества приняла наиболее очевидную и институционализированную форму.

Система опор (нид. *verzuiling*, от *zuil* – опора) – явление в политической и общественной истории Нидерландов, которое можно охарактеризовать как всеобъемлющее разделение общества по партийному и идеологическому признакам. Главной чертой такой системы является наличие формализованных общественных институтов, официально или полуофициально ассоциированных с той или иной политической партией (школы, СМИ, университеты, профсоюзы и т.д.). Период функционирования системы опор можно определить достаточно чётко (1917-1967 гг.). Существование системы обрамляется двумя законами о выборах, оказавших значительное влияние на структуру партийного пространства Нидерландов. Также на формирование этой системы сильно повлияли последствия Первой мировой войны и введение нового «церковного порядка» в 1918 г., а на слом системы опор – результаты Второго Ватиканского собора, а также деятельность новых левых в начале-середине 60-х гг.

Нельзя однозначно говорить о том, что система опор как разделение общества по идеологическому признаку является исключительно нидерландским явлением (подобные системы возникали, например, в Бельгии или Австрии), однако можно утверждать, что по оригинальности и степени проникновения политического размежевания в общественные институты нидерландской системе не было равных. Кроме

того, существует ещё ряд отличительных черт, способных выделить эту систему из числа подобных. Во-первых, можно отметить чрезвычайно высокую политическую активность клерикальных сил (катализатором появления системы стали католики, а первую политическую партию Нидерландов (Антиреволюционная партия, ARP) создали протестанты в 1879 г.). Во-вторых, профессиональная опора в этой стране была разделена на католиков и протестантов, причём уровень разобщённости между ними был значительным. Наконец, можно отметить высокий уровень горизонтальной разобщённости в Нидерландах (уровень классового самосознания был выше, чем уровень национального самосознания) (Lijphart, 1968, p. 33), на который наслаивалась вертикальная (не зависящая от уровня дохода, положения в обществе и т.д.) разобщённость в рамках системы опор.

Основные силы, формировавшие систему опор, можно сгруппировать следующим образом: католики, протестанты (наименее сплочённая клерикальная группа, представленная различными течениями), социалисты (рабочее движение, объединявшееся вокруг крупнейших неклерикальных профсоюзов), а также группа «неприсоединившихся», которых условно можно именовать либералами.

Для понимания логики формирования системы опор и причин её появления можно воспользоваться следующим простейшим теоретическим конструктом: стимул складыванию системы опор придал процесс «католической эмансипации» (стремление многочисленного и идеологически гомогенного, но политически не структурированного католического населения приобрести политические права и участвовать в управлении). Концептуальное оформление скорее было оформлено протестантами (с их изоляциониз-

мом и невмешательством в дела других групп; реформатский теолог Абрахам Кёйпер сформировал концепцию «суверенитета в своём кругу» (Шатохина-Мордвинцева, 2007, с. 275), ставшую руководством к действию для протестантской опоры), а методы воздействия на электорат и отчасти повестка дня формировались в основном социалистами (что выразилось, например, в формировании клерикальных профсоюзов). Таким образом, практически все главные общественные силы (помимо либералов, бывших в меньшинстве) способствовали складыванию системы опор. Также возникновение системы опор было во многом вызвано необходимостью структурирования потенциального электората, что привело к формированию первых институтов и организаций, связанных с тем или иным идеологическим течением (речь, прежде всего, о школах, СМИ, больничных кассах и профсоюзах).

Недовольство населения политической либералов в ходе Первой мировой войны обеспечило достаточную поляризацию Генеральных штатов. Именно эти выборы 3 июля 1918 г. стали началом практического воплощения системы опор. Либералы потеряли власть, но остались в парламенте (получили 18 мест из 100), Всеобщий союз римско-католических объединений избирателей получил 25 мест, протестанты – Антиреволюционная партия и Христианско-исторический союз – получили 11 и 9 мест соответственно; СДРП получила 22 места (Шатохина-Мордвинцева, 2007, с. 337).

Первую партию, как уже упоминалось, создали протестанты. На протяжении XX в. численность АРП менялась незначительно. Считая, что в своей политической линии партия не придерживается в достаточной степени идеалам протестантизма, а также в связи с разногласиями по вопросу ре-

формирования избирательной системы, уже в 1894 г. выделилась Свободная антиреволюционная партия (нид. Vrij-Antirevolutionaire Partij). А в начале XX в., еще до того, как было создано большинство самых влиятельных нидерландских партий, от АРП отделилось еще одно течение: (Государственная) Реформатская партия (SGP), которая функционирует до сих пор. В конце 40-х гг. произошло оформление Политического союза реформированной церкви (PGV).

Кроме уже упоминавшихся партий протестантский блок в эпоху системы оппор был представлен также Христианским историческим союзом (CHU), созданном в 1908 г., также в 80-е гг. вошедшим в Христианско-демократический призыв (совместную партию клерикалов, созданную в 1980 г.). Идеологически эта партия была близка антиреволюционерам, так как родилась из движения свободных антиреволюционеров, отделившихся в 1894 г. от АРП.

Необходимо отметить, что структура протестантской опоры выглядит несколько сложнее, чем структура трех других опор. По словам Лейпхарта, досконально изучившего жизнь в Нидерландах времен системы оппор, между двумя протестантскими партиями существует явное отличие – Антиреволюционная партия была партией реформированной церкви (меньшей по численности, но достаточно сплоченной и гомогенной), а Христианско-исторический союз – партией реформатов (Лейпхарт, 1997, с. 110). После слома системы оппор протестантские партии потеряли свои позиции (что вызвано как процессами секуляризации политики в стране, так и дальнейшим уменьшением доли протестантского населения), что вынудило многие из них участвовать в создании ХДП в 1980 г.

Католический лагерь был представлен Римско-католической госу-

дарственной партией (нид. Rooms-Katolieke Staatspartij). Она была образована в 1926 г. из Всеобщего союза римско-католических избирательных объединений. После Второй мировой войны партия поменяла свое название на Католическую народную партию. В 1977 г. она входит в союз с Христианско-демократическим союзом (протестанты), а в 1980-е становится одной из партий, вошедших в состав ХДП. У католической народной партии наблюдался, пожалуй, самый стабильный электорат из всех партий. Наиболее популярна она была предсказуемо на юге Нидерландов – в Лимбурге и Брабанте, средние позиции занимала в Твенте, вокруг Неймегена и других центральных провинций, наиболее слаба партия была на севере – во Фрисландии и Гронингене.

Социалисты тоже имели только одну политическую партию. Социал-демократическая рабочая партия (SDAP) была основана в 1894 г. и присоединилась ко Второму интернационалу. В 1909 г. из состава партии вышла Социал-демократическая партия (SDP), которая в 1919 г. стала называться Коммунистической партией Голландии (CPH), а с 1935 г. – Коммунистической партией Нидерландов (CPN). В 1945 г. СДРП слилась с Свободным демократическим союзом (нид. Vrijzinnig Democratisch Bond) и Христианско-демократическим союзом (CDU) и образовала Партию труда (PvdA), до сих пор активно действующую на нидерландской политической арене. Как уже отмечалось, значительную часть потенциального электората партии заняли протестантские и католические движения. Это привело к большему размыванию идеологии партии и созданию Партии труда, идеология которой фактически уже основывалась на принципах социал-демократии. В предвыборных программах 1956 г. и 1959 г. речь уже не идет о борьбе с капитализмом. Можно ска-

зять, что ПТ скорее становится проводником так называемого государства всеобщего благоденствия, отмечая, что эффективная экономическая политика возможна только при существовании определенной системы планирования и соблюдения всех социальных обязательств государства.

Первой либеральной партией Нидерландов был Либеральный союз (нид. *Liberale Unie*). Он образовался в 1885 г. как федерация местных либеральных объединений. Задумывался он как общая площадка для всех либералов, которая могла обеспечить светским кандидатам победу на выборах над клерикальными партиями в условиях ограниченного избирательного права. Впоследствии это объединение стало называться Либеральной государственной партией (нид. *Liberale Staatspartij*), а после войны – Партией свободы (нид. *Partij voor de Vrijheid*). Ситуация начала меняться уже в 1948 г., когда в результате объединения последней и т.н. «Комитета Ауда» была создана Партия за свободу и демократию. Главный постулат новой партии: «Весь народ есть единство противоположностей, и каждый представитель народа в первую очередь является нидерландцем и только затем представителем своей политической партии»¹. Таким образом констатируется необходимость избегать того разделенного положения, которое сложилось в обществе благодаря существованию системы опор. Отныне большая часть деятельности либералов будет направлена на слом этой системы, так как они от нее не получают никакой выгоды.

Среди причин, повлиявших на слом системы опор, можно выделить как экзогенные (изменения в мировой по-

литике и экономике), так и эндогенные факторы (появление нидерландских новых левых, война в Индонезии, недовольство действиями монархии и др.). Но наиболее важным фактором было вступление в политическую и общественную жизнь послевоенного поколения (наслаивавшееся на увеличение численности студентов (*Terugblikken...*, 2010, р. 34), развития массовой культуры и иных факторов), а также общественный протест, направленный против сложившейся системы. Определённое влияние на изменение системы опор через трансформацию католической опоры сыграл и Второй Ватиканский собор, провозгласивший принцип открытости церкви миру. Система опор, понимаемая как результат эмансипации католиков, прекращала своё существование. К 1970 г. из 161 католической организации исчезли 35, а 1980 г. – 100. Часть верующих негативно восприняла изменения в богослужении и реформирование социальной доктрины Церкви, многие, в том числе священнослужители, начали покидать РКЦ. С начала 1970-х гг. до середины 1980-х гг. число неверующих подскочило до 50% населения (*Van Rooden*, 1996, р. 42). На выборах 1971 г. за Католическую народную партию проголосовали лишь 53% католиков – исчезла партийная дисциплина.

Считается, что одним из главных индикаторов изменения системы опор стали выборы 1967 г., в которых самое активное участие приняли представители молодого поколения (от 21 до 24 лет). В результате выборов ухудшились позиции Католической народной партии, она потеряла 8 кресел, набрав 26,5% голосов. На втором месте оказалась Партия труда, набрала 23,5 голо-

1 Beginselprogramma van de Volkspartij voor Vrijheid en Democratie, 1948. URL: <http://pubnpp.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/beginselprogramma/vvd1948/VVD1948.pdf> (Accessed: 18.11.2017).

сов и потеряла 6 мест во Второй палате. Показательно хорошо выступили новые партии. «Демократы-66» (D66), образовавшиеся только в 1966 г., получили 7 мест, а Крестьянская партия (нид. *Boerenpartij*), основанная в 1958 г., – 4 места. В соотношении с другими партиями это не так много, но это означает, что около 10% населения ушли от своих партий и проголосовали за совершенно новые. Коалиции сформировали католики, антиреволюционеры, протестанты и либералы. Значительное падение доли католиков в парламенте (в 1966 г. правительство было сформировано только Католической народной партией и Антиреволюционной партией) обозначило, как считают многие, конец системы опор, хотя фактически начался лишь процесс ее трансформации.

Однако, наверное, не стоит абсолютизировать эти показатели. Скорее можно говорить об изменении роли различных политических сил в электоральном процессе Нидерландов. Свои позиции однозначно потеряли католики, но их место заняли объединенные клерикальные силы, а также набравшее вес либеральное движение во главе с НПСД.

Сегодня на политической арене Нидерландов существует около 15 партий, действующих в общенациональном масштабе. На местном уровне действует более 100 небольших политических партий. Самыми крупными по численности на данный момент остаются Христианско-Демократический призыв (около 60 тыс. членов) и Социалистическая партия (около 45 тыс. членов). Однако на политической арене они сегодня действуют не очень успешно. Явными лидерами электорального процесса последних 10 лет были две партии – Партия труда (*PvdA*) и Народная партия за свободу и демократию (*VVD*). Однако на последних выборах Партия труда потерпела сокрушительное поражение.

В целом функционирование партийного механизма мало изменилось со времен эпохи системы опор: все также существуют определенные политические элиты, гарантированно попадающие в парламент, часто входящие в состав правительства, хотя у избирателя появилось больше возможностей альтернативного выбора в условиях, когда у каждой из партий нет возможности организационной инкапсуляции избирателей и сторонников. Все также существуют католические и протестантские школы, даже соотношение между учениками, посещающими разные школы, изменилось не так сильно, хотя произошло падение доли конфессиональных школ (в 2009 г. 30% младших школьников посещали неконфессиональные школы, 34% – католические, 28% – протестантские, 8% – другие школы (*Jaarboek.*, 2009, p. 19)). Остались и ведущие средства массовой информации, хотя и перестали носить прежний идеологический характер. Некоторые из них сохранили социалистическую направленность (*Het Parool*), но утверждать это можно весьма условно. Практически все клерикальные средства массовой информации сегодня превратились в нейтральные (*Volkscrant*, *Trouw* и др.). Тенденция секуляризации заметна и в высшем образовании: Католический университет Неймегена, например, хотя до сих пор аффилирован с католической церковью, в 2004 г. поменял свое название на Неймегенский университет им. Радбоды (*Radboud Universiteit Nijmegen*).

Таким образом, общественная жизнь Нидерландов изменилась очень сильно, хотя многие институты эпохи системы опор остались. Однако практически не изменилась партийная система, оставшаяся многопартийной (согласно критериями Дж. Сартори – система крайнего плюрализма). Механизм двух-трех сильных партий, из го-

да в год формирующих правительство, сохранился, однако главная клерикальная партия все больше теряет свои позиции, уступая на сегодняшний день явным лидерам – либералам и социал-демократам. Однако на последних выборах и социал-демократы в лице Партии труда потерпели, как уже упоминалось, сокрушительное поражение. Возможно, во многом это связано с изменением традиционной повестки партии после выборов 2012 г. и вхождением её членов в антикризисное правительство, осуществившее достаточно серьёзные меры в рамках коалиционного договора (например, осуществление пенсионной реформы с постепенным повышением пенсионного возраста с его последующей индексацией) (Сергеев, 2016, с. 259). Несмотря на то, что «фиолетовый кабинет» (т.е. сформированный социалистами и либералами) формировался в Нидерландах не впервые (Осколков, 2017, с. 111), именно реформы второго правительства Рютте вызвали массовое общественное недовольство политикой социалистов. Значительное падение доли голосов, поданных за ПТ (сокращение на 19 п.п.), говорит о том, что для избирателя традиционная повестка партии играет достаточно серьёзную роль.

Слом системы опор (нид. *ontzuiling* – буквально «разрушение опор») совпал с общеевропейскими тенденциями трансформации партийных систем – размытием идеологической базы партий в стремлении увеличить электорат и созданием того, что О. Кирххаймер назвал *catch-all parties* – партий, направленных на максимальное привлечение избирателей самых разных убеждений. Идеология практически всех партий сместилась к центру, и от прежней «опорной» идентификации остались только названия. Этот процесс не затронул только те партии, которые по классификации З. Ноймана могут быть отнесены к доктриналь-

ным (в отличие от патронажных и харизматических). В условиях подобной идеологизации открылась возможность также для создания партий, не опирающихся на историю той или иной опоры и свободной от исторических коннотаций. Первой такой партией стали «Демократы-66», а в настоящее время данный кластер представлен правопопулистскими партиями – прежде всего, «Партией свободы» и недавно образованным «Форумом за демократию».

Второй важный процесс, наложивший свой отпечаток на европейские партийные системы, – институционализация европейской интеграции. Начавшись в 50-е годы с созданием ЕОУС, наибольший импульс европейской наднационализации был придан в начале 1990-х с подписанием Маастрихтского договора. После создания уже других, «европейских» опор (функциональных и не имеющих ничего общего с многокомпонентно-демократической основой) большинство партий было вынуждено включить в свои программы пункты, отражающие их отношение к европейской интеграции. Партии-наследники либеральной (НПСД/VVD), умеренной социалистической (PvdA) и объединённой умеренно-клерикальной (CDA) опор традиционно выступают проводниками и сторонниками европейской интеграции. С правопопулистскими, а также радикально-протестантскими и радикально-социалистическими партиями дело обстоит намного сложнее. Несмотря на то, что страна стояла у истоков европейской интеграции, евроскептицизм в Нидерландах достаточно широко распространён, имеет давние традиции и множественные основания. Одной из наиболее существенных причин евроскептицизма является традиционное для малых стран ЕС опасение политической централизации Союза и ущемления суверенитета национальных государств.

Олицетворением нидерландского евроскептицизма стала «Партия свободы» (Partij voor de Vrijheid, PVV) Геерта Вилдерса. В правопопулистской риторике «Партии свободы» евроскептицизм занимает существенное место, наряду с антиэлитистскими и антииммигрантскими (часто принимающими форму антимусульманских) лозунгами. В 2014 году, ещё до референдума в Великобритании, Геерт Вилдерс представил Генеральным штатам Нидерландов доклад «Nexit» о возможных плюсах выхода Нидерландов из Европейского союза. Последовавшая дискуссия, учитывая популярность «Партии свободы», заставила политический мейнстрим также сделать ряд заявлений по поводу европейской интеграции: так, премьер-министр Марк Рютте заявил, что европейскую интеграцию «не следует углублять или ускорять»². В программе, с которой партия шла на выборы в 2017 г., в свойственной популистам «лозунговой» манере говорилось о необходимом выходе из ЕС: «Нидерланды снова [должны стать] независимы. Так что – выход из ЕС» (*Nederland weer onafhankelijk. Dus uit de EU*)³.

Партия «Форум за демократию» (Forum voor Democratie) стала своего рода открытием последних выборов в нидерландский парламент, получив там два места и возникнув из кампании за проведение референдума о ратификации договора об ассоциации ЕС и Украины. Основным объектом критики «Форума за демократию» – «демократический дефицит» ЕС, ограниченные возможности граждан влиять на принятие решений в европейской бюрократической машине.

Мягкий евроскептицизм характерен также для популистской партии «Гордость за Нидерланды» (“Trots op Nederland”, TON), основанной бывшим министром интеграции Ритой Вердонк (Rita Verdonk) в 2007 году. В партийной программе указано, что Нидерланды «больше не должны платить в бюджет ЕС больше, чем все остальные», а также делать взносы в структурные фонды ЕС и в сферу сельского хозяйства. Членство Турции в ЕС не может даже обсуждаться, а вопросы, напрямую затрагивающие интересы нидерландских граждан, должны решаться на референдумах⁴ (в общем-то, стандартное популистское требование прямой демократии).

В той или иной форме именно в Нидерландах евроскептицизм характерен для многих политических партий мейнстрима, в дискурсе и идеологии которых он не является одной из структурообразующих характеристик, а лишь «фоновым элементом». Политологи отмечают наличие евроскептических компонентов у «Христианского союза», Реформатской партии, Социалистической партии и Партии защиты животных.

«Христианский союз» (Christen Unie), один из осколков «протестантской опоры», настроен по отношению к Евросоюзу критически, но всё же не призывает к выходу из него. На партийном конгрессе в 2014 году был использован лозунг «Да – сотрудничеству, нет – супергосударству» (*Ja voor samenwerking, neen voor superstaat*). «Христианский союз» стал одним из участников нынешней правящей коалиции Нидерландов, сформированной в октябре 2017 (наряду с Народной пар-

2 Rutte in Brussel: EU niet versnellen. Nederlands Dagblad. 24.06.2016. URL: <https://www.nd.nl/nieuws/actueel/binnenland/rutte-in-brussel-eu-niet-versnellen.1822396>.lynkx (Accessed: 18.11.2017).

3 Partij Voor de Vrijheid: officiële website. URL: <https://pvv.nl/visie.html> (Accessed: 18.11.2017).

4 Vertrouwen en Handhaven. Trots Op Nederland. URL: http://www.trotsnl.nl/_db/docs/Programma_Vertrouwen_en_handhaven.pdf. P. 29 (Accessed: 18.11.2017).

тий за свободу и демократию, «Демократами-66» и «Христианско-демократическим призывом»).

Реформатская партия (SGP) – старейшая функционирующая до настоящего времени парламентская партия Нидерландов, основанная в 1918 году. Она представляет интересы ортодоксальных кальвинистов, преимущественно населяющих так называемый «Библейский пояс» Нидерландов – часть провинций Зеландия, Гелдерланд, Оверэйссел и Южная Голландия. Партия отличается крайне критическим отношением к Европейскому союзу, во многом из-за якобы навязываемых им либертарных этических принципов («болевыми точками» партии являются права женщин, отношение к гомосексуалам, права на аборт и эвтаназию). Реформаты выступают за «радикальную реформу ЕС», ограничение приёма новых государств, уменьшение полномочий Европейской комиссии и отчислений Нидерландов в европейский бюджет, и – символично – снятие флагов ЕС со всех правительственных зданий в Нидерландах⁵.

Нидерландская Социалистическая партия (Socialistische Partij, SP) – наследник маоистских движений 70-х годов, претерпевших существенную трансформацию в направлении социал-демократии. На её сайте мы читаем: «Мы выступаем за сотрудничество в Европе, но не хотим бросать нашу демократию на алтарь Брюсселя. (...) Необходимо отдавать приоритет демократическим и социальным интересам граждан всех стран-членов ЕС»⁶.

Партия защиты животных (Partij voor de Dieren, PvdD) – классический

представитель «зелёных» партий новой волны. Возникнув в 2002 году, партия впервые вошла в парламент в 2006 г. Она именует себя «зелёной еврокритической партией», выступая «против нынешней антидемократической формы функционирования ЕС». Так, по мнению ПЗЖ, при принятии решений в ЕС не учитываются действительные желания граждан; одним из наиболее неразумных решений руководства ЕС стало введение единой валюты для стран с «совершенно различными экономическими системами»⁷.

Ещё в 1993 году в Нидерландах была основана Либертарианская партия (Libertarische Partij, LP). В сфере внешней политики она выступает за «добровольное сотрудничество европейских стран вместо наднационального союза». На выборах 2017 года партия получила 0,01% голосов и, следовательно, не вошла в парламент.

Вокруг евроскептицизма часто строится идеология маргинальных националистических партий, наиболее ярким примером которых является Нидерландский народный союз (Nederlandse Volksunie, NVU). Образованный из партии «Демократы центра», Нидерландский народный союз – открыто националистическая, расистская, антисемитская партия, не представленная в нидерландском парламенте и даже на местах.

Последние на данный момент выборы в нижнюю палату Генеральных штатов Нидерландов были проведены 15 марта 2017 года. Из 150 депутатских мест Партия свободы получила 20 (в 2012 году – 15), Социалистическая партия – 14 (в 2012 – 15), Христианский со-

5 Staatkundig Gereformeerde Partij. URL: <https://www.sgp.nl/standpunten/e/europese-unie#standpunt-europese-unie> (Accessed: 18.11.2017).

6 Socialistische Partij. URL: <https://www.sp.nl/onderwerp/europees-beleid> (Accessed: 18.11.2017).

7 Partij voor de Dieren. URL: <https://www.partijvoordieren.nl/standpunt/europese-unie> (Accessed: 18.11.2017).

юз – 5 (результат не изменился), Партия защиты животных – 5 (в 2012 – 2), Реформатская партия – 3 (результат не изменился), Форум за Нидерланды – 2.

Несмотря на наличие вышеописанных евроскептических элементов, большинство партий мейнстрима осознаёт важность международной интеграции для небольшой страны, имеющей богатую историю дипломатических и интеграционных связей с большинством стран мира, поэтому «Некзит» на данном этапе очень маловероятен. Данные опросов общественного мнения демонстрируют весьма невысокий уровень поддержки евроскептиков. По данным исследовательского центра Пью (Pew Research Center), только 18% нидерландцев считают, что их стране надо выйти из ЕС. Однако необходимо учитывать, что столь жёсткая и однозначная постановка вопроса отпугивает часть опрашиваемых; «просто» референдума по поводу членства в ЕС, аналогичного британскому, желают уже 42% граждан Нидерландов, а 52% не одобряют того, как ЕС справляется с миграционными проблемами⁸. У 64% населения сложился позитивный образ ЕС⁹. По данным Евробарометра, 79% нидерландцев считают, что членство их страны в ЕС – это хорошо (при среднеевропейском показателе 57%); в 2016 году – 72%¹⁰.

Сообщественная демократия, важнейшей предпосылкой и стимулом которой является сегментированность общества, в Нидерландах приняла институционализированную форму системы опор, или пилларизации – все-

объемлющего разделения общества по партийно-идеологическим признакам, существовавшего в 1917-1967 гг. (даты, разумеется, условны, как и всегда, когда речь идёт о крупномасштабных социально-политических явлениях). Система была сформирована католической опорой (именно католическая эмансипация в Нидерландах придала основной стимул пилларизации), протестантами (давшими пилларизации концептуально-идеологическое обоснование), социалистами (начавшими применять методы организационной инкапсуляции, такие как создание «опорных» профсоюзов, СМИ и образовательных учреждений) и либералами (или же «неприсоединившимися»). Основным каркасом системы опор были политические партии соответствующей идеологической ориентации, предопределившие структуру современной партийной системы Нидерландов.

Слом системы опор проходил под влиянием экзогенных и эндогенных факторов, таких как формирование движения новых левых, война в Индонезии (нидерландской Вест-Индии), увеличение численности студентов, развитие массовой культуры, а также секуляризация, ускоренная Вторым Ватиканским собором. Однако со времени депилларизации основы функционирования партийно-политической системы Нидерландов изменились не сильно. По-прежнему в Нидерландах действует система крайнего плюрализма при наличии двух-трёх наиболее влиятельных партий, формирующих коалиционные правительства и выросших из соответствующих опор (социал-демократов, либералов

8 Post-Brexit. Europeans More Favorable Toward EU. Pew Research Center. June, 2017.

9 Ibid.

10 Two years until the 2019 European elections: Special Eurobarometer of the European Parliament. European Parliamentary Research Service. April, 2017.

и клерикалов разной степени радикализма). Тем не менее, наследие пилларизации во многом остаётся лишь фасадом, за которым скрываются современные *catch-all parties* с максимально размытой в целях привлечения широких слоёв электората и смещённой к центру идеологией (это, разумеется, не относится к доктринальным партиям ортодоксальных кальвинистов, таким как входящий в нынешнюю правящую коалицию Христианский союз и Реформатская партия). Деидеологизация и депилларизация, к тому же, открыли путь для партий, не нагруженных историческими коннотациями, а также популистских партий и «партий новой волны».

Ускоренная институционализация европейской интеграции заставила все политические партии отразить своё отношение к данному процессу в своих программах. При этом евроскептицизм различной степени радикализма характерен не только для популистов, но и для многих партий мэйнстрима: если партии, наследующие либеральной, умеренно-клерикальной (объединённой) и умеренно-социалистической опорам, относятся к европейской интеграции и наднационализации сугубо положительно, то этого нельзя сказать о правых популистах, а также о радикальных социалистах и радикальных протестантах.

В партийных программах европейских правых популистов евроскептицизм является (за редким исключением) обязательным элементом: в силу необходимости эксплуатации возникающих в дискурсе противоречий, правые популисты стараются использовать все актуальные *hot issues*, в числе которых стабильно присутствуют иммиграция, взаимоотношения с «правящей элитой» и «Брюсселем». Правые популисты озвучивают как лозунги, осторожно высказываемые партиями

мэйнстрима, так и собственные опасения по поводу замкнутой элитарности евробюрократии, расширения ЕС, призывы к прямой демократии.

С жёсткими евроскептическими лозунгами выступают маргинальные правые партии, традиционно склонные к антиглобализму и агрессивному национализму, которые не имеют никакого политического веса и остаются малочисленными «клубами по интересам». Для религиозных партий, по-прежнему активных в Нидерландах, характерно также опасение «либертарианских этических ценностей», предположительно распространяемых Европейским союзом.

В последние годы и без того успешные правопопулистские партии Бенилюкса, в том числе и Нидерландов, демонстрируют устойчивый рост, однако нет оснований утверждать, что это связано именно с евроскептицизмом: программы данных партий достаточно многогранны, их нельзя назвать *one-issue parties*, и избирателей скорее привлекают антиэлитистский и антииммигрантский посылы, нежели евроскептический – что очевидно из очень высоких, гораздо выше среднего по Союзу, показателей симпатии к ЕС. Религиозные партии, выступающие с евроскептических позиций, сохраняют свои традиционные результаты, так как имеют постоянный, стабильный, но немногочисленный электорат среди ортодоксальных кальвинистов – следовательно, показатели их популярности также весьма опосредованно связаны с евроскептицизмом.

Таким образом, евроскептицизм в Нидерландах, несмотря на их роль в создании Европейского союза, безусловно, присутствует, однако по большей части сводится к критике деятельности ЕС в определённых сферах. Призывы покинуть объединение успешно нейтрализуются другими партия-

ми. Популярность ЕС среди населения достаточно высока, поэтому высокие электоральные результаты партий, в программах которых присутствуют евроскептические пункты, обусловлена другими элементами их риторики.

Список литературы

Лейпхарт А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. Москва: Аспект-Пресс. 287.

Молчаков Н.Ю. (2017). Контуры теории регионалистского государства: европейский опыт. *Евразийский юридический журнал*, 10 (112). 67-71.

Осколков П.В. (2017). Нидерланды и ЕС: Фиолетовый кабинет М. Рютте (2012–2017 гг.). *Современная Европа: 60 лет после Римских договоров*. Москва: Институт Европы РАН. 111–115.

Сергеев Е.А. (2016). Проблема старения населения и её отражение в фискальных системах Бельгии и Нидерландов. *Современные тенденции мировой экономики: оценка потенциала и рисков в контексте формирования нового технологического уклада*. Москва: Дипломатическая академия МИД РФ. 258-279.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. (2007). *История Нидерландов*. Москва: Дрофа. 511.

Jaarboek onderwijs in cijfers. (2009). Den Haag: CBS. 281.

Lijphart A. (1968). *Verzuiling, pacificatie en kentering in de Nederlandse politiek*. Amsterdam: De Bussy. 224.

Terugblikken: een eeuw in statistieken (2010). Den Haag: CBS. 64.

Van Rooden P. (1996). *Religieuze regimes. Over godsdienst en maatschappij in Nederland, 1570-1990*. Amsterdam: Bert Bakker. 250.

References

Jaarboek onderwijs in cijfers (2009). Den Haag: CBS. 281.

Leiphart A. (1997). *Democracy in plural societies: a comparative exploration*. Moskva: Aspekt-Press. 287.

Lijphart A. (1968). *Verzuiling, pacificatie en kentering in de Nederlandse politiek*. Amsterdam: De Bussy. 224.

Molchakov N.Yu. (2017). Contours of the Theory of a Regionalized State: European experience. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*, 10 (112). 67-71.

Oskolkov P. (2017). The Netherlands and the EU: violet cabinet of M. Rutte (2012-2017). *Contemporary Europe: 60 years after the Treaty of Rome*. Moskva: Institut Evropy RAN. 111–115.

Sergeev E. (2016). Aging problem and its reflection in Belgian and Dutch fiscal systems. *Current trends in world economy: assessing potential and risks within the context of new technological order formation*. Moskva: Diplomaticheskaya akademiya MID RF. 258-279.

Shatokhina-Mordvintseva G. (2007). *History of the Netherlands*. Moskva: Drofa. 511.

Terugblikken: een eeuw in statistieken (2010). Den Haag: CBS. 64.

Van Rooden P. (1996). *Religieuze regimes. Over godsdienst en maatschappij in Nederland, 1570-1990*. Amsterdam: Bert Bakker. 250.

Информация об авторах

Петр Викторович Осколков, преподаватель, кафедра региональных проблем мировой политики, факультет мировой политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1-51
petroskolkov@yandex.ru

Егор Александрович Сергеев, преподаватель, кафедра мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
sergeev-ea@yandex.ru

About the Authors

Petr V. Oskolkov, Lecturer, Department of regional problems of world politics. Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University

1-51, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991
petroskolkov@yandex.ru

Egor A. Sergeev, Lecturer, Department of World Economy, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
sergeev-ea@yandex.ru

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-169-182

Lyubov A. TSYGANOVA

Department of Integrated Communication, National Research University
"Higher School of Economics"

8/2, per. Maly Tryokhsvyatitelsky, Moscow, Russian Federation, 109028
ltsyganova@hse.ru

Łukasz BIESZKE

Gdansk University
8, ul. Jana Bażyńskiego, Gdańsk, Poland, 80-952

View of Polish and Russian Media on Euro 2012: Comparing and Contrasting

ABSTRACT. *Considering the role of the media in modern society, we need to understand that public opinion about football fans in general is formed out of the information transmitted by the media. The objective of the study is to analyze the different views and aspects of the Euro 2012: its influence on countries development; its profitability but also the behavior of fans – their cooperation and rivalry. However, contemporary scholarship on sports sociology and football fandom subcultures does not recognize class impact on the near-football movement. European Football Championship 2012 showed problems of development and regulation of football fanaticism. It is essential to see how events on Euro 2012 in Poland, collision and confrontation Polish and Russian fans were reflected in Russian, Polish and UK press "Sport-Express", "Soviet Sport", "Rossiyskaya Gazeta", "Gazeta Wyborcza", "Gazeta Polska", "The Independent" and "The Guardian". Football fans', organization, and culture require precise studies, not only for understanding of current situation, but, perhaps, also for the development of an adequate strategy of interaction with them in the run-up to the World Cup in 2018. It is also necessary to identify not only the relationship of this movement to the different sectors of society, but also a subculture itself and its image in public opinion shaped by*

the media. In the era of globalization, understanding of youth subcultures is complicated and leads to a paradox. At the moment, there is a modification of the fan movement. On the one hand, we see the transition from bullying to the cultural «fanatism»; on the other hand, the question arises, if the bullies were an integral part of this culture, do we talk about the death or rebirth of culture? Youth subcultures in the era of postmodernism and globalization are transformed, into the phenomenon of «postsubculture», and may enhance the destructive tendencies in the spiritual life of the young generation, increasing the level of nihilistic attitudes. It should also be noted that the movement of football fans is becoming mainstream. There has been an increase in the popularity of fandom in society. This is due to the attention to this phenomenon in the media, in the cinema and fiction.

KEYWORDS: *football fans, mainstream, media, popularity, subculture*

FOR CITATION: Tsyganova L.A., Bieszke L. (2017). View of Polish and Russian Media on Euro 2012: comparing and contrasting. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 169-182. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-169-182

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-169-182

Любовь Александровна ЦЫГАНОВА

Департамент интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономика»

Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, 109028, Российская Федерация
ltsyganova@hse.ru

Лукаш БИШКЕ

Университет Гданьска

Jana Bażyńskiego ул., 8, Гданьск, 80-952, Польша

Взгляд польских и российский средств массовой информации на Евро 2012: общее и особенное

АННОТАЦИЯ. Учитывая роль средств массовой информации в современном обществе, необходимо понимать, что общественное мнение о футбольных фанатах в целом формируется на основе информации, распространяемой средствами массовой информации. Цель настоящего исследования – проанализировать различные взгляды и аспекты Евро-2012: влияние на развитие стран-хозяек, его прибыльность, а также поведение поклонников – их сотрудничество и соперничество. Евро-2012 показало проблемы развития и регулирования футбольного фанатизма. Важно изучить, как события на Евро-2012 в Польше, столкновение и конфронтация польских и российских болельщиков нашли отражение в российской, польской и британской прессе («Спорт-Экспресс», «Советский спорт», «Российская газета», «Gazeta Wyborcza», «Gazeta Polska», «The Independent» и «The Guardian»). Футбольные фанаты, их организация и культура, требуют точных исследований не только для понимания текущей ситуа-

ции, но, возможно, также для разработки адекватной стратегии взаимодействия с ними в преддверии чемпионата мира в 2018 году. Необходимым представляется также анализ не только отношения фанатского движения с различными общественными группами, но и самой субкультуры как таковой и ее имиджа в глазах общественного мнения, формируемого средствами массовой информации. В условиях глобализации понимание молодежных субкультур является достаточно сложным и ведет к парадоксу. С одной стороны, мы видим переход от агрессивного поведения к культурному «фанатизму»; с другой стороны, возникает вопрос: если бы хулиганы были неотъемлемой частью этой культуры, говорим ли мы о смерти или возрождении культуры? Молодежные субкультуры в эпоху постмодернизма и глобализации трансформируются в феномен «постсубкультуры» и могут усилить деструктивные тенденции в духовной жизни молодого поколения, увеличивая уровень нигилистических установок. Следует также отме-

тить, что движение футбольных болельщиков становится мейнстримом. В обществе растет популярность фэндомов. Это связано с тем вниманием, которое уделяется ему в средствах массовой информации, в кино и художественной литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: футбольные фанаты, мейнстрим, медиа, популярность, субкультура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цыганкова Л. А., Бишке Л. (2017). Взгляд польских и российских средств массовой информации на Евро-2012: общее и особенное. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). . 169-182. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-169-182

Study of football subcultures

Dr Jack Fawbert (Fawbert, 2006, 2005) views football fandom movement as a part of a popular culture sociology. He claims that football is a global practice that has been understudied in sociology. Fawbert sees the reason of this dynamics in the fact that football studies can be perceived as degradation of science and higher education, especially in the media; however, recent academic interest towards near-football movement changed this tradition. Talking about the study of youth subcultures in general and its class characteristics, Brake noted that there are subcultures of middle and working class, which differ in structure and organization (Brake, 1995). Budford summarized these two findings in his study of English football hooliganism, where he claimed that classic crowd theories do not take into account the complex issues of violence in football movements as a part of English working class phenomenon (Budford, 1990). Thus, contemporary scholarship

in sports sociology and football fandom subcultures does not recognize class impact on the near-football movement.

Studies on the history and development of football fandom are focused mostly sociological aspect. J.E. Hughson (Hughson, 1995) became the first to use football fandom as an object of study in his ethnography *The Making of Sporting Cultures* (Hughson, 2009). He investigated the role of collective feelings and passions in sport's development as a lifestyle, and concluded that sport would not have the place it has in the contemporary society without the active fans support.

The papers on football fandom research outlines the ways football fans express their support to the club as well as to the national team. Despite the fact that football fandom subcultures in different countries have their own features, they also have similar characteristics disregarding geographical and cultural differences. Many Western studies on football fandom cover large geographical area; however, Russian movement, despite its scale, is barely mentioned in the key works on the topic. It is also important to add the issue of identity and self-identity to the study of football fandom subculture.

G. Armstrong in his study of football hooligans expresses a doubt towards the statement that violence is in the center of their behavioral choices. The author claims that the roots of hooliganism, as well as its cultural values, rituals, honor codes, and forms should be sought in the working class culture. In his manuscript, which became the first anthropological study on football violence, Armstrong proves that violence among football fandom organized by the top players in football fans' groups is a myth. The author explains that such myths are cultivated for the police authority and mass media content in order to control groups considered to be deviant by the social stereotypes (Armstrong, 2003).

Shepanskaya notes that some youth subculture representatives convert particular culture's components into their own cultural values (Shepanskaya, 1993). Using the findings of Levikova's study, we see that subcultures present themselves as dynamic systems, which are constantly changing internally and externally¹. Thus, football fandom subculture can adapt to the constantly changing social conditions.

Currently in Russia as well as in the West there is a change in the football fandom movement. On the one hand, there is a shift from hooliganism towards a socially accepted fandom; on the other hand, this change poses a following question: as hooliganism was an essential part of a particular subculture, what will happen to this subculture after it disappears? According to a number of studies, in the age of globalization and post-modernism youth subcultures transform into a phenomenon of "post-subcultures" and can provoke an increase of the destructive tendencies in a young person's worldview as well as the increase of nihilistic views².

The research on football fandom should be conducted on several levels. The first and the most expansive is a discussion about the adequacy of a term "subculture" in terms of football fans' lifestyle. Many scholars insist on the terms "post-subculture" or "contra-culture" (Davydov, 1977), thus implying the change of "classic" football fandom. The next level depends on the academic discipline this phenomenon is studied within. At the moment, interdisciplinary approach seems to be the most appropriate for the study of football fandom subculture.

The image of football fandom in Russia

At this point, there are two opposing tendencies in Russian football subculture. The first one is a clear identification with the fans of the company to which they belong, the club that they support and total rejection of the opponents. The second is the union of football fans during a game of the national team. The European Football Championship 2012 showed that there are some problems in development and regulation of football fanaticism in Russia.

The transformation of football fans' subcultures, originating in Russia, currently raises the issue of prerequisites for the formation of subculture in the society. It should be noted that the origins of Russian fanaticism could certainly be traced from the West, especially the UK. The development of movements in Russia is similar to the British one, but with a difference in a few decades. Despite the typological similarity, it can be noted that the Western and Russian football fanaticism is based on the differences of cultures and mentalities.

Football fans tend to create social tension and thus attract mass media attention through their provocative actions. At the same time, this subculture in Russia is rather exclusive and does not pay attention to its image in mass consciousness. This fact gives mass media an opportunity to create a deceitful image of a football fan, which results in an erroneous perception of the representatives of this subculture since mass media is poorly informed on the internal structure and codes of Russian football fans' movement.

First of all, mass media interest towards football fans did not have a distinct negative or positive connotation and was mostly en-

1 See: Levikova, S.I. Youth Subculture: Textbook. Moscow: FAIR PRESS, 2004. (In Russ.).

2 Chernyshenko V.V. Existential foundations of youth subcultures. Diss. for the degree of Candidate of Philosophy. Belgorod. 2011. P. 4. (In Russ.).

tertaining and interesting for the media audience. With the formation of football firms, Russian hooliganism started to emerge. The process was accompanied by several mass fights in Moscow region, where Russian police and Special Police Force played a big part. Videos from these events were the first appearance of football fans on the Russian national television, which substantially influenced the formation of their contemporary media image and created a stereotype for the following mentioning of this subculture in Russian media.

Russian media and football fandom subculture

Russian sports press is rather developed – it is composed of more than 30 national print publications with the circulation of more than 150 thousand. The publications that have the most frequent mentioning of football fans' activities are "Sport-Express" and "Total Football"; these media have staff members that are familiar with Russian football fandom and are able to analyze objectively the actions at the stadium.

The majority of independent Internet media (Championat.com; Sportbox.ru, Sports.ru, etc.) have the most liberal position towards football fans since they are quick in their reaction towards the events and apt for discussion. The latter plays a great part in the fans' image formation since the news about fans' "actions" can be commented on by the very participants or those who are affected. Championat.com is the most active site for discussion; it even has an option for the fans' firm belonging identification during the registration process on the website in order for it to appear next to the posted comments. This helps to create a more objective representation of fans' activities in digital media.

The football fandom subculture has print and Internet media outlets of its own. Lately most of communication happens

through the Internet leaving print outlets as a custom rather than information source. Fanstyle.ru and Fanat.ru as well as particular clubs' fandom movement websites are the largest Internet portals at the moment. Most of these websites are also opened for discussion. The difference is that during the public discussion not a lot of information is disclosed or special numbers are used because of the threat of confidential information about unlawful fans' actions leak. These media outlets are also unique in their coverage of near-football activities results as well as "actions" organized by the fans of different football clubs. According to the general public's opinion, the most common reason (66%) for football fans' part-taking in various actions became the love towards the football club; the second most common reason (28%) was the desire to stand out; the third motive (12%) was sheer boredom. This data shows that self-identification with the club in the eyes of the public is the biggest motivational factor for a football fan. As for the publically perceived football fandom's goals, the poll showed that 74% of the public see it as self-realisation, 32% mentioned love towards the club, and 28% identified aggression release connected with family issues as a goal of football fandom.

Warsaw case

During the Euro Cup 2012 there were two events where Russian fans figured as main characters. One happened during the Russia – Czech Republic game and included one fan that threw "fire" on the field and then beat a steward during his detention at the stadium. The second event happened on June 12th 2012 on the day of Russia-Poland match, where Russian and Polish fans broke a fight on the bridge that connects the city with the National stadium. According to different sources, there was a crowd of 5000-7000 Russian football fans march-

ing from the city center and guarded by 539 policemen. The groups of Polish “pseudo-fans” with detonators and banners, which were negatively depicting Russian political past and present on the other side of the bridge, triggered the incidents followed³. It was clear that the confrontation couldn’t be avoided as both sides started to accumulate additional forces; however, the fight did not last long – the situation was quickly regulated by the authorities. After the incident, the fights around the city followed; the mayor of Polish capital Gronkevich-Valtz stated that on the day of Russia-Poland match “there were a total of 184 people arrested by the police forces in order to prevent street fights. Among the arrested there were 156 Polish citizens, 25 Russians, and three Hungarians, Algerians, and Spanish citizens... the city did not suffer much damage as the majority of leaders were arrested.” According to the mayor, 190 injured, including 19 foreigners, were delivered to the Warsaw hospital. 6400 policemen and 2000 Spetsnaz soldiers were called to keep peace in the city; some soldiers even came to the National stadium in the end of the match. The city police representative commented: “This was an unprecedented move but we have been informed about the possibility of further conflicts”⁴.

«Sport Express» and “Soviet Sport” during and after “Warsaw case”

It is interesting to note that in the «Sport Express» newspaper for the entire period of the 2012 Championships, the term “fans’ support group” in relation to

Russian national team in football from 8 June to 8 July 2012 on the pages of newspapers were used in 10 articles, “hooligans” in 4 papers, «passive fans» – 29 articles.

A different focus of football fans’ mass actions can be identified from the regulation problems that Russia faced during the European Championship events in June and July 2012. We analyzed the media coverage of the events which included Russian fans in Poland, taking into account that mass media not only reported but also commented on the events, and media opinion shaped public perception.

As mass media has always been the only information source on the football fans’ actions for the majority of the public, Russian newspapers often faced a dilemma whether to cover these events as mere informational reports or to add commentary⁵.

Within a month after the clash between Russian and Polish fans, 175 articles were published in the Russian federal press⁶.

The emotional focus of media coverage of these events was generally negative, but some articles were neutral. For example, Prosvetov wrote that “the lack of aggression and reciprocal friendliness is the loss of happiness. Especially, within the light of Warsawevents”⁷. Another article stated: “Today we learned about two Warsaws. The one is the older part of the city and next to the railway station, where normal fans from both teams communicated, made friends and the other one we saw screaming and fighting”⁸.

The Minister of Sports did not see Warsaw events as the fight between the football fans. He even stated that the march of Russians before the game was not a provoca-

3 Roganov N. Polish Ambassador to Russia Wojciech Zajoncowski: Poles are to blame first. *Soviet Sport*. № 87 (18728). 14.06. 2012. (In Russ.).

4 V varshave zaderzhany dvadcat’ pjat’ rossijan. *Sport Express*. № 128 (5896). 14.06.2012. P. 3. (In Russ.).

5 Bobrov A. Tem, kto bil styuarda , grozit do 5 let tyur’m. *Sport-Express*. 16.06.2012. P.4. (In Russ.).

6 On the basis of Integrum

7 Prosvetov A. Tri khar’kovskikh feirverka. *Sport-Express*. № 128 (5896). 14.06.2012. P. 5. (In Russ.).

8 Rabiner I. Dve Varshavy. *Sport-Express*. № 127 (5895). 13.06.2012. (In Russ.).

tion; on the contrary, it is safer for all the fans of a national team to gather and jointly walk to the stadium and these marches should be organized before each match. Sports Minister is not inclined to view the events in Warsaw as the fight of the fans. He also said that «Russian march before the match with Poland was not a provocation. Yes, on the contrary, the fans of one of the countries got together and went to the stadium – it only contributes to security in the city. These marches should be organized before each match – especially in the light of an unhealthy interest in the Russian fans of certain groups of Polish citizens, «Here, have a look: June 12, a small group, which attacked our citizens was organized, here and there. And in all three in the morning, as if on command, has ended. What was that? Controversial...»⁹. Although, the president of Russian Football Union reacted: “I honestly don’t know why this march was organized. I think that one shouldn’t provoke others.”

“Soviet Sport” published a good example of public opinion on the issue. One of the fans from Russian side, who did not participate in the march said that “there are freaks on both sides. Right before the game with Czechs in Vrozlava we talked with some of our people who clearly did not come there to watch football and enjoy Euro. Their goals have nothing to do with sport. They obey to some kind of leaders and follow their orders. They came to shout out their political slogans and to fight. They are provocateurs; football is just an excuse for them to tell others about themselves. Most of those we are talking about have it written on their faces that they are bandits. This is conventional but this is truly obvious.” Although, fans’ fights

usually happen outside the city line, the anonymous source said that Polish fans refused to follow this rule and said they will fight right in the middle of the city. “They have no principles, and on the 12th of June they used brass knuckles with spikes and tear gas. I can still feel it in my eyes.¹⁰” The newspaper also published a survival kit before the match Russia-Greece after the June 12th events¹¹.

“Soviet Sport. Football” weekly paper published an article that confirmed the participation of “fighters” on the Russian side during the march, but the first articles on the issue saw the reason of clashes as being political. “They have no specific attributes but they are easy to identify by their uniform. They are on their own. Russian Fan March in Warsaw which was organized by Russian Fandom Union before the Russia-Poland match was a good chance to play with muscles.” Alexander Shprygin, the head of Union of Russian Fans, did not consider Russian March as a provocative act and said that the Union is outside the politics. He considers this event a success: “We marched in columns and Polish radicals couldn’t do anything to us. All the experts expressed their gratitude to the Union for organizing the march. This was the only way to get to the stadium safely.” However, Shprygin admitted that the organizers did not expect the number of Russophobes to be so big. He also admitted that there were fans, about 200 people, who were supposed to show physical resistance at the march in the case of a conflict. The men wearing hoods in the front lines of the marching crowd are called out to react on provocations.

It is also important to note that the analysis of the articles is prepared in at-

9 Ibid

10 Lyapin M. Nas izbivali kulakami, dubinkami». Varshavskij sud opravdal Rossiiskikh fanatov, zhestoko zaderzhannykh policiej *Sovetskij sport*. № 89 (18730) 16.06.2012. (In Russ.).

11 Egorov D. Kak ne poddat'sya na provokacii v Pol'she. Pamjatka rossiiskomu bolel'shchiku. *Sovetskij sport*. № 89 (18730) 16.06.2012. (In Russ.).

tempt to pay attention to the internal proceedings between the Russian Football Union, the Ministry of Sports and the Union of Russian Fans. And if the minister of the Sports does not see anything alarming in a demonstration before the match, S. Fursenko, the president of the RFU, has responded well to this event was organized by why this march, to be honest, do not know. I think that one should never provoke other people's action. I understand perfectly that the Day of Russian people want to hold a demonstration, but ... In themselves these passages may be, and there is nothing wrong with that. But, as previously mentioned, it would be a kind of demonstration, bullies, of course, prepared for it. The idea to hold on June 12 in Warsaw, the procession in honor of Russia was itself a provocative, say many journalists. The correspondent of «Soviet Sport» confronts readers wrote: «Nobody thought of holding peaceful demonstrations in Jerusalem, the Palestinians. Or, in Tehran, American marches. Why should march knowing about complicated relationships of our countries, and the power of the Polish armed wing bigotry?»¹² «Moreover, many journalists converging on the view that the resolution of this march, the Polish authorities, or a bad job or a deliberate provocation.

Y. Abrashev, head of the Russian police at Euro 2012 stated «Unfortunately, there is a very small group of fans – we saw it, and Wrocław, and Warsaw – which I would not call our patriots football country. Due to the severe sanctions imposed on them, they can be tightened in the case of repeat incidents. But I do not think that these people can equate all the Russian fans. More than 90% of the fans

of our team were very good. The organizers of the march had to think ahead about the consequences. They are not stupid people, and deliberately went to take this step for any reasons. However in such situations, one is never to blame. If a person does not want to give in to provocations, he won't. I would not look right or wrong. This is a lesson for the future. When it became known about the organization of the march, the Interior Ministry of Russia was against the idea¹³.

Most of the articles on the events of June 12 in the newspaper Sport Express were neutral.

Also in the «Soviet Sport» interview on 15.06.2012 S. Fursenko said about a possible group of provocateurs, and blamed the events of Union of Russian Fans on June 12th¹⁴. Due to the fact that the media almost always makes an attempt to express the opinion of the people, the publication of «Soviet Sport» with the title «The voice of the people...»¹⁵. However, it should be noted that all the conclusions and many comments that boil down to the Russian fans, are far from around football subjects and did not know the specifics of the Polish fan culture.

The weekly «Soviet Sport. Football» published an article where explicitly stated, that on the part of Russian fans on the march was attended by «soldiers» and yet in the wake of the first articles talked about the political reason of provocation and political clashes. They are not attributes, but they are easily recognized by its uniform. They are on their own. «Russian march of fans» in Warsaw, hosted by the Union of Russian Fans on the eve of the match Poland – Russia – a great chance to flex its muscles». The head of the Union of Rus-

12 Zilbert A. Kuda vel most Ponjatoskogo? Besporjadki pered matchem Pol'sha – Rossiya glazami korrespondenta «Sovetskogo sporta». Sovetskii sport. № 87 (18728). 14.06.2012. (In Russ.).

13 Egorov S. Jurij Abrashov: Odnii isportili prazdnik, drugie postavili sbornuyu. Sovetskii sport. № 88 (18729) 15.06.2012. (In Russ.).

14 Prezident RFS Sergey Fursenko: Znaem o gruppe provokatorov. Sovetskii sport. № 88 (18729). 15.06.2012. (In Russ.).

15 Glas naroda zachem iz-za banditov nakazyvat' sbornuyu? Sovetskii sport. № 88 (18729). 15.06.2012. (In Russ.).

sian Fans Alexander Shprygin does not believe Russian march a provocation, said that the PSA out of politics. And consider this event a success. «We have a column, and Polish radicals almost could not do anything with us. All the experts expressed their gratitude to the PSA for the organization of the procession. It was the only way to get safely to the stadium. «But still, confirmed that the organizers of the demonstration did not expect that level of russo-phobia is so great. What is on the march was attended by fans, which may repulse – an asset the Union of Russian Fans, about 200 people, which exercised a force protection. Guys hooded front were called to react to provocation. In fact, fans defended «Kuzmichey» (passive football)

Polish media and football fandom subculture

Division of Polish fans is quite similar to Russian. In every big club there are hooligans who are not generally as much interested in football as in confrontation with opposite club hooligans. Ultras – they prepare presentations during matches and cheering. And there are picnics who are mostly interested in football.

There is just one national sport newspaper in Poland – “Przegląd Sportowy”. There are six national newspapers with sport section “Gazeta Wyborcza”, “Rzeczpospolita”, “Gazeta Polska Codziennie”, “Dziennik Gazeta Prawna”, “Fakt”, “Super Express”. There is also one football portal not connected with regular press where you can find not only results but also opinions. To show the mood of Polish press the best in this short time and because of polarization Polish political scene (there are not in fact neutral newspapers in Poland). I decided to analyze two newspapers from two sides of political scene – “Gazeta Wyborcza” regarded as left sided “modern” and friendly to foreigners and “Gaze-

ta Polska” regarded as strongly right sided – both anti-Russian and anti-European Union.

It must be said that the attitude of Polish mainstream (left sided) media towards Polish fans which can be seen in articles created after Poland – Russia game during Euro 2012 was connected with the strategy of Polish government before Euro 2012, namely – putting many restrictions against fans which was to show that they can cope with Polish hooligans (the most important – the amendment of Act on mass events security). Providing the personal identification data with a photo was required to buy a ticket for a Polish League game. The pyrotechnic became the main ‘enemy’ (after the amendment it was possible to be sentenced to five years in prison) but there was a possibility to be charged for sitting on not assigned seat.

All tickets had a fans’ name printed on them. In the first and second division all people on the stadium needed to have their profiles with photos and all personal data in the system of identification. There were restrictions connected with going on away matches. The Polish Cup final was completely banned for organized groups. Fans were able to cope with it. They travelled as ‘unorganized’ groups and even very antagonized fans were sitting next to each other and sang together anti-government chants and showed anti-establishment placards. The mainstream Polish media supported the government reporting even very minor breaking the law.

“Gazeta Wyborcza” and “Gazeta Polska” during and after “Warsaw case”

“Gazeta Wyborcza” was blaming Polish hooligans for riots whilst “Gazeta Polska” was trying to justify Polish fans behavior by real or not provocations made by Russians.

“Gazeta Wyborcza” – the most important Polish newspaper was trying to warm down atmosphere before the game. One day before the game there was an interview with Alexander Shprigin – the leader of Russian Fandom Union who was saying that most Russian fans had come to Poland just for sport and politics is not important for them. One day after the Poland versus Russia game “Gazeta Wyborcza” informed about riots. It was said that there had been a few serious incidents during Russian fans march on stadium which were provoked by Polish fans against calm Russia supporters. “Gazeta Wyborcza” described events as at the beginning there was about 5000 Russian supporters who met near National Museum and started going in stadium direction. They were stopped by aggressive group of Polish who were chanting texts like “Russian whore” and “Russian fuck off”. However they were separated by the police. But there appeared more and more Polish who were attacking Russians, throwing stones, and trying to beat them. Some people were injured and ambulances needed to take them to hospital. The word hooligan is only used to describe Polish fans. Russians are described as simply fans. It is highlighted that very few of them had soviet symbols (provocative against Polish because of Polish history before 1989 when Poland was controlled by Soviet Union). It is also pointed that Police used force only against Polish fans. They have stolen Russian scarves and flags¹⁶. Next day there is an interview with Shprygin saying that Russians are in hospitals but Polish police worked well and there is no problem between Polish and Russian fans. There is also said that the Vladimir Putin advisor Michail Fiedotov would come to Warsaw because of these

incidents. The title of article “The march of Russians fans. There was a riot. Polish started” as the whole text blames Polish supporters for all the situation¹⁷. The comments which were appearing in “Gazeta Wyborcza” after the game also blaming Polish supporters. Russian writer Viktor Jergiejew said “It was not because of politic; it was just a group of people who wanted to fight; however it can change the attitude among ordinary people, which had been very good earlier. It was also said in “Gazeta Wyborcza” that Polish embassy in Moskow did the right thing confirming that Polish were provocators¹⁸.

“Gazeta Polska” shows different point of view. This right sided medium was generally against Russian government which was regarded as guilty of provocations during march. It was pointed that there were Soviet Union flags and caps with symbols of hammer and sickle. These symbols are connected in Poland with period of time between 1945 and 1989 when Poland was dependent from Soviet Union – especially by strongly right sided nationalist which is an ideology of most of the most engaged hooligans and ultras in Polish fandom. The motif which was repeated during next few days in “Gazeta Polska” was the case of hurting its journalist Wojciech Mucha by Russian fans. It is pointed that Russians provoked fights and Polish police did not treat both sides in the same way. All restrictions were just against Polish supporters. “Gazeta Polska” also pointed that the atmosphere was made warmer by Russian authorities. According to the newspaper there were signals from Polish embassy in Moscow addressed to Russian Sport Minister Witalij Mutko that Soviet Union symbols may not be well seen in Poland and may cause the escalation of vi-

16 Polska kibolska wita. *Gazeta Wyborcza*. 13.06.2012. P. 3

17 Marsz rosyjskich kibiców. Była zadyma. Polacy zaczęli. *Gazeta Polska*. 14.06.2012. P. 2.

18 Nie ma wojny z Rosją o kiboli. *Gazeta Wyborcza*. 14.06.2012. P. 5.

olence which was ignored by Russians. It was also noticed that Shprygin is a member of Nationalists Party led by Vladimir Volfovich Zhirinovskiy. Russian television Dozhd was said to compare game to Warsaw Battle which in 1920 stopped Soviets from expanding to Western Europe. According to "Gazeta Polska" on a Russian edition of "Newsweek" there was a Polish coach Franciszek Smuda in a uniform of Józef Piłsudski – one of Polish commanders during Warsaw Battle. It was also said that Russia Today informed about death of one Russian fans during fights on streets which again made the situation warmer¹⁹. The last think which was mentioned by "Gazeta Polska" was a flag which with the agreement of UEFA and Russian Federation was shown on crowds during the game. According to "Gazeta Polska" it was showing Dmitry Mikhaylovich Pozharsky – the leader of uprising against Polish in XVII century. However, Alexander Shprygin – the leader of Russian Fandom Union said that it had been Ilija Muromiec – the legendary Russian hero²⁰.

"Gazeta Polska" used situation before Poland – Russia game for Polish interior political fight as the president of Warsaw who agreed on march where there were provocations was from opposite political option.

Generally in Polish media you could not find something like neutral and positive attitude towards fans at all. All the articles which were connected with fans behavior on streets of Warsaw were strongly negative. In "Gazeta Wyborcza" we could find articles blaming Polish side and sometimes both – Polish and Russian. In "Gazeta Polska" all the articles were blaming Russians for incidents in Warsaw.

I have not also found any statements of Polish authorities – both state and football – as the event was taking part in Poland it was probably very difficult to opt for any sides of confrontation.

The Guardian noted that it was a bizarre mixture of violence and hostility alongside jovial and amiable supporters caught up in the chaos unawares, paying for their curiosity by being charged at by police. Children having their faces painted were soon witnessing a scene of vehement hatred – a theme that has spanned the history between the two nations for many years²¹.

Number of British journalists noted the political aspects of the problem. Trouble flared after a march by thousands of Russia supporters came under attack, while visiting fans inside the stadium also unfurled a giant banner that read «This is Russia» – something that could be seen as a taunt about the decades of Moscow's control over Poland during the cold war²².

The British media, in particular The Guardian, wrote that the UEFA could only ban them, it was just unfortunate that they were drawn in the same group as the Poles. Poles, police, Russians, neutrals, riot vans and ambulances. Given the enmity between the three main parties – Poles, Russians and riot police – some of the old ultra-violence was inevitable, but it could have been an awful lot worse. Journalists note that they were impressed the restraint of most supporters, who in addition to being herded into an unnecessary crush, then had to climb barriers or descend steep banking to reach the ground because the police had decided to close the normal entrances²³.

19 Rosyjscy bandyci pobili naszego dziennikarza. *Gazeta Polska*. 13.06.2012. P. 5.

20 Antypolski książę na Narodowym. *Gazeta Polska* 14.06.2012. P. 7.

21 Ibid

22 Euro 2012: UEFA condemns 'isolated' violence after 24 fans injured. *The Guardian*. 13.06. 2012.

23 Wilson P. Euro 2012: Warsaw violence was inevitable but could have been worse. *The Guardian*. 13.06. 2012

The articles of «The Independent» had large political overtones²⁴. Thus, in particular phrases like Warsaw's most recognizable building remains the monstrous Stalinist Palace of Culture, a permanent reminder of the decades that Poland spent under Communist leadership backed by Moscow. The Independent journalists write that the countries still have awkward diplomatic relations, with Poland suspicious that Russia would like to destroy the nation's sovereignty, and Russia distrustful of Poland's EU- and NATO-oriented foreign policy²⁵.

In The Independent Often there are descriptions of the tragedy in Katyn in 1940, and the catastrophe in Smolensk. Repeatedly in The Independent the theme of nationalism and protest movement in Russia was raised. Comments were also made on Maria Baronova, a Russia fan, who helped organize the protests in opposition to President Vladimir Putin, was in the stadium on the game with the Czech Republic, Black colors of extreme Russian nationalists. «This is Russia», something that could be seen as a taunt about the times of Moscow during the Cold War²⁶.

Conclusion

Carrying out a comparative and comparative analysis of thoughts on the events of Euro 2012 in the press, number of facts can be noted. The Russian press clearly discussed the legitimacy of the march on June 12, despite criticism, most articles had a neutral color. The accusations of Russian fans in the Russian media are not traceable. There is inconsistency in the actions of the Union of fans and the football union, the aggressiveness of Polish fans.

While Euro 2012 was connected with the strategy of the Polish government before Euro 2012, namely – put a lot of restrictions against the fans, which was to show that they can cope with the Polish hooligans. The title of the article is «March of Russian fans». There was a riot. Polish began, «as the whole text accuses, Polish supporters for the whole situation.

It is interesting that the European press, particularly the English, tried to be neutral in their comments on the events of June 12. The Guardian wrote that you cannot have a match in Russia in Poland, especially during the Russia Day, without waiting for a certain amount of friction.

Neither the Russian, nor the Polish group of fans is known for their restraint. Although Polish hooliganism and racism were the focus of attention on the eve of the tournament, Russian fans were involved in his first violence, with the fights after the final whistle of 4-1 rout of their side from the Czech Republic in Wroclaw. A small group of fans mercilessly attacked local flight attendants, placing at least one steward in the hospital.

The articles «The Independent» had great political overtones. It was noted that the countries still have uncomfortable diplomatic relations, and Poland is suspicious of the fact that Russia wants to destroy the country's sovereignty, while Russia is distrustful of the foreign policy of Poland and the EU oriented towards the EU and NATO

The active actions of fans in recent championships are vividly reflected in the press. This negatively affects the image of fans and the country as a whole. This becomes an instrument for manipulating the mass consciousness in the light of the 2018 World Cup. The British BBC television

24 Masters S., Wilson J. More than 100 arrested as old hatreds erupt at Euro 2012. The Independent. 13.06. 2012.

25 Walker S. Poland v Russia: A rivalry most bitter. The Independent. 12.06. 2012.

26 Runsbys B. UEFA condemn violence between Russia and Poland fans at Euro 2012. The Independent. 13.06.2012

channel, which showed the documentary «The Army of Russian Hooligans,» compiled the story in such a way as to discredit the upcoming World Cup in Russia, the Russian embassy in London said²⁷. According to Russian diplomats, after viewing, there is a feeling that his main goal is to sow fear in Britain society for the safety of fans who planned to go to Russia and to repel the hunt for a trip.

At the beginning of the XXI century, the key for the development of football organization fanaticism decades, significantly growing in the number of fans, complexity of the structure and movement during the arising interest shown by the major media to this unusual display of youth activity. The sports press is increasingly mention the new «share» of fans of different clubs. Radio and television a begin inviting the leaders of fan movements to primetime programs. In addition, the accumulated footage of fans clashes with each other and with the police gives journalists a reason to conduct its own investigation and to provide the viewer in the form of educational programs in key channels.

It is widely believed that the representations in the media of football fans were resistant to cultural shifts, of violence in club football. At the same time, relying on a more romanticized reading of «traditional» rigid identity of the working class of English football and xenophobic hostility against the «other», it can also operate in less subjective terms. Steve Redhead, thinking about saying the writer Paul Morley that «you have to suffer, to watch football,» argues that commentators, representing the interests of the middle class talk about the widespread populist cultural beliefs in the «reality» or authenticity – fandom working class culture should

be intact streamlined technologically sophisticated «modern», and to be perceived as coming from continental Europe or the United States (Redhead, 1997). This view is itself a myth that reproduces itself as a popular sport and cultural «history».

The audience of fans expanding the national and trans-national levels, mainly due to the television and watching the webcast live at home. Mediatization of society contributed to the promotion of football and fandom and mediatization football, live sports events, not only did not stop the fans and just added new ways to incorporate the game.

Football fandom has begun to change with the development of information technologies. Internet Accessibility influenced fandom subculture. Active fans moved to social media. Any fans continue to go to games and ride for his team, it is especially important for those who believe that the «visits» are central to the support of the club.

References

- Armstrong G. (2003). *Football Hooligans: Knowing the Score*. Oxford: Berg. 388.
- Brake M. (1995). *The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada*. London: Routledge. 240.
- Buford B. (1990). *Among the Thugs*. London: Arrow. 320.
- Davydov Yu.N. (1977). Counterculture and crisis of socialization of youth in conditions of «consumer society». *Sociological research*, (3). 43-50. (In Russ.)
- Fawbert J. (2005). Football Fandom and the «Traditional» Football Club: From «Cockney Parochialism» to a Europe-

27 The BBC movie about football fans shocked Russian diplomats. URL: <https://ria.ru/world/20170217/1488176903.html> (Accessed: 18.09.2017).

an Diaspora? Magee J. [et al.]. (eds.). *The Bountiful Game? Football Identities and Finances*. Oxford: Meyer & Meyer Sport. 99-120.

Fawbert J. (2006). Replica Football Shirts: Serious or Casual Leisure? Elkington S. [et al.]. (eds.). *Serious and Casual Leisure: Extensions and Applications*. Eastbourne: Leisure Studies Association. 123-144.

Hughson J. (2004). Sport in the city culture. *The international journal of cultural policy*, (3). 319-330.

Hughson J. (2009). *The Making of Sporting Cultures*. London: Routledge. 168.

Levikova S.I., Bobaho V.A. (1996). Modern trends in youth culture: the conflict or continuity of generations? *Social sciences and modernity*, (3). 18-24.

Redhead St. (1997). *Post-Fandom and the Millennial Blues*. London: Routledge. 176.

Shepanskaya T B. (1993). *Symbols of youth subculture: experience of system research*. Sankt-Petersburg. Science. 340. (In Russ.)

Информация об авторах

Любовь Александровна Цыганова, кандидат исторических наук, Департамент интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономика»

109028, Российская Федерация, Москва, Малый Трёхсвятительский пер., 8/2
ltsyganova@hse.ru

Лукаш Бишке, Ph.D., Университет Гданьска

Гданьск, 80-952, Польша, Гданьск, Jana Bażyńskiego ул., 8.

About the Authors

Lyubov A. Tsyganova, Cand. Sci. (History), Department of Integrated Communication, National Research University "Higher School of Economics"

8/2, per. Maly Tryokhsvyatitelsky, Moscow, Russian Federation, 109028
ltsyganova@hse.ru

Łukasz Bieszke, Gdansk University

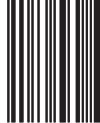
8, ul.Jana Bażyńskiego, Gdańsk, Poland, 80-952

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 7 0 0 6

>